

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТиПЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3

Выпуск 4, № 3 2018

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Университет Западной Флориды, США)

Буркин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартковский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3

Volume 4, Issue 3, 2018

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (University of West Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.51
UDC 811.51

Бурькин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований, Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
albury@mail.ru

Насилов Дмитрий Михайлович
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
Dmitriy M. Nasilov
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ КАК ТЮРКОЛОГ-КОМПАРАТИВИСТ
И ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ
B. A. SEREBRENNIKOV AS TURKOLOGIST-COMPARATIVIST
AND PROBLEMS OF ALTAIC STUDIES

Аннотация

Биография Б. А. Серебрянникова – образец становления научной подготовки и научной активности компаративиста-универсала, способного решать серьезнейшие проблемы сравнительно-исторического изучения языков различных семей и групп. Подвергая критике алтайскую теорию как теорию генетического родства алтайских языков, Б. А. Серебрянников не отвергает её полностью, и сравнивает ситуацию с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками с проблемами сравнительно-исторического изучения языков других семей. Критикуя отдельные положения своих оппонентов, он не стремился изъять из оборота алтайскую теорию как таковую и призывал её совершенствовать через поиск более веских доказательств.

За 30 лет с момента выхода работ Б. А. Серебрянникова, ортодоксальная алтаистика, признающая генетическое родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков, упрочила свои позиции, тюрко-монгольско-тунгусо-маньчжурские контакты и лексические изоглоссы обогатились новым материалом, а «контралтаистика» как форма отрицания родства алтайских языков рухнула, исчерпав себя как в теории, так и на уровне позитивных фактов.

Abstract

B. A. Serebrennikov's biography is an excellent example of scientific preparation and research of a universal comparativist who was able to resolve challenging issues of historical-comparative studies of languages belonging to different language families and groups. Criticizing Altaic theory as a theory of Altaic languages kinship, B. A. Serebrennikov did not completely reject it; he compared the challenge with Turkic, Mongolian and Tungus-

Manchurian languages to the one that researchers face in their historic-comparative studies of languages from other families. Despite the criticism of certain statements of his opponents, he did not aim at ruining the Altaic theory as such but called on researchers to improve it through looking for better proof for the kinship.

After 30 years since publishing of B. A. Serebrennikov's works, the orthodox Altaic concept that acknowledges the kinship of Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian, Korean and Japanese languages has made their positions stronger, Turkic-Mongolian-Tungus-Manchurian contacts and lexical isoglosses have been enriched by new material, and "Counter-Altaic" concept denying the kinship of Altaic languages has perished as a theory not having found enough positive facts to support itself.

Ключевые слова: тюркология, историческая фонетика, исторические морфология и синтаксис, генетическое родство, языковые контакты, реконструкция.

Keywords: Turkic studies, historical phonetics, historical morphology and syntax, kinship, language contacts, reconstruction.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17

1. Введение

Биография Бориса Александровича Серебренникова (1915–1989) может служить образцом становления научной подготовки и научной активности компаративиста-универсала, способного решать серьезнейшие проблемы сравнительно-исторического изучения языков различных семей и групп. Индоевропеист и филолог-классик по подготовке и аспирантуре, он в начале 1950-х годов обратился к актуальным проблемам теории сравнительно-исторического языкознания (его критика постмарровского наследия в отечественной лингвистике в книге «О материалистическом подходе к явлениям языка» [Серебренников, 1983], актуальна и до сих пор, несмотря на лакуны в персоналиях), а также к сравнительно-историческому изучению финно-угорских и уральских языков, а несколько позднее, с середины 1950-х годов и к проблемам сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Обобщением ценного опыта, накопленного сравнительно-историческим языкознанием, является его книга «Вероятностные обоснования в компаративистике» [Серебренников, 1974].

2. Анализ научных работ

Основной труд Б. А. Серебренникова в области тюркологии – это написанная им совместно с Н. З. Гаджиевой книга «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [Серебренников, Гаджиева, 1979, 1986], а также подготовленная теми же авторами часть многотомной сравнительной грамматики, посвящённая синтаксису [Гаджиева, Серебренников, 1986]. Первая из книг даёт по сути самый ранний систематический очерк сравнительно-исторической фонетики и морфологии тюркских языков, достаточно насыщенный материалом и лишённый субъективности в

его трактовке, вторая увязывает проблемы исторического синтаксиса тюркских языков с исторической морфологией и развитием морфологического строя и состава тюркских языков.

Ценнейшим наследием Б. А. Серебренникова в тюркологии и в алтаистике, ориентированной на интерпретацию материала тюркских языков, являются десятки его статей и заметок по проблемам исторической фонетики и морфологии тюркских языков, а также по вопросам ареальных связей тюркских языков в их теоретическом осмыслении, опубликованные в ряде сборников, в журналах и в особенности в журнале «Советская тюркология» в 1969–1989 гг.

Среди дискуссионных вопросов фонетики актуальными остаются работы Б. А. Серебренникова о первичности анлаутного *j*- в тюркских языках [Гаджиева, Серебренников, 1974 а] и о первичности согласного *z* в тюркских языках [Серебренников, 1971 ; 1986] – оба этих утверждения важны для характеристики общетюркского состояния, несмотря на возможную гетерогенность этих фонологических единиц для пратюркского состояния и множественность их потенциальных общеалтайских архетипов. Не менее важна работа Б. А. Серебренникова о причинах и условиях перехода начального *s > h* в башкирском языке [Серебренников, 1973], поскольку аналогичная проблематика актуальна для бурятского, якутского, эвенкийского и эвенского языков, образующих ареальную общность, но существенно различающихся в плане изменений в консонантизме [Бурыкин, 2015], а также работа о колебаниях гласных *a~y* в аффиксах [Серебренников, 1980 а].

Среди множества статей и заметок Б. А. Серебренникова по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков обращает на себя внимание работа об истории аффиксов многократного действия в тюркских языках [Серебренников, 1975 б], материал которой перспективен для внешнего сравнения на общеалтайском уровне. Столь же значима работа Б. А. Серебренникова о происхождении показателей звукоподражательных глаголов в тюркских языках [Серебренников, 1977, 1982 а].

Ценны разъяснения учёного об истории, конкретно о составном характере показателя множественного числа *-lar* в тюркских языках [Серебренников, 1970], по существу дискредитировавшие приём конфронтативного несходства алтайских языков на содержательном уровне, многократно использовавшийся для оспаривания родства алтайских языков. Статья Б. А. Серебренникова о суффиксе деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках [Серебренников, 1972], с одной стороны, решила важную проблему словообразования тюркских языков, с другой, не только не перечеркнула «алтайских» сопоставлений этого суффикса, наводивших алтаистов на разные заключения по этому поводу, но дала решение проблемы генезиса внешне сходных суффиксов, составленных из общих элементов, в разных группах алтайских языков, поскольку и именной суффикс *-l-*, и глаголообразующий суффикс *-a-* известны не только в тюркских языках.

Не менее интересны и ценны для алтаистики статьи Б. А. Серебренникова по исторической морфологии тюркских языков [Серебренников, 1975 а ; Гаджиева, Серебренников, 1974 б ; Серебренников, Бирюкович, 1984].

Ещё в 1950-е годы Б. А. Серебренников опубликовал две статьи, посвящённые взаимодействию финно-угорских языков с чувашским и татарским языками. Очевидно, их результаты составили для него картину, как именно выглядят контакты и последствия контактов языков, заведомо не принадлежащих к одной семье как классификационной единице. Показательно, что впоследствии Б. А. Серебренников практически не интересовался тюрко-монгольскими контактами – ни pro, ни contra – и имел скептическое мнение в вопросе о значимости изучения таких контактов для исторической тюркологии. В вопросе о родстве алтайских языков он был близок к позиции многих современников (Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Г. Д. Санжеев и др.), не отрицая генетического родства этих языков, но и не настаивая на нём. В 1979 году в первом издании «Сравнительно-исторической грамматики...» он заметил, что «...в алтайском доме нет должного порядка» [Серебренников, Гаджиева, 1979]; в 1986 г. во втором издании этой книги он задавал вопрос: «Но что делать, если исследования алтаистов пока очень несовершенны?» [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 3].

Из числа трудов Б. А. Серебренникова, имеющих первостепенное значение для алтаистики, выделяются своим конструктивным потенциалом несколько статей, посвящённых вторичным ареальным связям монгольских и тюркских языков, направленные на решение проблем идентификации заимствований и определения направления заимствований [Серебренников, 1980 б; Серебренников, Харьков, 1983]. Характерно, что в этих работах учёного нет контрверзы «общеалтайская лексика или заимствования», распространяемой на все реально выявленные и потенциальные, бесспорные и неочевидные лексические сходства в словарном фонде алтайских языков. В плане методики исключительную ценность для нас имеет следующее замечание исследователя: «Выдающийся алтаист В. Котвич не занимался проблемами исторической фонетики» [Серебренников, 1982, с. 30, прим. с. 40]. В самом деле, сравнительно-морфологические разыскания В. Котвича [Котвич, 1962] носят чисто сопоставительный характер, а при таком подходе к материалу и при соответствующих методах разобраться в проблеме генетического родства алтайских языков было невозможно в принципе.

Особый интерес и особую важность для «ортодоксальной алтаистики» представляют две работы Б. А. Серебренникова [Серебренников, 1982 б, 1988] в которых он по-своему даёт оценку методам работы сторонников теории генетического родства алтайских языков и тому объёму материала, который был в этот момент доступен для анализа специалистам-компаративистам, к числу которых принадлежал и автор трудов, рассматриваемых нами ниже.

Обсуждая алтайскую теорию как теорию генетического родства алтайских языков, Б. А. Серебренников сравнивает ситуацию с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками с проблемами сравнительно-исторического изучения языков других семей. По его мнению, необходимым условием постулирования генетического родства, и это справедливо, является системность соответствий [Серебренников, 1982, с. 8 и

сл.]. Далее, по его мнению, для признания родства языков на уровне семьи необходимо «очевидное родство» языков внутри групп [Серебренников, 1982, с. 28], что для тюркологии, монголистики и тунгусо-маньчжуроведения было давно установлено и признано. Добавим, что кроме «очевидного родства» языков внутри указанных групп в алтаистике уже в первой четверти XX века определились границы алтайской общности, за пределами которых сепаратные поиски родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков однозначно стали бесперспективными. Б. А. Серебренников мог и не говорить об этом, но в критике алтайской теории этот вопрос актуален именно как вопрос методологический.

Следующий тезис учёного, характеризующий свойства потенциальной языковой семьи – это некоторый общий набор признаков, характерный для этих языков [Серебренников, 1982, с. 28–29]. В отношении алтайских языков такими признаками для многих учёных (В. К. Метьюс, Ж. Дени и др.) – выступали наличие гармонии гласных, суффиксально-агглютинативный тип морфологии и некоторые другие типологические характеристики алтайских языков. Похоже, что сам Б. А. Серебренников считал перечисленный им комплекс типологических черт алтайских языков недостаточным, однако данная характеристика условий родства трудно поддаётся и количественной, и качественной оценке, что наглядно видно на материале индоевропейских языков и, к примеру, уральских языков, которыми профессионально занимался Б. А. Серебренников – достаточно сравнить именные и глагольные системы финского языка и казымского диалекта хантыйского языка, чтобы в этом убедиться: при родстве этих языков в рамках финно-угорской семьи (или группы) несходства между этими языками выглядят поразительными.

Б. А. Серебренников оценивает труд Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе по реконструкции общеалтайского языкового состояния на уровне фонетики следующим образом: «Насколько можно видеть, доказательство генетического родства алтайских языков, в конкретном случае материальное родство монгольских и тюркских языков, проводится по всем правилам на основании установления точных фонетических соответствий. Однако некоторые формулы соответствий вызывают сомнения» [Серебренников, 1982 б, с. 33]. Существенно, что работы выдающихся алтаистов с позиций жёсткого критика, причём профессионального компаративиста, оцениваются положительно. Далее идёт вполне корректное обсуждение ротацизма-ламбдаизма, однако автор удерживается в рамках существующей в тюркологии и алтаистике схемы соответствий согласных: «А. М. Щербак утверждает, что практически почти каждый чувашский *p* и почти каждый чувашский *л*, которым в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках соответствует *з* (*δ*) и *ш*, указывают на долготу предшествующего гласного или двусложность предшествующей части слова» ([Серебренников, 1982 б, с. 34], см. [Щербак, 1970, с. 85–86]).

«А. М. Щербак, проверивший 96 тюркских и монгольских слов, приводимых П. Пеллио для доказательства этого закона, приходит к выводу, что многие из них, как, например, монг. *hodun* 'звезда' и тюрк. *јултуз* яв-

ляются недостаточно обоснованными. В настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного или губного согласного, например: гагауз. *хармут* 'груша', азерб. *армуд*, уйг. *харак* 'водка', тат. *арак*» [Серебренников, 1982 б, с. 36 ; Щербак, 1959, с. 59].

Здесь столкнулись два подхода – непредвзятый взгляд Б. А. Серебренникова на известный в алтаистике фонетический закон – закон Рамстедта-Пеллио – в тех деталях, которые не имеют решающего значения для общеалтайской реконструкции, каким является в данном случае тюркский материал, и тенденциозный «контралтаистический» подход А. М. Щербака, который избрал для анализа наиболее спорный тюрко-монгольский сегмент документирующего материала, – примеры с протетическим *х*- в тюркских языках неизбежно отсеялись бы либо по причине отсутствия начального *h* в монгольских, $h < *ph$ в тунгусо-маньчжурских языках в соответствующих словах и начального *p* в корейском в параллелях для таких примеров, либо по причине необъяснимого расщепления рядов соответствий начального $*ph$ в отдельных группах алтайских языков. Позднее закон Рамстедта-Пеллио выдержал проверку на гораздо более объёмном материале, нежели рассмотренный А. М. Щербаком, притом с привлечением корейских фактов, показывающих соответствие монгольским и тунгусо-маньчжурским [Цинциус, 1984].

Заключение Б. А. Серебренникова о фонетической реконструкции Г. Рамстедта-Н. Н. Поппе таково: «Если теперь изъять из арсенала алтаистов все эти маловероятные формулы соответствий, то оставшиеся формулы соответствий окажутся крайне неконтрастными и маловыразительными. Они настолько неконтрастны, что алтаисты до сих пор не могут точно определить, какие сходные слова в монгольских и тюркских языках следует рассматривать как заимствованные из тюркских языков» [Серебренников, 1982 б, с. 36–37]. Здесь, видимо, по инерции, характерной для тюркологов, обходится вопрос о монгольских словах в тюркских языках, хотя это соображение на момент опубликования было верным. Ныне это преодолено. Существенно, однако, для методики дальнейших алтаистических исследований, что Б. А. Серебренников, никогда не высказывавшийся скептически о самой алтайской теории, ожидал видеть в межгрупповых корреспонденциях алтайских языков «контрастные» и «оригинальные» соответствия, т. е. такие соответствия, которые его коллеги позже чаще будут называть нетривиальными соответствиями, т. е. соответствиями с нетождественными и довольно заметно различающимися рефлексамми.

В части лексики алтайских языков Б. А. Серебренников, занимавшийся по большей части фонетикой и морфологией тюркских языков, передоверил решение ряда вопросов коллегам и стремился следовать за ними. Он писал: «А. М. Щербак, исследовавший частично лексику тюркских и монгольских языков в сравнительно-историческом плане, пришёл к выводам, не подтверждающим генетического родства тюркских и монгольских языков. Показательно, что при наличии множества общих слов,

обозначающих второстепенные понятия и нередко полностью совпадающих, числительные от 1 до 10, обладающие, как правило, наибольшей устойчивостью, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не совпадают и не могут быть выведены из единых праформ. Не совпадают также почти все слова, относимые по традиции к основному, или базовому, лексическому фонду [Щербак, 1966, с. 23] » (см. [Серебренников, 1982 б, с. 42–43]).

Далее он продолжает: «А. М. Щербак считает эти данные вполне достаточными, чтобы убедиться в невозможности объяснения лексических параллелей, обнаруживаемых в последней тематической группе, ссылкой на генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков [Щербак, 1966, с. 29]. «... Объём лексических связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками весьма значителен, однако природа и характер их таковы (обусловленность контактами и отчётливо выраженная оригинальность), что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным» [Щербак, 1966, с. 35]». [Серебренников, 1986, с. 43–44]. Однако, как мы увидим далее, Б. А. Серебренников не вполне разделял приведённое выше мнение.

Другая статья Б. А. Серебренникова, посвящённая проблемам алтаистики, была опубликована шестью годами позже вышецитированной статьи [Серебренников, 1988]. Она близка по тексту и примерам работе 1982 года, но, на первый взгляд, её выводы в отношении алтайской теории несравненно более категоричны. В этой статье также отмечается «удивительная сохранность» звукового облика слов, составляющих тюрко-монгольские параллели [Серебренников, 1988, с. 35–36], что, и мы согласны с автором, не слишком ожидаемо для довольно далеко разошедшихся языковых групп. О морфологии и лексики алтайских языков в этой статье Б. А. Серебренников говорит так: «Системы числительных в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках общих элементов не содержат»;¹ «В глагольных системах тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков нет ничего общего»² [Серебренников, 1988, с. 40]. Общий вывод у автора в данной работе таков: «В области исторической фонетики доказать их генетическое родство не удалось». «Очевидно, для доказательства генетического родства алтайских языков необходимы дальнейшие исследования» [Серебренников, 1988, с. 41]. В последнем тезисе Б. А. Серебренников был однозначно прав, и, что значимо для нас, этот выдающийся отечественный лингвист-компаративист не отрицал постановки

¹ Данное утверждение не вполне точно: наличие общего корня у монг. *dörben*. эвенк. *дыгин* ~ нан. *дуин*, и тюрк. *tört* '4' было очевидным фактом. Ныне понятно, что монг. *dörben* точно соответствует эвенк. *дыгинмэн*, эвен. *дыгэрмэн* «состоящий из 4 частей», а тюрк. *tört* так же точно соответствует эвенк. *дыгэрэгдэ*, эвен. *дыгэрдэ* «четвёрка». Налицо и присутствие тюрк. *о:н* '10' не только в тюркских названиях десятков *selsen* 80 и *toksan* 90, но и в монгольских названиях десятков. Проблема этимологий алтайских числительных всё же оказывается решаемой.

² Этот тезис также не бесспорен: в алтайских языках не совпадают словоизменительные парадигмы, но встречается довольно много элементов в глагольном словообразовании, образовании форм, называемых по традиции залоговыми и видовыми, среди показателей отглагольных имён, причастий и деепричастий.

проблемы генетического родства алтайских языков, и, критикуя отдельные положения своих оппонентов, не стремился изъять из оборота самоё алтайскую теорию и призывал её совершенствовать.

3. Заключение

То, что Б. А. Серебренников дал обзор мнений алтаистов и их противников – весьма равноценный в отношении сравнительно-исторической фонетики и сравнительно-исторической морфологии алтайских языков – является большой заслугой этого учёного. В его работах отчётливо заметно, что систематизированный позитив трудов Рамстедта-Поппе, какие бы недостатки в них ни находил Б. А. Серебренников, всё же противостоит разноаспектной точечной критике скептиков, аргументы которых, приводимые ими против родства алтайских языков, вполне позволили бы усомниться в родстве индоевропейских языков (ср. части тела и названия времён года). Общеалтайская реконструкция на уровне фонетики, на которую в свою очередь, размещается и морфологическая реконструкция, за последние три десятка лет шагнула вперёд по сравнению с теми работами, которые рассматривал критически Б. А. Серебренников. Более того, в наши дни говорить об ареальных, контактных связях алтайских языков в том виде, как это представляли В. Котвич и А. М. Щербак, тоже не представляется возможным.

За 30 лет, прошедшие с момента выхода рассматриваемых здесь работ Б. А. Серебренникова, ортодоксальная алтаистика, признающая генетическое родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков, упрочила свои позиции как среди общекомпаративистических дисциплин, так и в монголоведении и тюркологии. Тюрко-монгольско-тунгусо-маньчжурские контакты и лексические изоглоссы обогатились новым материалом, но не изменили статуса вспомогательной области, а «контралтаистика» как форма отрицания родства алтайских языков рухнула, исчерпав себя как в теории, так и на уровне позитивных фактов.

Список сокращений и условных обозначений

азерб. – азербайджанский;
гагауз. – гагаузский;
монг. – монгольский;
нан. – нанайский;
тат. – татарский;
тюрк. – тюркский;
уйг. – уйгурский;
эвен. – эвенский;
эвенк. – эвенкийский.

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. Две проблемы сравнительно-исторической фонетики монгольских языков: 1. Закон Рамстедта-Пелльо и его типологические аналогии. 2. Причины изменений в бурятском консонантизме [Текст] / А. А. Бурыкин // Бурятоведение II. Научное наследие Э. Р. Раднаева и современное бурятоведение : науч. сб. – Улан-Удэ, 2015. – С. 27–29.
2. Гаджиева, Н. З. Был ли начальный *j* в тюркских языках первичным? [Текст] / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1974 а. – № 3. – С. 75–82.
3. Гаджиева, Н. З. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках [Текст] / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников // Советская тюркология, 1974 б. – № 1. – С. 3–12.
4. Гаджиева, Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис [Текст] / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1986. – 283 с.
5. Котвич, В. Исследование по алтайским языкам [Текст] / В. Котвич / пер. с польского А. И. Толкачева. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. – 372 с.
6. Серебренников, Б. А. О некоторых частных деталях образования суффикса множественного числа *lag* в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1970. – № 1. – С. 47–53.
7. Серебренников, Б. А. К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога *l ul il n un in* в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1976. – № 2. – С. 29–34.
8. Серебренников, Б. А. О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1979. – № 3. – С. 3–11.
9. Серебренников, Б. А. К истории суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1972. – № 5. – С. 64–68.
10. Серебренников, Б. А. Что было первичным *r2* или *z*? [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1971. – № 1. – С. 13–19.
11. Серебренников, Б. А. О причинах перехода начального *s* в *h* в башкирском языке [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология – 1973. – № 2. – С. 10–15.
12. Серебренников, Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике [Текст] / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1974. – 352 с.
13. Серебренников, Б. А. Исторические загадки глагольного аффикса *-styg-* в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1975 а. – № 3. – С. 17–22.
14. Серебренников, Б. А. Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1975 б. – № 6. – С. 3–10.
15. Серебренников, Б. А. В поисках истории грамматических форм [Текст] / Б. А. Серебренников // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев – Л., Наука, 1976. – С. 238–243.

16. Серебренников, Б. А. Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1977. – № 1. – С. 3–7.
17. Серебренников, Б. А. Загадка аффиксального аблаута а:у в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1980 а. – № 3. – С. 42–47.
18. Серебренников, Б. А. Являются ли тюрко-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1980 б. – № 6. – С. 23–31.
19. Серебренников, Б. А. О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1982 а. – № 4. – С. 3–13.
20. Серебренников, Б. А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков [Текст] / Б. А. Серебренников // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., Наука, 1982 б. – С. 6–62.
21. Серебренников, Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка [Текст] / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
22. Серебренников, Б. А. О некоторых эффективных методах исследования родства тюркских и монгольских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, С. С. Харькова // Советская тюркология. – 1983. – № 5. – С. 46–56.
23. Серебренников, Б. А. Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка [Текст] / Б. А. Серебренников, Р. М. Бирюкович // Советская тюркология. – 1984. – № 6. – С. 3–14.
24. Серебренников, Б. А. О несостоятельности аргументов, применяемых для доказательства звукоперехода г в z [Текст] / Б. А. Серебренников // Советская тюркология. – 1986. – № 4. – С. 53–59.
25. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – Баку: Маариф, 1979. – 302 с.
26. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
27. Серебренников, Б. А. Критерии выделения алтайской языковой общности [Текст] / Б. А. Серебренников // Проблемы монгольского языкознания / отв. ред. Л. Д. Шагдаров. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 33–41.
28. Цинциус, В. И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губными звука-ми [Текст] / В. И. Цинциус // Алтайские этимологии – М.: Наука, 1984. – С. 17–130.
29. Щербак, А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании [Текст] / А. М. Щербак // Вопросы языкознания – 1959. – № 6. – С. 51–63.
30. Щербак, А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / А. М. Щербак // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 21–35.
31. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков [Текст] / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

References

1. Burykin, A. A. (2015). Dve problemy sravnitel'no-istoricheskoy fonetiki mongol'skikh yazykov: 1. Zakon Ramstedta-Pell'o i ego tipologicheskie analogii. 2. Prichiny izmeneniy v buryatskom konsonantizme [Two problems of comparative-historical phonetics of Mongolian languages: 1. Ramstedt-Pello Law and its typological analogues. 2. Reasons for changes in the Buryat consonant system]. *Buryatovedenie II. Nauchnoe nasledie E. R. Radnaeva i sovremennoe buryatovedenie* [Buryat studies II. Scientific heritage of E. R. Radnaev and modern Buryat studies]. A collection of scientific papers (pp. 27–29). Ulan-Ude.
2. Gajiyeva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1974 a). Byl li nachal'nyy j v tyurkskikh yazykakh pervichnym? [Was the initial j primary in Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 3, 75–82.
3. Gajiyeva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1974 b). Proiskhozhdenie affiksov s modal'nym znacheniem v tyurkskikh yazykakh [The origin of modal affixes in Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 1, 3–12.
4. Gajiyeva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow : Nauka Press.
5. Kotvich, V. (1962). *Issledovanie po altayskim yazykam* [The study of the Altaic languages]. Translation from Polish by A. I. Tolkachev. Moscow : Inostrannaya Literatura Press.
6. Serebrennikov, B. A. (1970). O nekotorykh chastnykh detalyakh obrazovaniya suffiksa mnozhestvennogo chisla lar v tyurkskikh yazykakh [On some minor details of the process of formation of the plural forming affix -lar in the Turkic Languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 1, 47–53.
7. Serebrennikov, B. A. (1976). K probleme proiskhozhdeniya affiksov stradatel'nogo zaloga l yl il n yn in v tyurkskikh yazykakh [Towards the problem of origin of affixes of the passive voice: -l-, -yl-/il-, -n-, -yn-/in- in Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 2, 29–34.
8. Serebrennikov, B. A. (1979). O nekotorykh trudnykh problemakh istoricheskoy grammatiki tyurkskikh yazykov [On some difficult problems of historical grammar of the Turkic language]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 3, 3–11.
9. Serebrennikov, B. A. (1972). K istorii suffiksa denominativnykh glagolov -la- v tyurkskikh yazykakh [Towards history of the suffix -la of denominative verbs in Turkic language]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 5, 64–68.
10. Serebrennikov, B. A. (1971). Chto bylo pervichnym r2 ili z? [Which was primary: «r2» or «z»]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 1, 13–19.
11. Serebrennikov, B. A. (1973). O prichinakh perekhoda nachal'nogo s v h v bashkirskom yazyke [On the causes of turning of initial s into h in the Bashkir language]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 2, 10–15.
12. Serebrennikov, B. A. (1974). *Veroyatnostnye obosnovaniya v komparativistike* [Probability approach to comparative studies]. Moscow : Nauka Press.
13. Serebrennikov, B. A. (1975 a). Istoricheskie zagadki glagol'nogo affiksa -styr- v tyurkskikh yazykakh [Historical mystery of the verbal affixe -styr- in the Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 3, 17–22.

14. Serebrennikov, B. A. (1975 b). Prichiny rezkogo umen'sheniya chisla affiksov mnogokratnogo deystviya i sokrashcheniya sfery ikh upotrebleniya v tyurkskikh zykakh [The reasons of reduction of usage sphere of frequentative affixes in Turkic langua]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 6, 3–10.
15. Serebrennikov, B. A. (1976). V poiskakh istorii grammaticheskikh form [In the search for the history of grammatical forms]. In S.G.Klyashtornyy, Yu. A. Petrosyan, E. R. Tenishev (eds.), *Turcologica. K semidesyatiletuyu akademika A. N. Kononova* [Turcologica. To the 70th anniversary of A. N. Kononov] (pp. 238–243). Leningrad : Nauka Press.
16. Serebrennikov, B. A. (1977). Proiskhozhdenie affiksov zvukopodrazhatel'nykh glagolov v tyurkskikh yazykakh [Tekst]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 1, 3–7.
17. Serebrennikov, B. A. (1980 a). Zagadka affiksial'nogo ablauta a:u v tyurkskikh yazykakh [Mystery of affixal ablaut a:y in the Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 3, 42–47.
18. Serebrennikov, B. A. (1980 b). Yavlyayutsya li tyurko-mongol'skie paralleli sredstvom proniknoveniya v glubiny istorii tyurkskikh yazykov [Are the Turkic-Mongolian parallels the means of penetration in the depths of history of the Turkic languages?]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 6, 23–31.
19. Serebrennikov, B. A. (1982 a). O proiskhozhdenii nekotorykh affiksov v tyurkskikh yazykakh [On origin of some affixes in the Turkic languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 4, 3–13.
20. Serebrennikov, B. A. (1982 b). Problema dostatochnosti osnovaniya v gipotezakh, kasayushchikhsya geneticheskogo rodstva yazykov [The problem of acquiring enough proof for hypotheses concerning languages kinship]. In B. A. Serebrennikov (ed.), *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira. Problemy rodstva* [Theoretical basis for world languages classification] (pp. 6–62). Moscow : Nauka Press.
21. Serebrennikov, B. A. (1983). *O materialisticheskoy podkhode k yavleniyam yazyka* [Materialistic approach to language phenomena]. Moscow : Nauka Press.
22. Serebrennikov, B. A., Kharkova, S. S. (1983). O nekotorykh effektivnykh metodakh issledovaniya rodstva tyurkskikh i mongol'skikh yazykov [On some effective research methods of relationship problems in the Turkic and the Mongolian languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 5, 46–56.
23. Serebrennikov, B. A. Biryukovich, R. M. (1984). Iz istorii nekotorykh glagol'nykh vremen chulymsko-tyurkskogo yazyka [From the history of some verbal tenses in the Chulymsk-Turkic language]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 6, 3–14.
24. Serebrennikov, B. A. (1986). O nesostoyatel'nosti argumentov, primenyaemykh dlya dokazatel'stva zvukoperekhoda r v z [Unfoundedness of arguments to prove r in z sound transition]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkologia], 4, 53–59.
25. Serebrennikov, B. A., Gajiyeva, N. Z. (1979). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Baku : Maarif Press.
26. Serebrennikov, B. A., Gajiyeva, N. Z. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. 2nd ed. Moscow : Nauka Press.

27. Serebrennikov, B. A. (1988). Kriterii vydeleniya altayskoy yazykovoy obshchnosti [Criteria for Altaic language family identification]. In L. D. Shagdarov (ed.), *Problemy mongol'skogo yazykoznaniya* [The issues of Mongolian language studies] (pp. 33–41). Novosibirsk : Nauka Press.
28. Tsintsius, V. I. (1984). Etimologii altayskikh leksem s anlautnymi pridykhatel'nymi smychnymi gubno-gubnymi zvukami [The etymology of Altaic lexemes with aspirated bilabial stops in the anlaut]. *Altayskie etimologii* [Altaic etymology] (pp. 17–130). Moscow : Nauka Press.
29. Shcherbak, A. M. (1959). Ob altayskoy gipoteze v yazykoznanii [The Altaic hypothesis in language studies]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 51–63.
30. Shcherbak, A. M. (1966). O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov [The character of lexical interaction in Turkic, Mongolian and Tungus-Manchurian languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 3, 21–35.
31. Shcherbak, A. M. (1970). *Sravnitel'naya fonetika tyurkskikh yazykov* [Comparative phonetics of Turkic languages]. Leningrad : Nauka Press.

УДК 81'42
UDC 81'42

Журавлева Евгения Радиевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Evgeniya R. Zhuravleva
Perm State University
Perm, Russian Federation

Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
FUNCTIONAL POTENTIAL
OF DISCOURSE MARKERS IN GERMAN

Аннотация

В статье рассматриваются функции дискурсивных маркеров немецкого языка. Несмотря на то, что исследование дискурсивных маркеров получило своё распространение в работах отечественных и зарубежных учёных, до сих пор нет единого мнения относительно определения границ данной группы слов, а также отсутствуют принципы и критерии их классификации. Авторы устанавливают и обобщают возможные функции дискурсивных маркеров в разных типах дискурсов. Удалось выявить, что, будучи единицами функционально-прагматического уровня, они служат для обеспечения когезии текста. Дискурсивные маркеры представлены различными грамматическими классами слов, обычно находятся в препозиции и имеют динамическую природу.

Abstract

The article aims at studying the functions of discourse markers of the German language in communication. Despite a considerable number of Russian and foreign works researching discourse markers, there is still no common opinion about the boundaries of this group of words, neither there are principles and criteria for their classification. We identify and summarize possible functions of discourse markers in different types of discourse. It was discovered that being the units of functional-pragmatic level, they provide text cohesion. Discourse markers are represented by various grammatical word classes, are used mostly in preposition and are characterized by dynamic nature.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный маркер, функции, классификация, немецкий язык, коммуникативное пространство.

Keywords: discourse, discourse marker, function, classification, the German language, communicative space.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3_18_31

1. Термин «дискурсивный маркер»

Термин «Diskursmarker» возник благодаря методическим и теоретическим разработкам в языкознании в 1970-е и 1980 гг. В то время стали более используемы зафиксированные в письменной форме записи разговорного языка в качестве информационной основы в социо- и психолингвистических, а также конверсационно-аналитических исследовательских работах [Blühorn, 2017 a, S. 8].

Преимущественно лингвисты обращали своё внимание на единицы выражения и другие явления (жесты, мимику, просодию и т. д.), которые способствуют коммуникативному воздействию, но не дескриптивно-позициональному содержанию высказываний. Для описания подобных феноменов было предложен термин «дискурсивный маркер» (Diskursmarker) [Blühorn, 2017, S. 312]. Наряду с термином «дискурсивный маркер» возникло множество других наименований в лингвистических исследованиях: «дискурсивные слова» [Мухтаруллина, 2012 ; Викторова, 2014, 2014 a], «прагматемы» [Богданова-Бегларян, 2004 ; Попова, 2016], «прагматический оператор» [Blühorn, 2017 a], «дискурсивные маркеры» [Вишневская, 2015 ; Каменский, 2014 ; Когут, 2016, 2016 a ; Санжеева, 2017 ; Шилихина, 2015 ; Blakemore, 1987 ; Fraser, 1996 ; Schiffrin, 1987, 2001].

Под «дискурсивными маркерами» понимаются выражения, которые раскрывают в диалоге свои специфические функции, могут устанавливать связь между сообщениями различных партнёров и служат для организации потока информации, общего знания и продолжения общения [Labov, Fanshel, 1977, p. 156].

Д. Шиффрин предлагает дефиницию понятия «дискурсивные маркеры» с позиций функционального подхода: дискурсивные маркеры – это выражения, которые на разных уровнях сигнализируют о границах дискурсивных единиц, объединяют между собой дискурсивные единицы и тем самым способствуют связной форме / конструкции в дискурсе [Schiffrin, 1987, p. 25].

Нам представляется целесообразным использование термина «дискурсивный маркер», так как это языковое явление используется в дискурсе, организует дискурс, выполняет определённые функции и осуществляет своего рода маркирование определённых смыслов, передаёт дополнительную информацию интенциональной направленности [Царенко, Шустова, 2018, с. 45].

Р. Вальтеряйт указывает на следующие особенности дискурсивных маркеров, которые отличают их от других разрядов частиц: нефлективность; возможность позиции на грани дискурсивной единицы; возможность быть ударной; наличие широкого скопуса, или сферы действий; невозможность быть запрашиваемой и отрицаемой; ограничения применительно к использованию в различных типах предложения [Цит. по: Аверина, 2017, с. 4]

Основное отличие дискурсивных маркеров от модальных частиц состоит в том, что сфера действия дискурсивных маркеров распространяется не только на предложение, но и на несколько предложений [Averina, 2015, S. 22].

А. В. Аверина видит главное отличие между дискурсивными частицами и модальными частицами, прежде всего, в том, что дискурсивные частицы занимают не только срединную позицию в предложении.

Ja glauben Sie denn, dass die Berstung im Innenausschuss sehr stark zum Verständnis hätte beitragen können?

В данном примере частица *ja* находится в препозитивной позиции (Vor-Vorfeld) и тем самым усиливает высказывание в целом. В приведённом примере *ja* выступает в роли дискурсивного маркера. Частица *ja*, как модальная частица, может стоять только в середине предложения [Averina, 2015, S. 23].

Дж. Браун и Дж. Юл отмечают следующие характерные грамматические особенности маркеров дискурса: свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они употребляются; преимущественно препозитивное местоположение в высказывании; факультативность употребления; принадлежность к различным грамматическим классам слов – междометиям, наречиям, частицам [Brown, Yule, 1983, p. 106].

Поскольку дискурсивные маркеры связаны непосредственно с функционированием дискурса, возникла потребность их классифицировать, определить их функцию, а также охарактеризовать их способность воздействовать на адресата. Большинство исследователей [Карасик, 2007; Бабаева, 2006; Blankenhorn, 2003; Fraser, 1996; Bauer-Ramazani, 2006] сходятся во мнении о разделении дискурсивных слов по их синтаксической роли и по функции в дискурсе.

Р. Блэкенхорн подразделяет дискурсивные слова на две основные группы: элементы с преобладающей структурирующей (синтаксической) функцией и элементы с преобладающей модифицирующей функцией. Первую группу слов она называет дискурсивными маркерами (Diskursmarker), а вторую – модификаторами (Modifikatoren) [Blankenhorn, 2003].

Ч. Бауэр-Рамазани классифицирует дискурсивные маркеры по их синтаксической роли в предложении (см. схему на рис. 1) [Bauer-Ramazani, 2006].

Р и с у н о к 1. Классификация дискурсивных маркеров (по Ch. Bauer-Ramazani)

В свою очередь, отечественный исследователь Е. А. Иванова предлагает похожую классификацию дискурсивных слов по выполняемой ими функции, где она выделяет две группы дискурсивных маркеров (см. табл. 1) [Иванова, 1999].

Т а б л и ц а 1. Классификация дискурсивных маркеров по Е. А. Ивановой

Лексические пограничные маркеры, употребляющиеся с целью привлечения внимания	Лексические маркеры конца диалогической единицы
Апелляторы – обращения с номинативной, апеллятивной и оценочной функциями (<i>мужчина, Кать, эй, слышь!</i>).	Оценочные маркеры – выражения, содержащие оценку темы обсуждения по отношению к какой-либо норме, к реальности (<i>да уж, верно, вот как, не может быть, Боже мой</i>).
Этикетные маркеры – выражения вежливости (<i>извините, прошу прощения, будьте добры</i>), приветствия (<i>здравствуйте, добрый день</i>), стереотипные вопросы (<i>Как дела? Как жизнь?</i>).	Выражения десемантизированной оценки. Её семантика содержит значение принятия к сведению всей предшествующей информации, её косвенную оценку с точки зрения приемлемости, допустимости и согласия с ней (<i>ладно, идёт, годится, ну хорошо</i>).
Другие выражения привлечения внимания – указания на начало диалогической единицы фиксировано в их плане содержания (<i>внимание, смотрите, понимаешь, знаешь</i>).	Маркеры прерывания диалогической единицы. Прерывание происходит при нежелании собеседника поддерживать данный разговор (<i>хватит, замолчите, уйдите, отстаньте</i>).
Маркеры возвращения к теме и подведения итога (<i>и вот, итак, всё-таки, значит, выходит</i>).	Метатекстовые комментаторы завершения (<i>всё, на этом точка, я закругляюсь</i>).
Маркеры прерывания и начала новой диалогической единицы. Происходит перебивание, при этом предыдущая диалогическая единица остаётся незавершённой (<i>секунду, подожди, сейчас, кстати</i>).	Этикетные показатели конца (<i>большое / огромное спасибо, хорошо, до свидания, всего хорошего / доброго / (самого) наилучшего</i>).

Другой подход к классификации дискурсивных маркеров представляет Д. Шиффрин, уделяющая большое внимание тесной взаимосвязи дискурса и маркеров. Она рассматривает дискурс не только как единицу языка, но и как процесс общения, и её работы посвящены устному дискурсу. По форме Д. Шиффрин делит дискурсивные маркеры на следующие типы: соединительные, восклицательные, наречные и лексические фразы. Д. Шиффрин формулирует несколько отличительных параметров, по которым можно идентифицировать дискурсивные маркеры: синтаксическая отстранённость от структуры предложения, начальная позиция в предложе-

нии, особый просодический контур, функционирование на локальном и глобальном уровнях дискурса, функционирование на различных планах [Schiffrin, 1987].

Испанские лингвисты М. Зорраквино и П. Лазаро [Zorraquino, Lázaro, 1999] разработали функциональную типологию дискурсивных маркеров, мы же предприняли попытку расширить данную типологию, опираясь на материал немецкого языка путём привлечения баз данных корпусов.

2. Дискурсивные маркеры в немецком языке

1. Дискурсивные маркеры, образующие информационную структуру (Informationsstrukturierer), направляют поток информации в текст и взаимосвязь / интеракцию; упорядочивают и делят темы, извещают о начале, продолжении и конце единиц действия и интеракции различной степени сложности, указывают на побочные действия и отклонения в драматургии действия и интеракции: *denn, also, erstens, an erster Stelle, als Erstes, übrigens, nämlich, zwar, natürlich, ja, allerdings, leider, aber, freilich, hier, eben, anscheinend, eigentlich, wahrscheinlich, jedoch, auch, doch, wohl, jetzt, sicherlich, bekanntlich, jedenfalls, meistens, trotzdem, offenbar, daher, heutzutage, sowieso, momentan, nun, diesmal, vermutlich, dann, demnach, somit, vielleicht, offensichtlich, mittlerweile, dort, da, endlich, folglich, dementsprechend, infolgedessen, logischerweise, ergo, deshalb, hinterher, demzufolge, zuletzt, demnach, insofern, mithin, danach, schließlich* [LCC].

Welches Buch willst du haben? Also? (Einleitung einer Entscheidungsfrage).

Ich habe momentan keine Zeit, bin momentan mit anderen Dingen beschäftigt (augenblicklich, gegenwärtig).

Siehst du es endlich ein? (drückt Ungeduld über langes Warten aus) [DWDS].

2. Аргументационные операторы (Argumentationsoperatoren) организуют порядок / расстановку и весомость аргументов: *in Wirklichkeit, vielmehr, zum Beispiel, beispielsweise, eher, oder, mehr, sondern, dagegen, lieber.*

Alle Hinweise sprechen dagegen, dass ...

Ich ahnte, vielmehr, ich glaubte zu ahnen, warum er sich so beherrscht gab [DWDS].

Besonders schwerwiegend könnte das beispielsweise bei Cloud-Diensten sein, in denen sich mehrere Nutzer den gleichen Server teilen [ZEIT].

3. Коннекторы (Konnektoren) обеспечивают логику высказывания, указывают на продолжение действия посредством равнозначных последующих шагов, последовательности действий, которые побуждаются предшествующими шагами, и обратных, противоположных шагов действия, например, *auch, zudem, also, deshalb, jedoch, allerdings, darum, deswegen, dann, dann, danach, dennoch, jedenfalls, obgleich, gleichwohl, doch, trotzdem* [LCC].

Er war zwanzig Jahre nicht hier gewesen, zudem hatte er nie selbst den Wagen gelenkt und dementsprechend wenig auf die Strecke geachtet.

Sie sei schön, ohne deswegen größere Hoffnungen tragen zu müssen.

4. Регулятивные маркеры (Reformulierungsmarker) актуализируют специфические виды деятельности планирования выражения и его оформления в речи. Они уточняют, разъясняют, передают или обобщают, а также указывают на степень идентификации говорящего с выбранной формулировкой соответственно, дистанцированием от степени идентификации, например, *das heißt, beziehungsweise, besser gesagt, genauer gesagt, jedenfalls, also, kurz und gut* [LCC].

Oder besser gesagt, sie erlaubte mir, mit ihr Kontakt aufzunehmen.

Wenn du denkst, das heißt, du kannst anfangen mich anzuschreien... Hast du verdammt recht, du Trottel! [DWDS].

5. Конверсационные маркеры (Konversationsmarker) – эта группа дискурсивных маркеров является наиболее объёмной. Они выполняют разные функции.

Выделяются следующие подгруппы дискурсивных маркеров.

1. Эпистемические и деонтические модализаторы (Epistemische und deontische Modalisierer). Они указывают на индивидуальный и предполагаемый скопус в интеракции, на происхождение знания и степень уверенности в нём, связывают шаги действия с целями и нормами, а также оценивают их, например, *anscheinend, sicher, klar, gut, okay, in Ordnung, sicherlich, wahrscheinlich, ja, einfach, gewiss, bestimmt, wirklich, nämlich, eben, vielleicht, doch, aber, auch, auch noch, eigentlich, trotzdem, so, also, schon, selbstverständlich, sowieso, tatsächlich, offensichtlich, oft, richtig, gar, gar nicht, nicht, manchmal, bombenfest, feuerfest, gesichert, haltbar, immun, praktisch* [LCC].

Randall, das war doch klar, dass dieser Job nur vorübergehend sein würde [DWDS].

Über die Zeichnung des Kindes konnte man sicher geteilter Meinung sein [LCC].

2. Маркеры регулирования межличностных отношений (Interpersonalitätsmarker). Данные маркеры призваны для обработки роли коммуникантов и их отношение друг к другу, устанавливают общность между ними и указывают на отличия, например, *Mensch, schau, hey, hör mal, guck mal, weißt du*.

Aber hey kein Problem, ich weiß das ich kein rechts denkender Mensch bin und muß das auch nicht rechtfertigen.

Hör mal, wer da spricht! [LCC].

3. Метаконверсационные маркеры (Metakonversationsmarker). Данным маркерам соответствует в немецком языке протяжное произнесение артикля, как гарантии на право выступления. Они организуют ход разговора, его беглость и так называемый «turn-taking» (с англ. «смена ролей») [Blühdorn, 2017, S. 24], например, *ach ja, ach so, äh, dieser, ne, nö, na ja, na gut* [CUL].

Na ja, vielleicht ja nächstes Jahr [DWDS].

Und, ach ja, News werde sich noch heute Abend bei ihm melden [LCC] [Zorraquino, Lázaro, 1999, p. 4080].

Более универсальную типологию дискурсивных маркеров предлагает Б. Фрейзер [Fraser, 1999, p. 931–952]:

- 1) базовые маркеры, указывающие на характер основного сообщения:
 - тип речевого акта (наклонение);
 - перформативы: (*geäußert von einem Standesbeamten – Служащий загса*) «*Hiermit erkläre ich Euch zu Mann und Frau*» («Объявляю Вас мужем и женой»); «*Ich befehle dir, die Tür zu schließen!*» («Я приказываю тебе закрыть дверь!»);
 - «прагматические идиомы»: *Könnten Sie mir bitte helfen?* – «Вы бы не могли мне помочь, пожалуйста?»;
- 2) комментирующие маркеры, предлагающие к основному сообщению некоторые комментарии:
 - оценка: *zum Glück* – «к счастью», *leider* – «к сожалению»;
 - «эвиденциальные» маркеры: *Die Unternehmen werden, so heißt es bei Senatsverwaltung für Wirtschaft optimistisch, binnen drei Jahren 5670 Jobs schaffen* – **По оптимистичным данным Главного управления по экономике, в течение трёх лет будет создано 5670 рабочих мест;**
 - источник информации: *Ich habe gehört, dass ...* – «Я слышал, что ...», *Man sagt...* – «Говорят», *angeblich* – «по предварительным данным»;
 - смягчение: *Wenn ich mich nicht irre, ...* – «Если я не ошибаюсь...», *Wenn ich richtig verstanden habe, ...* – «Если я правильно понял, ...»;
- 3) параллельные маркеры, дополняющие основное сообщение:
 - вокативы / обращения: *Mensch* – «старина, дружище», *hey du* – «эй, ты», *Mama* – «мама», *Damen und Herren* – «дамы и господа»;
 - маркеры солидарности: *mein lieber Freund* – «мой дорогой друг», *Leute* – «люди, ребята»;
 - маркеры недовольства: *Was dahinter abgeht bleibt im verborgenen und kann verdammt teuer werden* (LCC);
- 4) дискурсивные маркеры, указывающие на связь основного сообщения с контекстным окружением:
 - маркеры смены темы: *übrigens* – «кстати», *nebenbeigesagt, ...* – «между прочим»;
 - контрастивные маркеры: *allerdings* – «однако», *aber* – «но», *trotzdem* – «несмотря на это»;
 - уточняющие маркеры: *und zwar / nämlich* – «а именно»;
 - маркеры вывода: *Deshalb sollte...* – «поэтому следует...», *Daher ergibt sich, dass...* – «из этого следует, что ...», *schließlich... / also...* – «в заключение / так».

Как видно из приведённой выше классификации, в терминологии Б. Фрейзера дискурсивные маркеры – это один вид прагматических маркеров, непосредственная задача которых заключается в том, чтобы показать, как одно высказывание связано с другим.

В коммуникации между двумя или более партнерами используются дискурсивные маркеры, выполняющие другие, более дифференцированные функции, чем в монологических высказываниях. Поэтому некоторые авторы выделяют внутри группы дискурсивных маркеров разговорные

маркеры, которые обеспечивают организацию и структурирование разговора [Zorraquino, Lázaro 1999, p. 4080, 4143].

Также функция дискурсивных маркеров в отношении их операторов (Operanden) может быть осмыслена как упорядочение ролей. Смысл роли заключается в том, чтобы подвергнуться операции, для которой предназначен данный маркер. Однако возможность распределения ролей предоставлена не случайно, а связана с определённой синтаксической конфигурацией [Bierwisch, 2003]. Глаголы являются синтаксическими вершинами; они предоставляют роли управляемым ими дополнениям. Предлоги и союзы являются также вершинами и предоставляют роли своим дополнениям. Обратный способ, а именно распределение ролей дополнениями на вершины, исключен. Д. Шиффрин отмечает, что маркеры дискурса объединяет их функциональная направленность: помимо синтагматических функций в речевой цепи, как единицы дейксиса они выполняют индексальные функции, то есть выступают связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем [Schiffrin, 1987, p. 323–333].

Основная функция дискурсивных маркеров, согласно Д. Шиффрин, – это обеспечение когезии текста: дискурсивные маркеры не создают, но демонстрируют отношения между сегментами дискурса [Schiffrin, 1987].

К. Э. Штайн, изучая субъективно-модальные частицы (они составляют ядро дискурсивных слов), в качестве одного из главных свойств отмечает их подвижность, то есть способность изменять первичные значения и функции в процессе реализации [Штайн, 2001, с. 20]. Частицы мыслятся «как живое, активное средство языка, структура которого несомненно нестатическая». Нестатическая природа дискурсивных маркеров проявляется в том, что один дискурсивный маркер может иметь несколько разных или сходных функций, которые реализуются либо одновременно, либо по одной (изолированно) в разных контекстах. И наоборот, одна и та же дискурсивная функция может быть реализована с помощью разных дискурсивных маркеров [Викторова, 2014, с. 20].

*Ruf **doch** deine Mutter an!* (*doch* смягчает просьбу адресата).

*Du hast wohl keinen Hunger mehr? – **Doch!*** (= *Du hast wohl keinen Hunger mehr? – Ich habe noch welchen!*) (*doch* передает фактическую информацию) [DWDS].

*Da kam sie und da sagt sie zu mir: **Weißt Du**, was denkst Du, was ich heute morgen erlebt habe?* (*weißt du* выполняет hesitantивную функцию).

*Und **weißt du**, warum Hunde mitten in der Nacht bellen?* (*weißt du* выполняет фатическую функцию).

*Wer Risiken scheut, findet **dennoch** lukrative Alternativen* [LCC]. = *Wer Risiken scheut, findet **gleichwohl** lukrative Alternativen.* = *Wer Risiken scheut, findet **doch** lukrative Alternativen.* = *Wer Risiken scheut, findet **ohnehin** lukrative Alternativen.* В данном случае *dennoch* могут заменить представленные дискурсивные маркеры.

3. Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы, суммирующие сущность, функции и свойства дискурсивных маркеров. Во-первых, дискурсивные маркеры как вербальные способы выражения, прежде всего, выполняют дополнительную функцию в коммуникации. Эту функцию следует считать вспомогательной по отношению к основной функции, связанной с выражением фактуальной, пропозитивной информации.

Во-вторых, дискурсивные маркеры – это единицы функционально-прагматического уровня, служащие для обеспечения когезии текста. Они могут указывать на характер основного сообщения, комментировать основное сообщение, дополнять его и указывать на связь основного сообщения с контекстным окружением.

В-третьих, дискурсивные маркеры могут быть представлены различными грамматическими классами слов и в высказывании находятся преимущественно в препозиции.

Наконец, дискурсивные маркеры имеют динамическую природу: один дискурсивный маркер может выполнять несколько функций, а одна дискурсивная функция может быть реализована с помощью нескольких дискурсивных маркеров.

Список литературы

1. Аверина, А. В. К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке [Текст] / А. В. Аверина // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – Вып. 2. – С. 4–6.
2. Бабаева, Р. И. Глагольные конструкции в роли дискурсивных маркеров (на материале немецкого и русского языков) [Текст] / Р. И. Бабаева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2006. – Вып. 2. – С. 188–193.
3. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) [Текст]: автореф. ... дис. д-ра филол. наук 10.02.04 / Бабаева Раиса Ивановна; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 458 с.
4. Богданова-Бегларян, Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология [Текст] / Н. В. Богданова-Бегларян // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3 (27). – С. 7–20.
5. Власян, Г. Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного разговорного дискурса [Текст] / Г. Р. Власян // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 4 (16). – С. 115–120.
6. Викторова, Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2, 2014. – С. 18–22.
7. Викторова, Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов [Текст] / Е. Ю. Викторова // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014 а. – Вып. 3. – С. 14–21.
8. Вишневская, Г. М. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи [Текст] / Г. М. Вишневская, О. А. Загороднова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – Вып. 2. – С. 65–69.

9. Иванова, Е. А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук 10.02.21 / Иванова Екатерина Александровна ; Моск. гос. ун-т. – М., 1999. – 169 с.
10. Каменский, М. В. Дискурсивные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии [Текст] / М. В. Каменский // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2014. – Вып. 1. – С. 53–56.
11. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология [Текст] / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2007. – Вып. 5. – С. 78–86.
12. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале) [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Когут Светлана Валерьевна ; Томский политех. ун-т. – Томск, 2016. – 171 с.
13. Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе [Текст] / С. В. Когут // Сибирский филологический журнал. – 2016 а. – Вып. 2. – С. 57–163.
14. Мухтаруллина, А. Р. Дискурсивные слова (на примере бытового общения) [Текст] / А. Р. Мухтаруллина, Г. Б. Азаматова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Вып. 3(1). – С. 1632–1634.
15. Попова, Т. И. Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения [Текст] / Т. И. Попова // Коммуникативные исследования. – 2016. – Вып. 3 (9). – С. 36–47.
16. Санжеева, Л. Ц. Прагматический аспект использования английских дискурсивных маркеров в разговорной речи [Текст] / Л. Ц. Санжеева // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2017. – Вып. 6. – С. 53–60.
17. Царенко, Н. М. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический аспект [Текст] / Н. М. Царенко, С. В. Шустова. – Пермь : Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2018. – 148 с.
18. Шилихина, К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики [Текст] / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 120–125.
19. Штайн, К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка [Текст] / К. Э. Штайн // Языковая деятельность: переходность и синкретизм : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». – Вып. 7. – Ставрополь, 2001. – С. 11–26.
20. Averina, A. Partikeln im komplexen Satz (Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Kontrastive Untersuchung am Beispiel der Partikeln ja, doch und denn im Deutschen und ведь, же und вот im Russischen [Text] / A. Averina. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. – 243 S.
21. Bauer-Ramazani, Ch. English Discourse Markers [Electronic Resource] / Ch. Bauer-Ramazani. – 2006. URL : <http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/> (дата обращения 14.07.2018).
22. Blackmore, D. Semantic Constraints on Relevance [Text] / D. Blackmore. – Oxford, UK; New York, NY, USA : Blackwell, 1987. – 168 p.

23. Blankenhorn, R. Pragmatische Spezifik der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien. Entlehnungen von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching, Lang, Frankfurt, 2003.– 75 S.
24. Blühdorn, H. Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status [Text] / H. Blühdorn // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen / Ed. by H. Blühdorn, A. Deppermann, H. Helmer, T. Spranz-Fogasy. – Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung, 2017. – S. 311–336.
25. Blühdorn, H. Diskurs-marker: Begriffsgeschichte – Theorie – Beschreibung. Ein bibliographischer Überblick [Text] / H. Blühdorn, A. Foolen, Ó. Loureda // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen / Ed. by H. Blühdorn, A. Deppermann, H. Helmer, T. Spranz-Fogasy. – Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung, 2017 a. – S. 7–48.
26. Brown, G. Discourse Analysis [Text] / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : University Press, 1983. – 288 p.
27. Fraser, B. Pragmatic Markers [Text] / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – № 6. – P. 167–190.
28. Fraser, B. What Are Discourse Markers? [Text] / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 931–952.
29. Labov, W. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as conversation [Text] / W. Labov, D. Fanshel. – New York : Academic Press, 1977. – 392 p.
30. Schiffrin, D. Discourse Markers [Text] / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
31. Schiffrin, D. Discourse Markers. Language Meaning and Context [Text] / D. Schiffrin // The Handbook of Discourse Analysis. Edited by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Oxford : Blackwell publishers, 2001. – P. 54–75.
32. Zorraquino, M., Lázaro, J. P. Losmarcadores del discurso // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. Vol. 3: Entre la oración y el discurso. Morfología / Dir. I. Bosque, V. Demonte. – Madrid : Espasa, 1999. – P. 4051–4213.

Список сокращений

LCC – <http://corpora.uni-leipzig.de/>

DWDS – <https://www.dwds.de>

ZEIT – <https://www.zeit.de>

References

1. Averina, A. V. (2017). К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке [To the problem of distinction of modal and discursive particles in German]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2, 4–6.
2. Babaeva, R. I. (2006). Glagol'nye konstrukcii v roli diskursivnykh markerov (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov) [Verb constructions as discourse markers (Based on German and Russian)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2, 188–193.

3. Babaeva, R. I. (2008). *Neznamenatel'naya leksika v nemeckom obihodnom diskurse (pragmaticheskiy aspekt)* [Functional lexical units in German casual discourse (Pragmatic aspect)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow State Pedagogical University.
4. Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3(27), 7–20.
5. Vlasyan, G.R. (2011). Osobennosti funkcionirovaniya markerov angloyazychnogo konversacionnogo diskursa [Functioning of markers of English conversational discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Herald of Irkutsk State Linguistic University], 4 (16), 115–120.
6. Viktorova, E.YU. (2014). Pragmaticheskaya polifunkcional'nost' diskursivnyh slov [Pragmatic multifunctionality of discourse words]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2, 18–22.
7. Viktorova, E. Yu. (2014 a). Sinkretizm diskursivnyh slov [Syncretism of discursive words]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 3, 14–21.
8. Vishnevskaya, G. M., Zagorodnova, O. A. (2015). Metazykovyye svoystva diskursivnyh markerov v razlichnyh stilyah rechi [Metalinguistic features of discourse markers in different speech styles]. *Verhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2, 65–69.
9. Ivanova, E. A. (1999). *Leksicheskie pogranichnye markery minimal'nyh dialogicheskikh edinit* [Lexical boundary markers of minimal units in the dialogue]. PhD in Philological sci. diss. Moscow State University.
10. Kamensky, M. V. (2014). Diskursnye markery kak kognitivnoe sredstvo sozdaniya kontrasta v diskursivnom vzaimodeystvii [Discourse markers as the cognitive means of creation of contrast in discourse]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 1, 53–56.
11. Karasik, V. I. (2007). Diskursivnaya personologiya [Discursive personology]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 5, 78–86.
12. Kogut, S. V. (2016). *Diskursivnye markery v nauchnom tekste: etnokul'turnyy i diskursivnyy aspekty (na russkom i nemetskom yazykovom materiale)* [Discourse markers in scientific text: Ethnic, cultural and discursive aspects (Based on Russian and German)]. PhD in Philological sci. diss. Tomsk Polytechnic University.
13. Kogut, S. V. (2016 a). Diskursivnye markery v pis'mennom nauchnom diskurse [Discourse markers in written scientific discourse]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 57–163.
14. Muhtarullina, A. R., Azamatova, G. B. (2012). Diskursivnye slova (na primere bytovogo obshcheniya) [Discursive words (The example of everyday

- communication)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 3 (I), 1632–1634.
15. Popova, T. I. (2016). Slozhnye pragmatemy-reduplikaty v russkoy ustnoy rechi: problemy opisaniya i varianty resheniya [Complex pragmateme-reduplikates in spoken Russian: problems of description and options of solution]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 3 (9), 36–47.
 16. Sanzheeva, L. C. (2017). Pragmaticheskiy aspekt ispol'zovaniya anglijskih diskursivnyh markerov v razgovornoj rechi [Pragmatic aspect of the use of English discourse markers in spoken language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [The Buryat State University Bulletin. Pedagogy. Philosophy. Philology], 6, 53–60.
 17. Tsarenko, N. M., Shustova, S. V. (2018). *Diskursivnye markery: pragmalingvodidakticheskiy aspekt* [Discourse markers: Pragmalinguodidactic aspect]. Perm : Perm State University.
 18. Shilikhina, K. M. (2015). Izuchenie diskursivnyh markerov metodami korpusnoy lingvistiki [Corpus-based study of discourse markers]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, 120–125.
 19. Shtayn, K. E. (2001). Perekhodnost' i sinkretizm v svete deyatelnostnoy kontseptsii yazyka [Transitivity and syncretism in the light of activity concept of the language]. *Yazykovaya deyatelnost': perekhodnost' i sinkretizm* [Language activity: Transitivity and syncretism]. Selection of articles from scientific and methodological seminar «TEXTUS» (Vol. 7, pp. 11–26). Stavropol.
 20. Averina, A. (2015). *Partikeln im komplexen Satz (Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Kontrastive Untersuchung am Beispiel der Partikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', zhe und vot im Russischen)*. Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Main.
 21. Bauer-Ramazani, Ch. (2006). *English Discourse Markers*. Retrieved July 14, 2018 from <<http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht>>.
 22. Blackmore, D. (1987). *Semantic constraints on relevance*. Oxford, UK; New York, NY, USA : Blackwell.
 23. Blankenhorn, R. (2003). *Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien. Entlehnungen von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching*. Lang, Frankfurt.
 24. Blühdorn, H. (2017). Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status. In H. Blühdorn, A. Deppermann, H. Helmer, T. Spranz-Fogasy (Hg.), *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen* (S. 311–336). Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung.
 25. Blühdorn, H., Foolen, A., Loureda, Ó. (2017 a). Diskurs-marker: Begriffsgeschichte – Theorie – Beschreibung. Ein bibliographischer Überblick In H. Blühdorn, A. Deppermann, H. Helmer, T. Spranz-Fogasy (Hg.), *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen* (S. 7–48). Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung.

26. Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge : University Press.
27. Fraser, B. (1996). Pragmatic Markers. *Pragmatics*, 6, 167–190.
28. Fraser, B. (1999). What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952.
29. Labov, W., Fanshel, D. (1977). *Therapeutic Discourse: Psychotherapy as conversation*. New York : Academic Press.
30. Schiffrin, D. (1987). *Discourse Markers*. Cambridge : Cambridge University Press.
31. Schiffrin, D. (2001). Discourse Markers. Language Meaning and Context. In D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds), *The Handbook of Discourse Analysis* (pp. 54–75). Oxford : Blackwell publishers.
32. Zorraquino, M., Lázaro, J. P. (1999). Losmarcadores del discurso. In I. Bosque, V. Demonte (Dir.), *Gramática Descriptiva de la Lengua Española. Vol. 3: Entre la oración y el discurso. Morfología* (pp. 4051–4213). Madrid: Espasa.

Abbreviations

LCC – <http://corpora.uni-leipzig.de/>

DWDS – <https://www.dwds.de>

ZEIT – <https://www.zeit.de>

УДК 811.511.1, 811.161.1
UDC 811.511.1, 811.161.1

Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
Andrey D. Kaksin
Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
adkaksin@yandex.ru

**О СРЕДСТВАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА:
ЭПИТЕТЫ И СРАВНЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)
THE MEANS TO CHARACTERIZE AND ASSESS
A PERSON: EPITHETS AND COMPARISONS
IN THE KHANTY LANGUAGE (COMPARED TO RUSSIAN)**

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу лексических средств, используемых для характеристики и оценки человека, в хантыйском и русском языках. Сопоставляются наиболее употребительные эпитеты (типа *каркам – проворный, уяң – удачливый*), а также слова и выражения, в основе которых лежит сравнение человека с природными явлениями, растениями и животными (типа *ващ – стройный, вухсар иты уцмараң – хитрый, как лиса*). Указывается на преобладание того или иного способа характеристики и оценки человека в русском и хантыйском разговорном языках. Утверждается мысль о том, что семантические изменения и функционирование слов в современных языках определяются не столько внешними факторами, их обуславливающими (реалиями, историей народа), сколько внутренними, чисто языковыми.

Abstract

The article presents the results of comparative analysis of the lexical means used to characterize and assess a person in Khanty and Russian. The most common epithets (e.g. *karkam – quick, ujaң – successful*) as well as words and expressions that link personal traits to certain natural phenomena, plants and animals (e.g. *vaś – harmonious, vuhсар iti uśmarañ – cunning as a fox*) are compared. The prevalence of particular ways to characterize and assess a person in colloquial Russian and Khanty is demonstrated. The obtained results enable to show that semantic changes and functioning of words in modern languages are determined rather by internal, purely language factors than external ones (including realities, people's history).

Ключевые слова: лексика как система, антропоцентризм, средства характеристики и оценки, хантыйский язык, русский язык.

Keywords: lexicon as system, anthropocentrism, means of characterizing and assessment, Khanty language, Russian language.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3_32_38

1. Введение

Как известно, одной из проблематик дисциплины «Лексикология» является вопрос о системности в лексике. Системные отношения могут проследиваться в словообразовании, они могут проявляться на уровне текста; системные отношения пронизывают морфологию и синтаксис, но ярче всего они проявляются в семантике и лексике. Что касается изменений в лексике, то семасиология склонна объяснять «семантическое обновление» как наличием моделей ассоциативных переходов (сложившихся в последнее время), так и существованием исторически обусловленных закономерностей семантического развития целых рядов и групп слов.

Наиболее оригинальным вкладом в теорию общей лексикологии является разработка вопроса семантического (лексико-семантического) варьирования слова, обеспечивающего его синхронное и историческое тождество. Понятие лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) слова, будучи сформулировано с учётом смысловой и формальной сторон словесного знака, даёт толчок в разработке проблемы определения смысловой структуры слова.

Понимание слова как основной единицы языка предопределяет и метод лингвистического его описания: словесная парадигма при грамматическом и лексикологическом анализе языка, трактовка и словарное определение слова, исходящее из понятия тождества слова, сопоставление морфологических и смысловых структур слова, разграничение лексического и грамматического в слове, изучение сочетаний слов. В связи с разграничением смыслового содержания полисемантического словесного знака начинает разрабатываться понятие семантического контекста.

В современной лексикологии превалирует субстанциональное понимание значения слова как категории обобщения, участвующей в процессе познания и закрепляющей его результаты в виде одного или нескольких значений слова. Проблема полисемии также продолжает интенсивно разрабатываться. Понимание слова как единства его различных форм (фонетических, морфологических, лексико-фразеологических, синтаксических) позволяет подойти к полисемии не просто как к сумме ассоциативных связей слова, а как к определённой смысловой структуре взаимосвязанных ЛСВ слова.

Наиболее плодотворным направлением изучения полисемии является исследование её в прямой связи с лексико-семантическим варьированием слова. При таком подходе слово представляется как смысловая структура (система), в которой степень самостоятельности и сфера употребительности отдельных ЛСВ находятся в зависимости и от характера связи слова с обозначаемым (прямые или переносные значения), и от семантического контекста. Во втором случае различаются свободные и фразеологические, или ограниченные, значения. Вот как, к примеру, можно с

помощью обычных слов русского языка охарактеризовать чрезмерно любопытного человека:

«Происхождение выражения вставить свои пять копеек достаточно прозрачно. Словосочетание пять копеек тут выступает как синоним слова пятак в значении «рыло свиньи», иначе говоря, фразеологическая единица вставить свои пять копеек выступает как эвфемизм для построения «сунуть свой нос (своё рыло) в какое-либо постороннее дело»» [Бурыкин, 2018, с. 11].

Таким образом, одним из важных направлений современной лексикологии остаётся разъяснение вопроса о том, какую роль в семантической организации словарного состава играют «такие отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия и паронимия. ... С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как «открытость» лексических единиц для семантической деривации ... и, в частности, метафорических сдвигов» [Черемисина, 1992, с. 76–77].

2. Эпитеты и сравнения в хантыйском и русском языках

Во всех современных языках, в том числе – хантыйском, для характеристики и оценки человека применяются эпитеты и сравнения. Ими «награждаются» все, независимо от пола, возраста, рода занятий и других признаков. При этом для разных групп формируется, конечно, свой устойчивый набор клишированных образных средств.

Наң ици т́а́та лольмен! М́айш́ья аңкал! Му́й а́нт у́ватсэн лү́втты? [ПМА, 1990]¹ – ‘Ты ведь здесь стоял, оказывается! Молчащий столб! Почему не крикнул ему?’ (здесь и далее перевод наш – А. К.).

Х́алэват й́а́ха ма́нлү́в; лү́в каркам, уяң ики, на́рлы-ка́рлы питу́м ут, лү́в пилала, мосаң, ари́ак ху́л веллү́в [ПМА, 1991] – ‘Завтра вместе поедем; он – проворный, удачливый мужчина, вечный труженик; с ним, может быть, больше рыбы добудем’.

Первые два определения (каркам, уяң) – частотные, распространённые, как и соответствующие им эпитеты в русском языке. А следующее за ними характеризующее (с добрым юмором) словосочетание перевести на русский язык можно и как ‘вечный труженик’, и даже одним словом (‘трудоголик’); но больше всего ему соответствует русское предикативное сочетание, смысл которого, так же, как в хантыйском языке, «восстанавливается от противоположного» – ‘ему делать больше нечего’.

Нонг сирены ма тутн етын ат омсым? Ма самем сит пета ант утл [Лазарев, 1999, с. 23] – ‘По-твоему, я теперь должен только дома сидеть? Моё сердце к этому не лежит’. По-русски более распространённой фразой является: ‘Душа у меня к этому не лежит’.

¹ Здесь и далее разговорные фразы, извлечённые из полевых материалов автора, отмечаются таким образом: ПМА, год записи. Для литературных примеров указывается источник.

Муй ма, вантэ, ушаң-сираң, аюм-китум путар тайты хэ. Русь верлам олаңн лувела си путарлум [Сенгепов, 1994, с. 6] – ‘Ну какой, если поглядеть, от меня толк, о чём интересном я могу говорить. О своих русских (т. е. городских) делах ему рассказываю’.

Хөлтэмн, хоят парцен хот лыпийн ци пүсыйл. Ай пухем, маттэ; сыр-супар ут: хүйн-ванан юхатмал – нэмалты ант лупас, хайшап лыпия ваңкмал на цайта вуюмтум! [ПМА, 1991] – ‘Слышу, будто кто-то в палатке сопит. Младший сын, оказывается; вот такой всегда: как приехал – ничего не сказал, до полога добрался и там уснул!’.

Ханум, луплат, наң ар моц вөтэн, тайтэн. Моньца са – тям атэв ай муй кашн хулал! [ПМА, 1993] – ‘Кум, говорят, ты много сказок знаешь, имеешь. Рассказывай-ка – ночь между делом и пройдёт!’.

По нашим наблюдениям, в разговорной хантыйской речи преобладают эпитеты, которые функционируют как обособленные определения или приложения. При этом очень употребительны эпитеты-имена, служащие для характеристики человека (слова, в зависимости от контекста, осмысляемые как существительное или прилагательное). О таких характеризующих словах мы писали в одной из наших предыдущих работ:

көняр ‘бедолага; бедненький, жалкий’, туврэм ‘хулиган, баловник; непоседливый’, сылка ‘нехороший человек; сволочь’, хом ‘сволочь’, кўль ‘негодник’ [Каксин, 2007, 2017].

Многие слова подобного рода являются экспрессивными, а значительная их часть служит делу обозначения специфических деталей языковой картины мира. Так же, как и глагольные слова близкой семантики, они «отражают социально значимый фрагмент национальной картины мира, проявляющийся в связи человека не только с внешним миром, но и миром внутренним – с сознанием и мышлением» [Чертыкова, 2017, с. 84].

Приведём ещё ряд примеров использования таких специфических эпитетов, сравнений, метафор в хантыйском языке.

Нын на тайта хайцман, туврэмңан; ацен атэлт пөн ванты мәнмал! [ПМА, 1991] – ‘Вы двое, как вижу, остались, праздные (такие); отец один снасти проверить пошёл!’.

Мин пелэма лүв лык ант таймал, лүв сәмл луламал. Лүв щит нюмша ики! [ПМА, 1991] – ‘На нас он не гневался, оказывается, его сердце оттаяло, оказывается. Он ведь отходчивый человек (букв.: мужчина)!’.

Хөн на рөпитты питтал, вөлы сыр няврэм!? [ПМА, 1992] – ‘И когда работать начнет, непутевый ребёнок!?’.

Лүв сора рүтьщаты ант мәнл, щимиц тарум! [ПМА, 1992] – ‘Он поспешно отдыхать (т. е. на пенсию) не уйдёт, такой неугомонный!’.

Лүв ант нюхаман, нюр отня, омасты питал: төп йамас ат луртса! [ПМА, 1992] – ‘Он не двигаясь, словно паинька, сидеть обещал: лишь бы его хорошо подстригли!’.

Сора ци наң юрэмалн, нюр ай няврэм [ПМА, 1993] – ‘Ты всё быстро забываешь, как маленький ребёнок’.

Ант на етшал, иса ци вантасл, пуихаң күрек-ими аймөнтыки [ПМА, 1992] – ‘Никак не успевает, всё хлопочет, как куропатка с выводком’.

Хянятлэн хөн нын пилана: нын хорахсет лампы! [ПМА, 1992] – ‘Спрячешь, пожалуй, с вами: вы как разбойники!’.

Күйи кепә тэрмалалн, тухлаң вой иты йнт юхтумлан щив! [ПМА, 1992] – ‘Сколько ни торопись, подобно птице не долетишь!’.

Как видим, при помощи сравнительных конструкций осуществляется сравнение человека (его черт, свойств, поведения) с признаками других людей или, реже, со свойствами каких-либо предметов, повадками животных. Также можно видеть, что человек может быть охарактеризован путём указания на его действия, привычки, умения и навыки.

Омыста ант хантл пирысь ики. Йингк пелькка питым вуш эвыт матнгыт, тувыт, ёханыт, постыт хуват татысыйтл [Лазарев, 1999, с. 22] – ‘Старик на месте не может усидеть. Как открылась река, он всё по притокам, речушкам, озерам, заливным дугам таскается (постоянно ездит)’. Другими словами, он – настоящий рыбак.

Па сита ма хут ветты хоят тывсым [Лазарев, 1999, с. 25] – ‘К тому же я рыбаком родился’.

Нонг еингытанны хотны тупэн пунянгыт ант катылтэн [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Ты своими руками ещё весла-то толком не держишь’. В этой фразе подчёркивается возраст и, соответственно, недостаточная сила мальчика-подростка.

Хоты нонг манэм ант имастытын, – ёхты нюхмыс Сантыр [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Вот ты как мне не доверяешь, – произнёс в ответ Сантыр’. Собеседник характеризуется как человек недоверчивый, склонный критически относиться к окружающим.

Шоп, аси, ма мотор туттита хоштым? – Ма утэм, утэм похие, хоштын [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Ведь правда, папа, я умею водить с мотором? – Я знаю, знаю, сынок, умеешь’.

Лув иньсясуплылал нух лэрамтты питтэм артн, уша верлэм, маттэ яюм-ики ма киньсема шуши мирэв яма вэтал [Сенгепов, 1994, с. 6] – ‘Судя по его расспросам, оказывается, брат мой лучше меня жизнь наших людей знает’.

Валэм, лув шеңк путраң, араң, моньсяң хэ [Сенгепов, 1994, с. 7] – ‘Знаю, что он – много рассказывающий, знающий песни и сказки человек’.

3. Заключение

Сравнительные обороты, конечно, предполагают наличие в языке особых слов, с помощью которых и проводится сравнение. Исследование показало, что в хантыйском языке, как можно видеть по вышеприведённым примерам, это слова *иты* ‘как’, *лампн* ‘словно’, *хурасуп* ‘подобный; похожий’. Но столь же значимы для развития категории сравнения группы слов, участвующих обычно в сравнении (что с чем может сравниваться), также как и способность этих слов принимать переносное значение, двигаться по шкале ‘образность / выразительность’. По большому счёту все эти характеристики слова (как единицы языка) связаны с его вариативно-

стью. Следует признать, что в хантыйском языке вариативность слова, именно в семантическом смысле, получает не столь существенное развитие, как, скажем, в русском языке.

Вообще, значение сравнительных оборотов в общей системе языка чрезвычайно велико: ведь в том числе и они определяют живую «физиономию» всякого естественного языка. Первым признаком, характеризующим большинство сравнительных оборотов, является их образность, и она же даёт простор для выражения универсального характера данного сравнения, возможности его распространения на ряд однородных предметов или ситуаций. Ещё одной общей чертой подавляющего большинства сравнительных оборотов можно назвать их оценочный характер. Но, конечно, эти характеристики ярче всего проявляются в более широких контекстах, чем те, которые приведены выше. В отрыве от контекста выразительность сравнительного оборота порой бывает снижена. Последние положения в равной степени относятся и к хантыйскому, и к русскому языку.

Список источников

- Лазарев, Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты [Текст] / Г. Д. Лазарев. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 1999. – 36 с.
- ПМА – Полевые материалы автора (собраны в 1985–1996 гг.).
- Сенгепов, А. М. Касум ики путрат. Рассказы старого ханты [Текст] / А. М. Сенгепов. – СПб. : Просвещение, 1994. – 175 с.

Список литературы

1. Бурыкин, А.А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (вставить свои пять копеек) [Текст] // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 5–14.
2. Каксин, А. Д. Об одной специфической лексической группе в хантыйском языке [Текст] // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Миккушева (1–3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар, 2007. – С. 198–200.
3. Каксин, А. Д. О религиозно-мифологической основе происхождения некоторых ругательств в хантыйском языке (на примере “хом” и “кўль”) [Текст] // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири : материалы Международной науч. конф., посвящённой 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. – Красноярск, 2017. – С. 242–244.
4. Черемисина, М. И. Языки коренных народов Сибири [Текст] : учеб. пособие / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1992. – 92 с.
5. Чертыкова, М. Д. Глаголы со значением поведения в хакасском языке: семантико-когнитивный аспект описания [Текст] // Родной язык. Лингвистический журнал. – 2017. – № 1 (6). – С. 65–89.

References

1. Burykin, A. A. (2018). Iz opyta izucheniya paradigmاتيki frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka (vstavit' svoi pyat' kopeek) [The experience of studying the paradigmatics of Russian phraseological units (Vstavit' svoi pyat' kopeek)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 1, 5–14.
2. Kaksin, A. D. (2007). Ob odnoy spetsificheskoy leksicheskoy gruppe v khantyyskom yazyke [About one specific lexical group in the Khanty language]. *Dukhovnaya kul'tura finno-ugorskikh narodov Rossii* [Spiritual culture of Finno-Ugric peoples of Russia]. Proc. of All-Russia Scientific Conference to the 80th anniversary of Anatoliy Konstantinovich Mikushev (November 1–3, 2006, Syktyvkar) (pp. 198–200). Syktyvkar.
3. Kaksin, A. D. (2017). O religiozno-mifologicheskoy osnove proiskhozhdeniya nekotorykh rugatel'stv v khantyyskom yazyke (na primere «hom» i «kŷl'») [About a religious and mythological basis of origin of some curses in the Khanty language (On an example «hom» i «kŷl'»)]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arheologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary research in archaeology, ethnography and history]. Proc. of the International Scientific Conference to the 125th anniversary of a researcher and public figure Nikolay Konstantinovich Auehrbah (1892–1930), Krasnoyarsk, September 27–30, 2017 (pp. 242–244). Krasnoyarsk.
4. Cheremisina, M. I. (1992). *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]: A course book. Novosibirsk State University: Novosibirsk.
5. Chertykova, M. D. (2017). Glagoly so znacheniem povedeniya v khakasskom yazyke: semantiko-kognitivnyy aspekt opisaniya [Khakas verbs of behavior: A cognitive semantic description]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskij zhurnal* [Native Language. Linguistic Journal], 1 (6), 65–89.

УДК 811.51, 81'342.4
UDC 811.51, 81'342.4

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
okaracheva@rambler.ru

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

**ИНТОНАЦИЯ УТВЕРДИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКОМ И ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКАХ***
INTONATION OF STATEMENTS IN RUSSIAN AND EVENKI

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики интонационного контура утвердительных предложений в русском и эвенкийском языках. Анализируются основные изменения частоты основного тона на различных участках синтагмы; определяются сходные и различные черты интонационного оформления в указанных языках. Полученные результаты свидетельствуют о том, что основной отличительной особенностью речи эвенков является наличие стабильных мелодических отрезков и небольших восходящих и нисходящих переходов между ними, в отличие от плавных кривых мелодики русского языка. Контрастные изменения уровня высоты основного тона обуславливают ступенчатый характер мелодического рисунка в целом и реализуются в сравнительно небольшом мелодическом диапазоне, что находит отражение в сравнительной монотонности утвердительных предложений эвенкийского языка.

Abstract

The article considers the intonation contour characteristics of affirmative sentences in the Russian and the Evenki languages. The typical pitch changes are analyzed in different parts of the syntagma; similar and different features of pitch contour in the two languages are determined. The obtained results enable to conclude that the main distinctive feature of Evenki speech is the presence of relatively stable melodic segments and small ascending and descending transitions between them, in contrast to the smooth pitch curves in Russian

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-04-12004в

speech. Contrast changes in the pitch level realized in a relatively small melodic range result in stepping scale of the Evenki melodic pattern on the whole, and this contributes into creating monotonous effect in the intonation of Evenki affirmative sentences compared to Russian ones.

Ключевые слова: интонационный контур, утвердительное предложение, просодические характеристики, инклинация, деклинация, эвенкийский и русский языки.

Keywords: pitch contour, affirmative sentence, prosodic characteristics, inclination, declination, Evenki and Russian languages.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_39_58

1. Введение

Закономерности в интонационном оформлении высказываний разных типов всегда представляли большой интерес при изучении различных языков. Стабильность проявления мелодических признаков в разных реализациях позволяет получить их обобщённые характеристики, используемые в данном языке в качестве единственного средства выражения определённых интонационных значений и оформления типов высказываний. Исследование особенностей реализации фонетических единиц исчезающего языка имеет особую важность для его сохранения и ревитализации. На территории Амурской области Дальнего Востока России одним из таких языков является эвенкийский. Как показал анализ литературы, учёные ограничиваются исследованиями в области консонантизма и вокализма [Горцевская, 1936; Горцевский, 1939; Цинциус, 1949; Василевич, 1958; Константинова, 1964; Андреева, 1988; Афанасьева, 2010], в то время как интонация до сих пор остаётся за пределами научного рассмотрения. В частности, особенности просодического оформления эвенкийских утвердительных предложений до настоящего времени не являлись объектом специального научного исследования.

В рамках настоящей работы с опорой на полученные объективные данные было проведено сопоставление интонационных конструкций русского и эвенкийского языков, изучены на основе инструментального анализа акустические характеристики интонационного контура утвердительных предложений в эвенкийском языке.

2. Особенности интонационного облика утвердительных предложений в русском языке

Интонация сравнительно давно привлекает внимание лингвистов, поскольку играет важную роль в выражении коммуникативных целей и оформлении синтаксической структуры предложения.

Термин «интонация» имеет неоднозначную интерпретацию, что обусловлено трудностями выделения единиц интонационного оформления, определения их количества и возможности установления парадигматиче-

ских отношений между выражаемыми ими интонационными значениями. В настоящей работе авторы ограничиваются наиболее общим понятием термина «интонация» как мелодики речи, так как на неё приходится наибольшая нагрузка. Отдельные компоненты мелодического контура фразы и их просодические признаки дают в процессе их функционирования в речи неслучайные сочетания, которые приобретая известную самостоятельность, закрепляются в данном языке в качестве выразителя определённых интонационных значений или оформителя типов высказываний. Сравнение интонационных профилей различных высказываний и их вариаций в различном контексте позволяет определить интонационные модели, выполняющие определённые функции и образующие систему фонологических оппозиций.

В работах по фонетике русского языка содержится богатый материал, позволяющий выделить основные характерные черты интонационного оформления различных высказываний в репродуцированной и спонтанной русской речи. Наиболее значимыми в области русской фонетики являются исследования Н. С. Трубецкого [Трубецкой, 1960], А. М. Пешковского [Пешковский, 1928], Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1969], Т. М. Николаевой [Николаева, 1977], Л. В. Бондарко [Бондарко, 1998], Н. Д. Светозаровой [Светозарова, 1982]. В рамках исследований данных авторов были рассмотрены и подвергнуты анализу интонационные конструкции различных типов, что позволило выделить основные характерные черты интонационного оформления различных высказываний.

По мнению большинства исследователей, наиболее стабильными являются повествовательные предложения. По классификации Е. А. Брызгуновой, для оформления повествовательных высказываний и завершённых синтагм используется ИК-1, при которой в нейтральных реализациях в предцентральной части колебания тона имеют восходяще-нисходящее направление или сосредоточены в средней полосе её диапазона. Гласный центра произносится с нисходящим движением тона ниже уровня предцентральной части, выражая собственно завершённость, в которой отсутствует смысловое противопоставление или сопоставление [Брызгунова, 1980, с. 122].

Повествовательные предложения содержат информацию, которая представляет собой описание, повествование и сообщение. Типичная нейтральная, «нулевая» в эмоциональном плане, информация передаётся в нейтральных сообщениях и нейтральных ответах; при подчёркивании наиболее важного; выражении отрицания, общего или частного; в номинативных и безличных предложениях, однословных и распространённых. Утвердительная интонация характеризуется понижением мелодики на ударном слоге слова, стоящего под синтагматическим ударением, от уровня средней индивидуальной до уровня средней минимальной высоты тона. Областью интонационного центра, или интонационного ядра является зона последнего ударного слога, включая заударные и предударные/ые слоги [Николаева, 1977].

Некоторые исследователи подвергают сомнению лингвистическую значимость докаденционных участков. По одной точке зрения, эта зона не

имеет смыслового наполнения, по другой – предкаденционный участок может предсказывать каденцию [Николаева, 1977, с. 11]. Мелодическое начало фразы или синтагмы повествовательных предложений в большинстве случаев представлено повышением и характеризуется относительно высоким мелодическим уровнем с подъемами тона выше средней индивидуальной высоты на ударных слогах знаменательных слов. В целом, мелодический рисунок законченного повествовательного предложения представляет собой последовательность подъёмов и спадов, своего рода мелодических пиков, что находит отражение в слабо центрированном контуре изолированного повествовательного предложения.

Конклюдивная каденция при наличии заударных слогов также имеет несколько мелодических решений. Ударный слог либо осуществляет движение вниз, либо, будучи монотонным, начинается на более низком уровне. Заударный слог может принимать три вида: быть на том же уровне, быть выше или ниже ударного. Общее направление мелодики в конечной синтагме – нисходящее [Николаева, 1977, с. 81].

Спонтанная речь отличается большим количеством переходных реализаций интонационных типов, которые совмещают на разных участках интонационного контура признаки двух или даже трёх интонационных типов [ФСР, 1988, с. 153]. Интонация конечных синтагм повествовательных предложений может быть оформлена понижающимся или ровным тоном главноударного слога (предложения декларативного характера) или характеризуется ровным или восходящим тоном интонационного центра (предложения-ответы), который служит средством связи высказываний и часто имеет дополнительную эмоциональную окраску [ФСР, 1988, с. 154].

3. Результаты исследования

Материалом для акустического анализа в настоящем исследовании послужили аудиозаписи дикторов-женщин, носителей русского и эвенкийского языков в возрасте старше 50 лет. Для всех дикторов-русских и дикторов-эвенков их национальные языки являются родными. В ходе исследования были выполнены слуховой и акустический виды анализа рамочных конструкций, представляющих собой примеры повествовательных предложений с нейтральной интонацией. Спонтанная речь эвенкийских дикторов была представлена как монологической речью, так и диалогами. Все рассмотренные высказывания состояли из одного знаменательного слова и / или нескольких знаменательных слов и не были осложнены однородными членами или деепричастными оборотами.

Первичное прослушивание позволило исключить неудачные реализации, в которых особо ярко проявлялись индивидуальные особенности диктора, эмоциональная напряжённость, а также запинки, повторения и хезитационные паузы. Кроме того, не вошли в корпус исследуемого материала реализации с наличием нескольких синтагм, что позволило совместить фразовое и синтагматическое ударение в рамках данного исследования.

В ходе акустического анализа измерялись параметры основного тона: перечисление всех значений ЧОТ на выделенных участках, минимальные, максимальные и средние значения ЧОТ, а также и другие параметры компонентов мелодического контура. Полученные данные использовались для построения моделей, передающих те или иные значения высказывания. Первым шагом в моделировании являлось разделение сегмента (синтагмы) на определённые части, исходя из его акцентной структуры. За основу была взята классификация Д. Кристала, в том числе и его основная терминология [Crystal, 1969; Crystal, 1972].

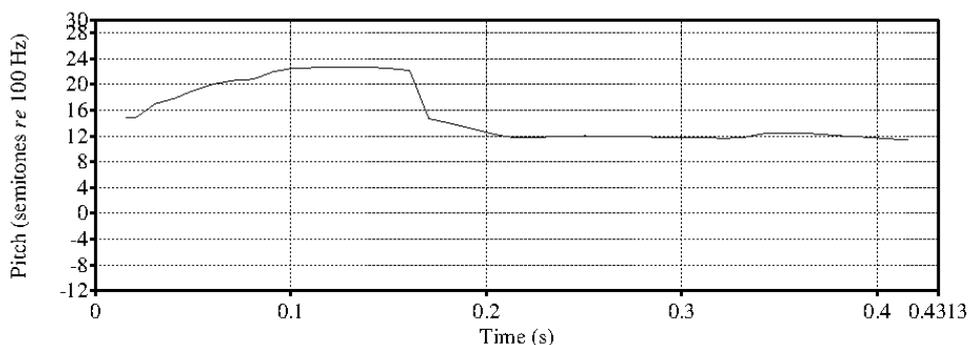
В ходе исследования выделялись основные обязательные и необязательные компоненты, а именно предшкала, шкала, ядро и заядерная часть. При наличии предшкалы выявлялся её уровень, соответствующий началу высказывания: высокий, средний и низкий. Во всех рассмотренных реализациях шкала исследовалась по нескольким параметрам: уровень начала шкалы (в Гц), направление движения основного тона от начала и до ядра (нисходящее, восходящее, ровное), а также способ его реализации, а именно повышение тона (далее – инклинация), понижение тона (далее – деклинация), а также изменение высоты тона. При анализе ядра, обязательного для всех конструкций, особое внимание уделялось направлению движения тона на главноударном слоге и интервалу изменения частоты основного тона (в полутонах). Скорость изменений являлась одной из исследуемых характеристик ядерных тонов. Заядерная часть, при наличии таковой, описывалась с точки зрения направления мелодики. Также определялось место и величина мелодического максимума и минимума в конструкции, и вычислялся мелодический диапазон данной фразы.

Стабильность проявления отмеченных интонационных признаков у разных дикторов и в разных реализациях позволила получить их обобщённые характеристики.

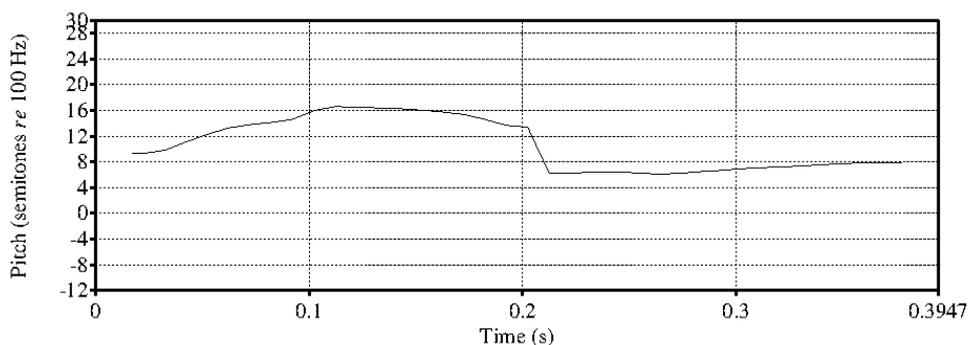
3.1. Интонация утвердительного предложения в русском языке

Повествовательные (утвердительные) предложения в речи носителей русского языка были представлены тремя конструкциями. На рисунке 1 приведена интонограмма утвердительного предложения «Это дом» в речи диктора D1. Первый ударный слог совпадает с началом конструкции, следовательно, в интонационном плане данная единица состоит из шкалы и ядра. В начале шкалы происходит возрастание основного тона в пределах средней полосы диапазона от 219 Гц до 332 Гц за 74 мс. Заударный слог шкалы совпадает с мелодическим максимумом синтагмы и равен 372 Гц. Ядро представлено последним ударным гласным, который, будучи монотонным, начинается на более низком уровне 197 Гц, что является минимальной высотой для данной фразы. Схожая картина наблюдается в реализации утвердительного предложения «Это дом» в речи диктора D7 (рис. 2). На первом ударном гласном шкалы происходит довольно резкое возрастание мелодики на 5 полутонов, при этом скорость инклинации составляет 3,42 Гц/мс. Заударный гласный шкалы реализуется деклинацией с

последующим значительным понижением тона, приходящимся на ядро высказывания. Уровень ЧОТ ядра находится на более низком уровне, чем начало синтагмы, и является мелодическим минимумом в 144 Гц. Мелодический диапазон составил 11 полутонов.

Р и с у н о к 1. Интонограмма утвердительного предложения «Это дом» (D1)

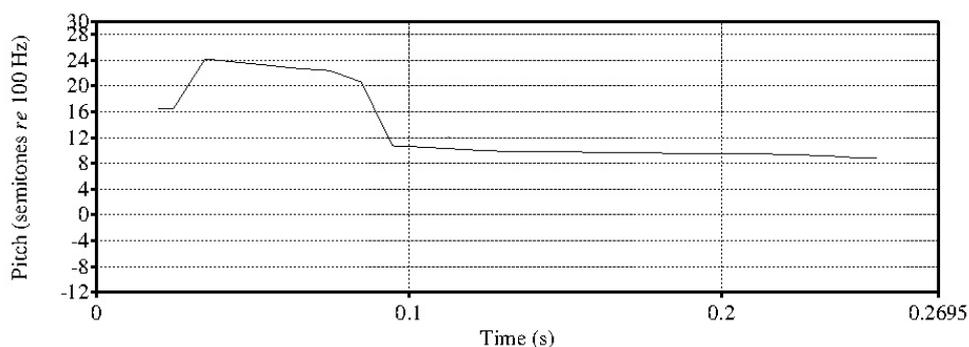

Р и с у н о к 2. Интонограмма утвердительного предложения «Это дом» (D7)

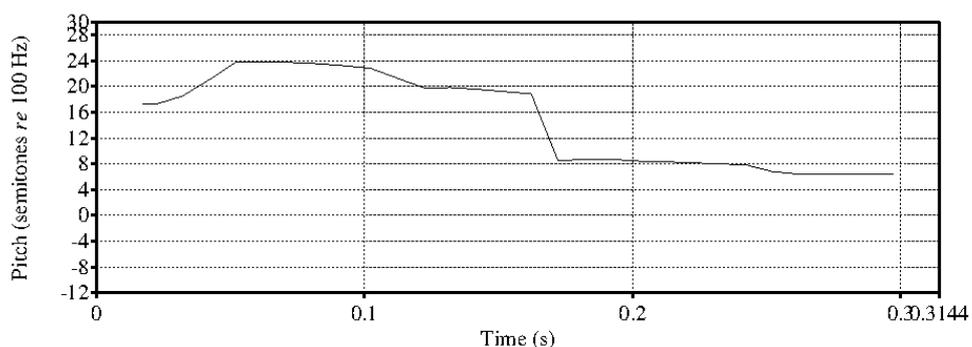
Для диктора D2 характерно оформление интонационного контура, схожее с реализациями утвердительных предложений диктора D7. В реализации интонационного предложения «Это кровь» (рисунок 3) первый перелом кривой мелодики представлен инклинацией на главноударном гласном шкалы на 7 полутонов, однако уровень начала тона значительно выше, и мелодический максимум равен 394 Гц. За деклинацией на последующем безударном гласном следует значительное понижение ЧОТ до мелодического минимума в 183 Гц, что и является ядром данной синтагмы. Мелодический диапазон равен 13 полутонам.

Относительно высокий мелодический уровень и подъём тона до максимума характеризует мелодическое начало интонационного контура утвердительного предложения «Это ребёнок» того же диктора (рис. 4). Начальная инклинация обладает относительной крутизной подъёма от 271 Гц до 396 Гц. Исходя из указанных значений, её скорость составляет 2,60 Гц/мс.

Последующее понижение мелодики представляет собой последовательность незначительных деклинаций на безударных гласных шкалы, ядерный тон реализуется значительным понижением ЧОТ до 163 Гц. Основным отличием данной синтагмы является наличие заядерной части, представленной одним безударным слогом, который находится на более низком уровне, по сравнению с ядерным, и совпадает с мелодическим минимумом. Величина деклинации на протяжении шкалы и терминальной части составила 17 полутонов, что является мелодическим диапазоном данной фразы.

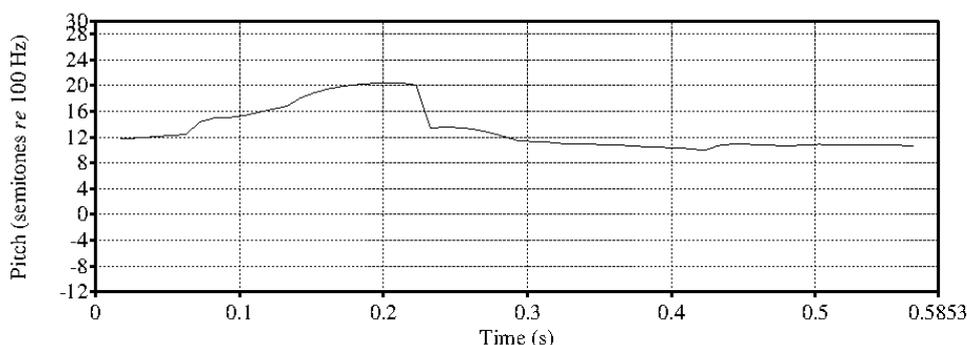
Р и с у н о к 3. Интонограмма утвердительного предложения «Это кровь» (D2)

Р и с у н о к 4. Интонограмма утвердительного предложения «Это ребёнок» (D2)

Отличительной чертой в оформлении интонационного контура утвердительных предложений в речи диктора D1 является более высокий уровень тона безударных гласных по сравнению с ударными, что является, на наш взгляд, индивидуальной особенностью данного диктора. На интонограмме фразы «Это ребёнок» (рис. 5) отмечается повышение ЧОТ на безударных гласных как шкалы, так и заядерной части. Мелодическое начало представлено незначительной инклинацией, с последующим повышением на протяжении шкалы до максимального значения в 325 Гц, следовательно, мелодический максимум приходится на середину фразы.

Ядро высказывания представлено понижением на 4 полутона до минимума на конечном ударном гласном. В заядерной части уровень мелодики ровный на частоте 187 Гц.

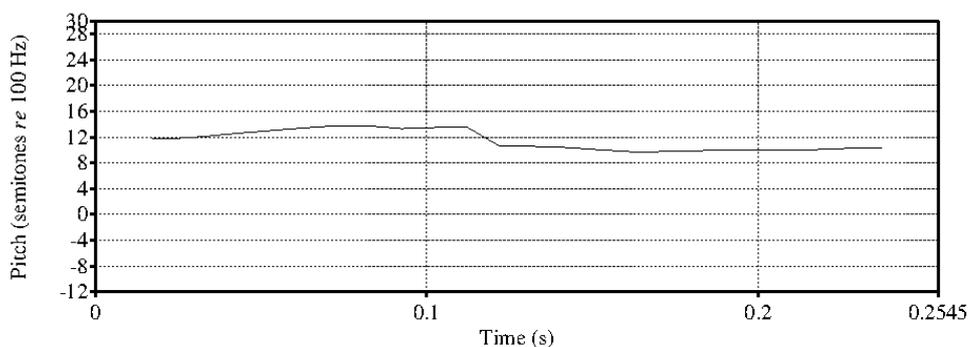
Р и с у н о к 5. Интонограмма утвердительного предложения «Это ребёнок» (D1)

Во всех рассмотренных реализациях были выявлены черты, характерные для оформления утвердительных предложений в русском языке. Повышение в начале шкалы реализуется на среднем или высоком уровне и в большинстве случаев совпадает с мелодическим максимумом. Общее направление мелодики на шкале и ядерной части нисходящее, при этом ядерный тон реализуется либо плавной деклинацией с незначительной степенью крутизны, либо ровным тоном на более низком уровне с нулевым интервалом. При наличии заядерной части наблюдается продолжение деклинации, или ровный тон. Средний мелодический диапазон составил у диктора D1 – 7 полутонов, у диктора D7 – 9 полутонов, у диктора D2 – 16 полутонов, что говорит о различной степени эмоциональности дикторов.

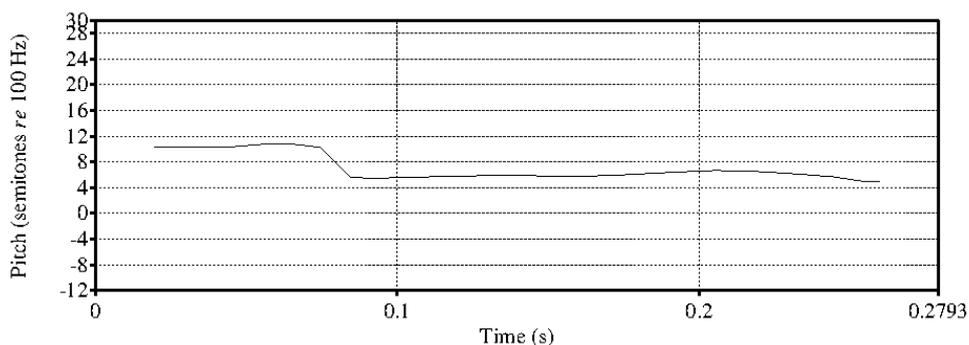
3.2. Интонация утвердительного предложения в эвенкийском языке

В речи дикторов-носителей эвенкийского языка репродуцированная речь представлена реализацией повествовательных предложений «Эр дё» (= Это дом), «Эр сёксэ» (= Это кровь) и «Эр неройкан/кунĕкĕн» (= Это ребёнок). В реализации утвердительного предложения «Эр дё», состоящего из односложных слов, все дикторы проявили значительную схожесть в реализации интонационного контура. На рисунке 6 приведена интонограмма в речи диктора D5. Данная интонационная единица состоит из шкалы и ядра. Гласный шкалы реализуется ровным тоном на среднем уровне в 200 Гц. Ядерный тон также характеризуется нулевым интервалом, при этом его терминальность реализуется изменением высоты основного тона на 4 полутона, что и составляет мелодический диапазон конструкции. Изменение высоты тона в сторону понижения наблюдается и у диктора D8

(рис. 7). Шкала и ядро представлены двумя уровнями ЧОТ, в пределах которых сохраняется ровный тон на уровне 181 Гц и 140 Гц соответственно. Понижение осуществляется в средней полосе диапазона.

Р и с у н о к 6. Интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (D5)

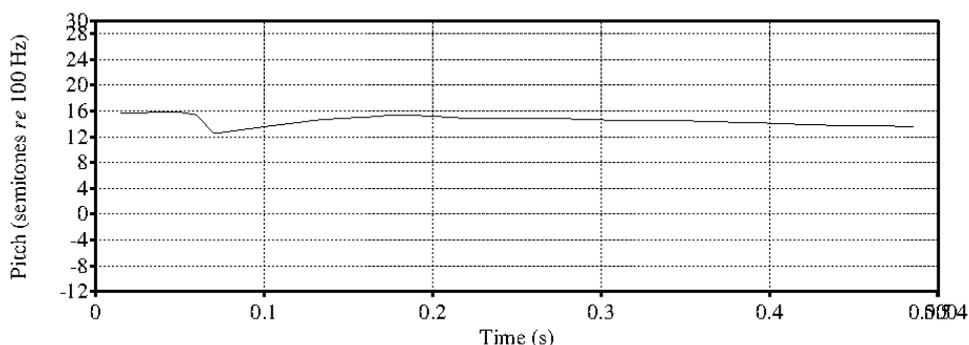

Р и с у н о к 7. Интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (D8)

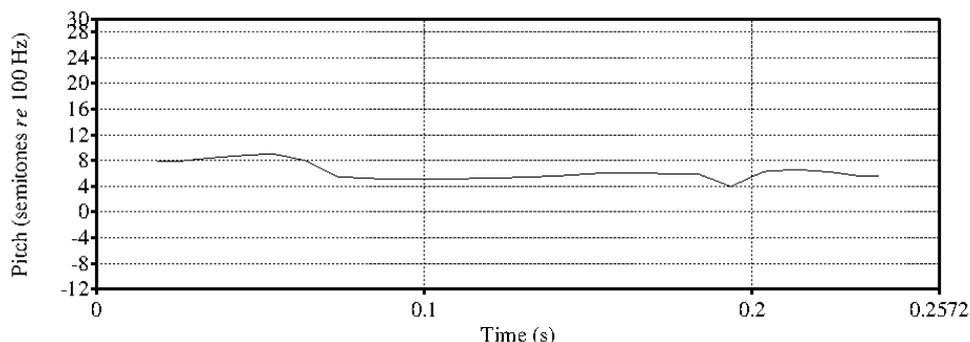
Реализация утвердительного предложения «Эр дю» в речи диктора D4 отличается практически отсутствием мелодического диапазона. Оба слога произносятся выше средней ЧОТ диктора на уровне 245 Гц, при этом гласный ядра отличается только большей длительностью и незначительным понижением на 2 полутона в течении 330 мс (рис. 8).

При анализе утвердительного предложения «Эр сѣксэ» для определения места реализации ядерного тона необходимо учитывать особенности эвенкийского ударения. По данным словарей Б. В. Болдырева [Болдырев, 1994] и Г. М. Василевич [Василевич, 1958], в слове сѣксэ первый слог является долгим. В эвенкийском языке долгота является основным коррелятом ударения, следовательно, в слове сѣксэ ударным является первый слог, на котором реализуется ядерный тон высказывания. Выделяются также шкала и заядерная часть.

Мелодическое начало интонационного контура утвердительного предложения «Эр сэксэ» в речи D8 представлено незначительно инклинацией на 1 полутон на среднем уровне тона (рис. 9). Терминальный тон ядра реализуется изменением высоты мелодики до минимума в 135 Гц, с сохранением высоты мелодики в заядерной части. Мелодический диапазон синтагмы составил 4 полутона.

Р и с у н о к 8. Интонограмма утвердительного предложения «Эр дю» (D4)

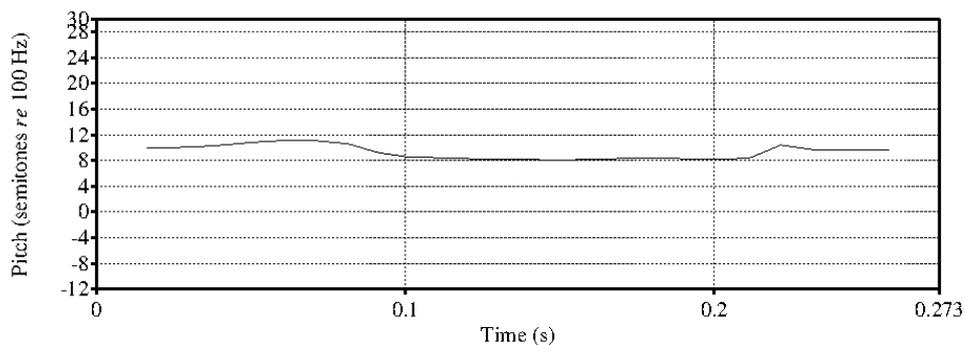
Р и с у н о к 9. Интонограмма утвердительного предложения «Эр сэксэ» (D8)

У диктора D5 незначительное повышение на ударном слоге шкалы отражает движение тона в пределах гласного, при этом мелодический максимум находится на уровне средней ЧОТ говорящего 174 Гц (рис. 10).

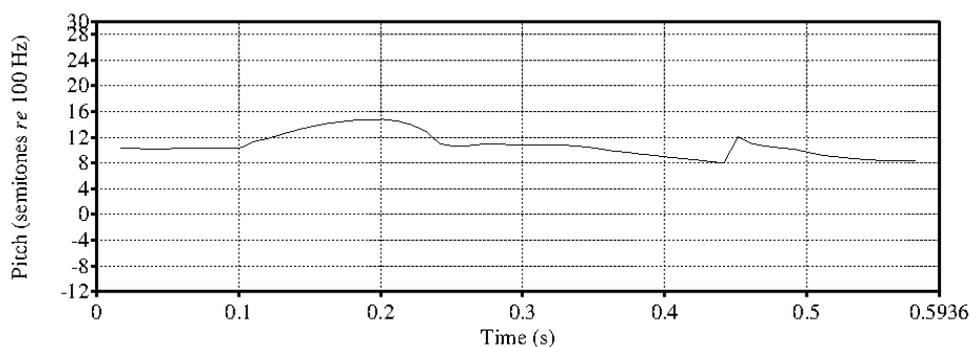
Ядро реализуется на первом слоге сэксэ изменением высоты основного тона до минимума в 160 Гц. В пределах ядерной части тон сохраняется на одном уровне на протяжении 137 мс. Отличительной чертой данной реализации является повышение уровня тона на заударном слоге на 2 полутона.

Реализация предложения «Эр сэксэ» в речи диктора D4 отличается большей степенью крутизны инклинации в начале шкалы, скорость которой составила 0,52 Гц/мс (рис. 11). На конечном ударном гласном синтагмы реализуется ядерный тон, представленный понижением мелодики до мини-

му́ма в 162 Гц. Начало шкалы, ядро и заядерная часть находятся на среднем уровне ЧОТ, при этом мелодический диапазон равен 7 полутонам.

Р и с у н о к 10. Интонограмма утвердительного предложения «Эр сэксэ» (D5)

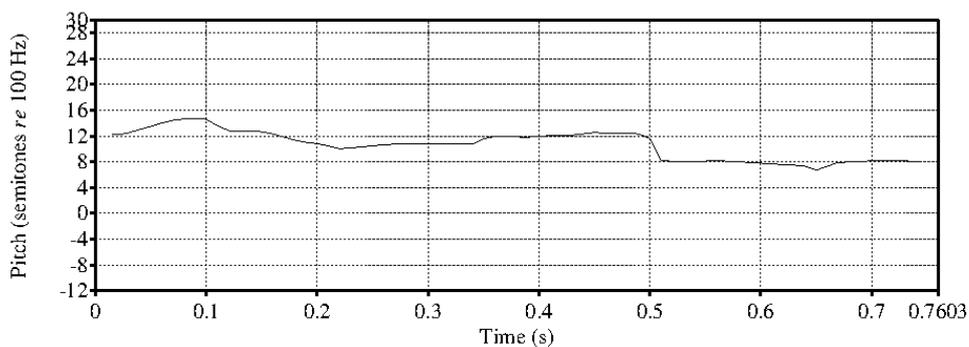

Р и с у н о к 11. Интонограмма утвердительного предложения «Эр сэксэ» (D4)

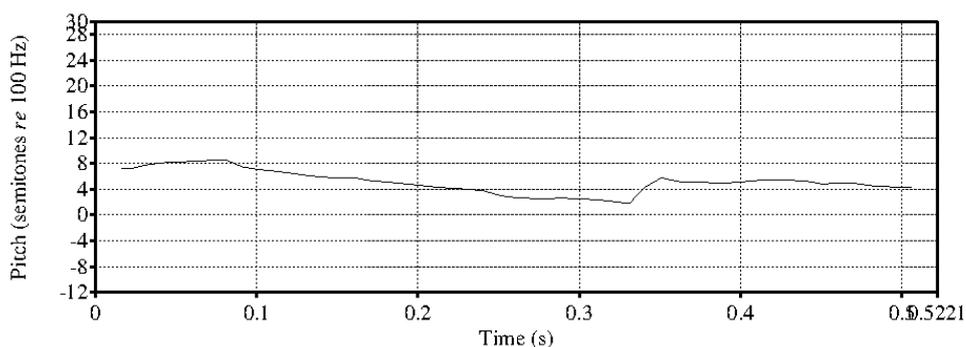
Интонационный облик утвердительного предложения «Эр неройкан/куṇākān» представляет особый интерес, так как шкала состоит из нескольких слогов. На рисунках 12 и 13 приведены интонограммы предложения «Эр неройкан» в речи дикторов D4 и D8. Мелодическое начало у обоих дикторов характеризуется средним уровнем основного тона, однако реализуется по-разному: инклинация на 3 полутона у диктора D5 и ровный тон у диктора D8. Мелодический рисунок шкалы также отличается: значительная изменчивость интонационного контура у первого диктора, и плавная деклинация у второго. Ядерный тон реализуется изменением высоты тона. У диктора D4 – это понижение до мелодического минимума в 159 Гц; у диктора D8 минимум в 115 Гц приходится на середину шкалы, после которого уровень ЧОТ повышается до 133 Гц на конечном ударном гласном синтагмы.

Реализация утвердительного предложения «Эр куṇākān» в речи диктора D5 обладает схожими чертами с мелодическим рисунком реализации «Эр неройкан» диктора D8: небольшая инклинация в начале шкалы с по-

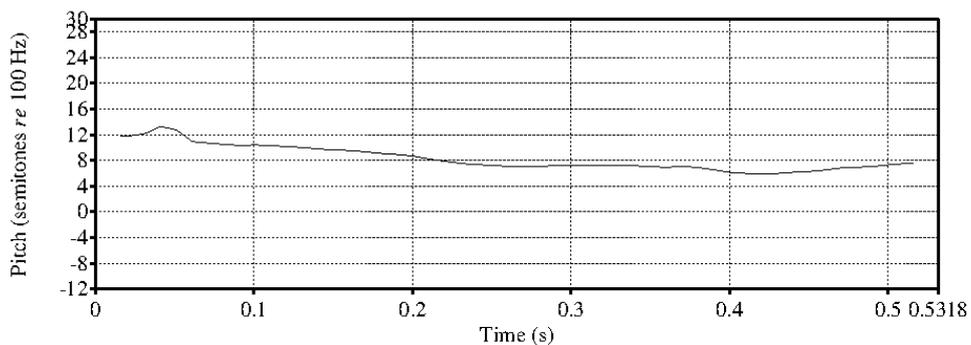
следующей плавной деклинацией до мелодического минимума (рис. 14). Основным отличием является способ реализации ядерного тона в конце синтагмы, который в данном случае представлен незначительным повышением тона от 141 Гц до 154 Гц.

Р и с у н о к 12. Интонограмма утвердительного предложения «Эр неройкан» (D4)

Р и с у н о к 13. Интонограмма утвердительного предложения «Эр неройкан» (D8)

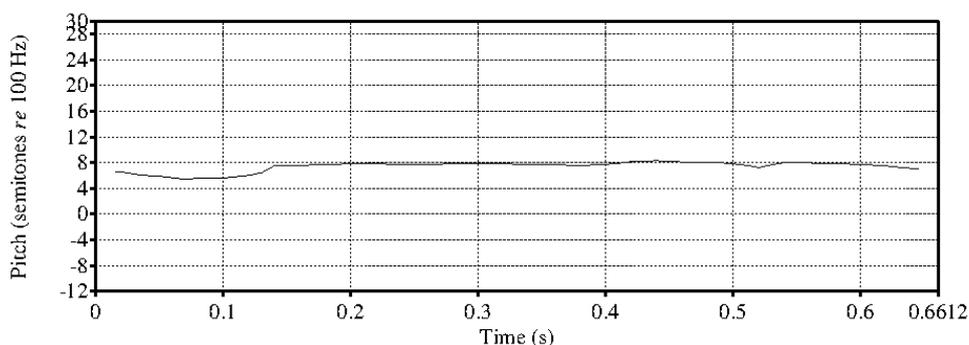

Р и с у н о к 14. Интонограмма утвердительного предложения «Эр куяк̄ан» (D8)

Анализ реализаций утвердительных предложений в репродуцированной речи эвенкийских дикторов показал следующие результаты. Так же как и в русском языке, эвенкийские утвердительные предложения характеризуются слабой центрированностью и реализацией в пределах средней индивидуальной высоты тона диктора с общим нисходящим направлением мелодики. Отличительной чертой являются сравнительно небольшой мелодический диапазон, который в некоторых случаях приближается к нулю, и меньшая крутизна тона на ударных гласных. Мелодический максимум в реализациях как русских, так и эвенкийских дикторов совпадает с началом шкалы, в то время как минимум может совпадать с ядром или реализоваться на шкале, так как терминальная часть синтагмы в эвенкийском языке реализуется контрастом ядерного тона по отношению к окружающим, а именно понижением / повышением или изменением высоты ЧОТ.

3.3. Реализация интонации утвердительного предложения в эвенкийской спонтанной речи

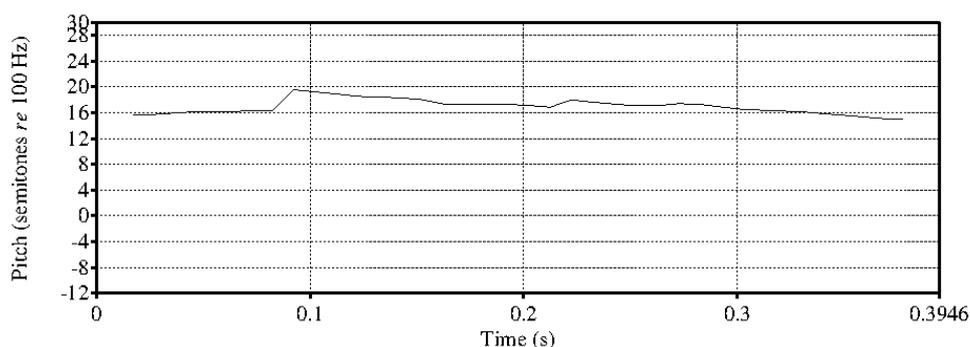
Спонтанная эвенкийская речь представлена реализациями утвердительных предложений, состоящих из одного слова и предложений, состоящих из нескольких знаменательных слов. На рисунке 15 приведена интонограмма утвердительного предложения «Тэлэҥнэрэ» (= Распяливают) в речи диктора D8. Анализ кривых изменения основного тона показывает совпадение интонационного ядра с ударным слогом. Предшкала представлена первым безударным гласным, заударные гласные формируют заядерную часть. На протяжении синтагмы частота основного тона меняется незначительно. Мелодическое начало характеризуется ровным тоном на уровне средней индивидуальной высоты. Изменение уровня ЧОТ с 136 Гц до 157 Гц сигнализирует о начале ядерного тона. Далее сохраняется ровный мелодический контур на протяжении всей заядерной части.

Р и с у н о к 15. Интонограмма утвердительного предложения «Тэлэҥнэрэ» (D8)

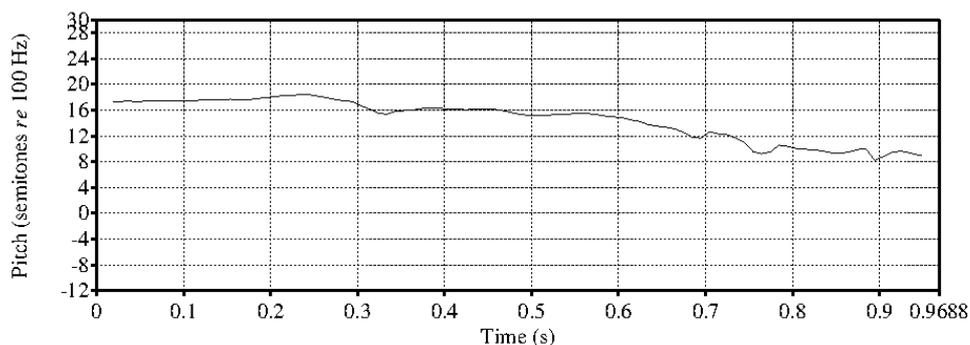
Утвердительное предложение «Эксэҥкитын» (= Уносили) в речи диктора D5 также состоит из одного слова, однако в слове выделяются два

ударных слога: второй слог является носителем второстепенного ударения, главное ударение приходится на конечный слог (рис. 16). Наличие двух ударных гласных делает возможным выделение в структуре предложения предшкалы, шкалы и ядра. Предцентровая часть находится в средней части диапазона. Начало шкалы характеризуется изменением высоты ЧОТ до максимума в 293 Гц, после чего наблюдается деклинация, реализуемая последовательной сменой высоты тона с завершающей деклинацией, приходящейся на ядро синтагмы. Скорость деклинации составляет 0,43 Гц/мс, при этом достигается мелодический минимум, который равен 234 Гц.

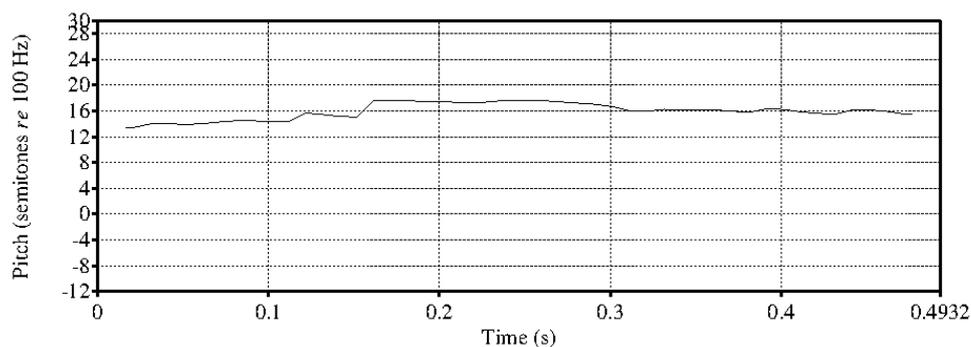
Р и с у н о к 16. Интонаграмма утвердительного предложения «Эксэукитын» (D5)

В предложениях с наличием нескольких знаменательных слов дикторы также проявили схожесть в реализации интонационного контура. Мелодический контур утвердительного предложения «Тāлалдук гайчивкйл» (= На солонцах добывают (букв. берут)) диктора D5 (рис. 17) характеризуется общим нисходящим направлением высоты тона, которое реализуется изменением высоты ЧОТ. Уровень начала шкалы высокий (274 Гц), ядерный тон реализуется на первом долгом гласном глагола понижением мелодики на 4 полутона, которое продолжается на заядерной части на уровне ниже среднего уровня ЧОТ данного диктора.

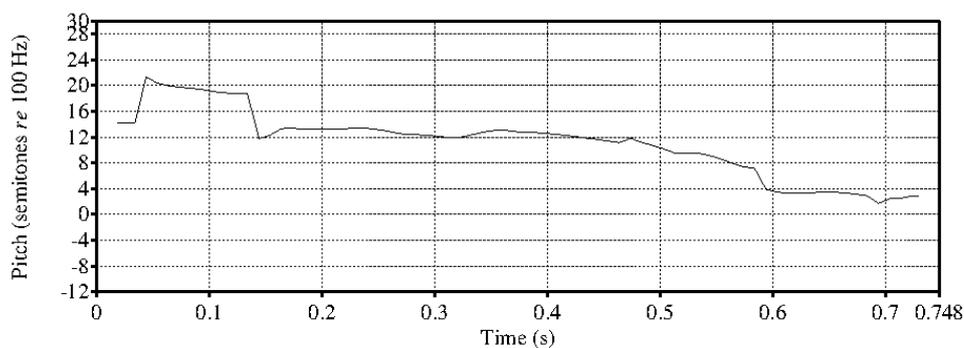
Р и с у н о к 17. Интонаграмма утвердительного предложения «Тāлалдук гайчивкйл» (D5)

Ступенчатый характер реализации изменений высоты основного тона виден на интонограмме предложения «Экурдү бункитын» (= Кому-то давали) (рис. 18). На шкале повышение представляет собой последовательное изменение высоты ЧОТ 223 Гц → 243 Гц → 276 Гц, при этом мелодический максимум приходится на конец шкалы, с последующей деклинацией на 2 полутона на ядре. Заядерная часть сохраняет ровный контур на уровне выше средней ЧОТ диктора.

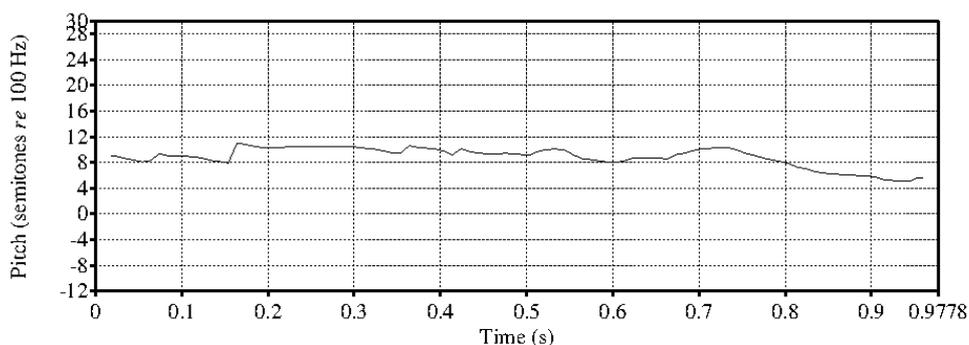
Р и с у н о к 18. Интонограмма утвердительного предложения «Экурдү бункитын» (D5)

Утвердительные предложения в спонтанной речи диктора D3 также характеризуются ступенчатым характером изменений мелодики. Типичный пример представлен на рисунке 19 интонограммой утвердительного предложения «Таткыл алагумчал-бб» (= Школы учили бы). Повышение тона в начале шкалы и последующее нисходящее движение, включая терминальный тон, реализуются изменениями высоты ЧОТ. Общий мелодический диапазон понижения составил 19 полутонов. В целом речь данного диктора отличается большими изменениями высоты тона, что, скорее всего, объясняется индивидуальными особенностями диктора и большей степенью его эмоциональности.

Р и с у н о к 19. Интонограмма утвердительного предложения «Таткыл алагумчал-бб» (D3)

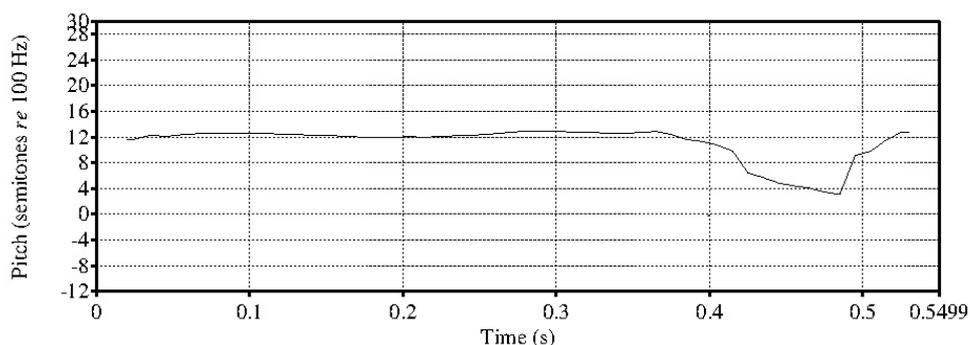
Интонационный контур многосложных предложений в целом характеризуется высокой степенью изрезанности, однако отсутствие переломов объясняется особенностями реализации ударных гласных, представленными последовательным чередованием изменений высоты или повышением/понижением ЧОТ. Суть данного чередования, как нам представляется, основана на создании контраста между слогами, при этом направление таких изменений играет второстепенную роль, что и объясняет особый речитативный характер произнесения эвенкийских предложений. В целом, все колебания ЧОТ происходят в средней полосе диапазона, в том числе и реализация ядерного тона, что способствует монотонности спонтанной речи эвенков. Типичный пример представлен интонограммой предложения «Турэ́ттэвэр, бадага́, э́ккиль э́ттэ́» (= Говорить, наверное, не любят) на рисунке 20.

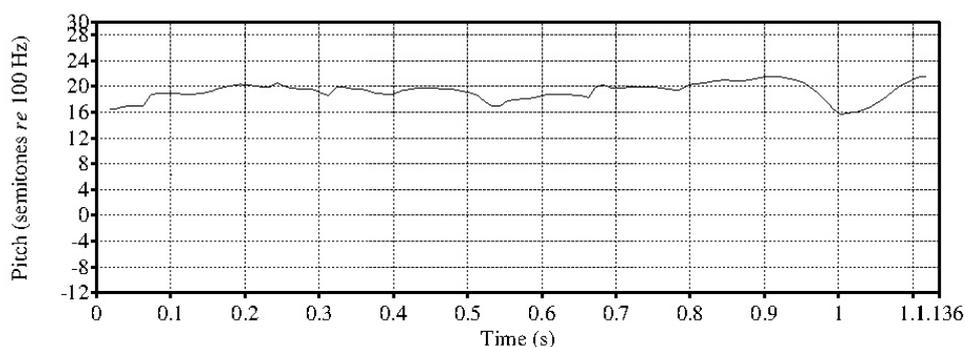
Р и с у н о к 20. Интонограмма утвердительного предложения «Турэ́ттэвэр, бадага́, э́ккиль э́ттэ́» (D5)

Отдельно следует рассмотреть утвердительные предложения в спонтанной речи эвенков, содержащие частицу дэ́/да́ на конце высказывания. Данная лексема выполняет контактоустанавливающую функцию в речи и отличается единообразием фонетического оформления в речи разных дикторов. На рисунках приведены примеры таких предложений в речи: «Гили́мдэ́рэ-дэ́» (= Блестят, да) в речи D3 (рис. 21) и утвердительное предложение диктора D5 «Тар-ты неке́денэл, булта́дянал, да́» (= Так, живя, охотясь, да) (рис. 22).

В обоих случаях нет временной паузы, отделяющей частицу от остальной части высказывания. Мелодический рисунок предшкалы и шкалы в целом не отличается от типичного оформления интонационного контура повествовательных предложений в эвенкийском языке: относительно небольшие изменения на протяжении всего отрезка с небольшими колебаниями ЧОТ, реализуемыми в основном изменением высоты тона, с последующей деклинацией на ядре до мелодического минимума. Контактостанавливающая частица дэ́/да́ реализуется резкой инклинацией с довольно большой крутизной интервала (на 10 полутонов за 132 мс у D3, и 6 полутонов за 89 мс у D5). Такое повышение тона, выражая смысловую незавершенность, содержит некую установку на продолжение контакта.

Р и с у н о к 21. Интонограмма утвердительного предложения «Гилймдёрэ-дэ» (D3)

Р и с у н о к 22. Интонограмма утвердительного предложения «Тар-ты некэденэл, бултáдянал, дá» (D5)

Полученные по каждому диктору исследования данные основных параметров ЧОТ утвердительных предложений представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Основные показатели ЧОТ (утвердительные предложения)

Наименование показателя	Среднее значение показателя для диктора									
	Русская репродуцированная речь			Эвенкийская репродуцированная речь				Эвенкийская спонтанная речь		
	D1	D2	D7	D4	D5	D6	D8	D3	D5	D8
1 Средняя ЧОТ диктора, Гц	227	240	182	201	176	-	143	182	253	149
2 Мелодический максимум, Гц	335	406	262	240	209	-	174	247	294	170
3 Мелодический минимум, Гц	186	157	146	168	159	-	122	112	202	115
4 Мелодический диапазон, полутон	9	16	9	6	5	-	6	11	6	4

5. Заключение

В ходе сравнительного анализа акустических характеристик интонационного оформления основных типов предложений в русском и эвенкийском языках были выявлены следующие особенности реализации интонационного контура.

1. Акустический анализ утвердительных предложений в речи русских и эвенкийских дикторов выявил схожесть реализаций интонационного контура. Повествовательные предложения в обоих языках характеризуются слабой центрированностью и реализацией в пределах средней индивидуальной высоты тона диктора с общим нисходящим направлением мелодики, начинающимся с мелодического максимума начала шкалы, до ядра, реализуемого понижением / повышением тона или изменением высоты ЧОТ.

2. Отличительной особенностью эвенкийской речи является монотонный характер и сравнительно небольшой мелодический диапазон, обусловленные особенностями реализации изменений ЧОТ, представленных контрастной последовательностью инклинаций / деклинаций и изменений высоты тона.

3. В спонтанной речи эвенков особых отличий в реализации интонационного контура всех типов предложений не выявлено, за исключением конструкций с контактоустанавливающими частицами, реализованными во всех случаях резкой инклинацией.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. (Экспериментально-фонетическое исследование) [Текст] / Т. Е. Андреева – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 142 с.
2. Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст] / Е. Ф. Афанасьева : учеб. пособие. – 2 изд., доп. и перераб. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010 а. – 116 с.
3. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка : учебное пособие [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. – 276 с.
4. Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М. : Прогресс, 1969. – 252 с.
5. Брызгунова, Е. А. Интонация [Текст] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика. – М., 1980. – С. 96–122.
6. Болдырев, Б. В. Русско-эвенкийский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 499 с.
7. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
8. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
9. Горцевский, А. А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку [Текст] / А. А. Горцевский / под ред. В. П. Андреевой-Георг. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. – 136 с.

10. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 274 с.
11. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М., 1977. – 278 с.
12. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский. – Л., 1928. – С. 458–476.
13. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1982. – 176 с.
14. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 372 с.
15. Фонетика спонтанной речи [Текст] / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.] ; под ред. Н. Д. Светозаровой. – Л. : Ленинградский университет, 1988. – 235 с.
16. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1949. – 342 с.
17. Crystal, D. Prosodic systems and intonation in English [Text] / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 390 p.
18. Crystal, D. The intonation system of English [Text] / D. Crystal // Intonation. Selected readings. – Harmondsworth, 1972. – P. 110–136.

References

1. Andreeva, T. E. (1988). *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* (Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language (Experimental phonetic study)]. Novosibirsk : Nauka Press.
2. Afanas'eva, E. F. (2010). *Fonologiya i fonetika evenkiyskogo yazyka* [Phonology and phonetics of the Evenki language]: A handbook. Ulan-Ude : Buryat State University Press.
3. Bondarko, L. V. (1988). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of Modern Russian]: A course book. St-Petersburg : St-Peterburg University Press.
4. Boldyrev, B. V. (1994). *Russko-evenkiyskiy slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk: «Nauka». Siberian Press.
5. Bryzgunova, E. A. (1969). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and Intonation in Russian Speech]. Moscow : Progress Press.
6. Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiya [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] (pp. 96–122). Moscow.
7. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : GIINS Press.
8. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govorov barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [Features of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
9. Gortsevskij, A. A. (1939). *Foneticheskie trudnosti pri obuchenii evenkov (tungusov) russkomu yazyku* [Phonetic difficulties of teaching Russian to the Evenki (Tungus) people]. Leningrad : Glavsevmorputi Press.

10. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Leningrad : Nauka Press.
11. Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaya intonatsiya slavyanskih yazykov* [Phrasal Intonation of Slavic Languages]. Moscow.
12. Peshkovskiy, A. M. (1928). *Intonatsiya i grammatika* [Intonation and Grammar]. Leningrad.
13. Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [The Intonation system of Russian]. Leningrad.
14. Trubetzkoy, N. S. (1960). *Osnovy fonologii* [Principles of Phonology]. Moscow : Izdatel'stvo inostrannoy literatury Press.
15. Bondarko, L. A. Verbickaya, L. R. Zinder, L. R. et al. (1988). *Fonetika spontannoj rechi* [Phonetics of Spontaneous Speech]. Ed. by N. D. Svetozarova. Leningrad : Leningrad University Press.
16. Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad.
17. Crystal, D. (1968). *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge : Cambridge University Press.
18. Crystal, D. (1972). The intonation system of English. *Intonation. Selected readings* (pp. 110–136). Harmondsworth.

УДК 81-112
UDC 81-112

Костева Виктория Михайловна
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
г. Москва, Российская Федерация
Viktoria M. Kosteva
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation
vmkosteva@gmail.com

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КИТАЯ В АСПЕКТЕ
«ТОТАЛИТАРНОЙ» ЛИНГВИСТИКИ
LINGUISTICS OF CHINA IN THE ASPECT
OF THE "TOTALITARIAN" LINGUISTICS

Аннотация

В статье рассматривается языкознание КНР в его тоталитарный период. В авторской концепции для лингвистики тоталитарного государства используется термин «тоталитарная» лингвистика, под которой понимается совокупность дискурсивных практик, оказывающих влияние на работу лингвистов и итоги их научной деятельности. Анализ проводится с использованием метода нарративной лингвоисториографии. Результаты исследования показали, что «тоталитарная» лингвистика Китая представляет собой симбиоз деструктивных и конструктивных влияний, обусловивших ряд характерных черт. К ним можно отнести неприятие индоевропейского лингвистического опыта; следование принципам Советского языкознания, иногда с некоторыми крайностями калькирования русских грамматических категорий; практико-ориентированный подход и особое внимание к вопросам национального языка и его нормы, ликвидации неграмотности, поддержки языков малочисленных народов, а также к вопросам фонетики и фонологии, истории языка и перевода. Между тем, противоречия Культурной революции значительно замедлили лингвистическую работу, в том числе по распространению пунхуа.

Abstract

The current paper aims at considering language studies in China in its totalitarian period. In the author's concept, the term «totalitarian» linguistics for the linguistics of a totalitarian state is used, which means a set of discursive practices that influence the activities of linguists and the results of their scientific work. The analysis is carried out using the method of narrative linguistic historiography. The results of the study show that «totalitarian» linguistics in China is a result of symbiosis of destructive and constructive influences that determined its relevant features. These are rejecting Indo-European linguistic experience; following the principles of Soviet Union Linguistics, sometimes with extremes like calking certain Russian grammatical categories; practical approach and the focus on issues on National language and its standard, eliminating illiteracy, supporting language minorities as well as addressing the issues of phonetics and phonology, language history and translation. However, contradictions of

Cultural revolution considerably slowed down linguistic work, including Putonghua expansion.

Ключевые слова: «тоталитарная» лингвистика, дискурсивная практика, национальный язык, диалект, грамматика.

Keywords: «totalitarian» linguistics, discursive practice, national language, dialect, grammar.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_59_67

1. Введение

Обращение к истории лингвистики тоталитарных стран, среди которых фашистская Италия, нацистская Германия, Советский Союз во время правления И. В. Сталина, Испания при режиме генерала Ф. Франко, Китай периода правления Мао Цзэдуна, Албания времён Э. Ходжи, Румыния при Г. Георгиу-Дежу и Н. Чаушеску, позволило выдвинуть рабочую гипотезу о наличии в тоталитарных странах лингвистики особого вида, для которой с опорой на релевантные для неё понятия «тоталитарный язык», «тоталитарная эпоха», «тоталитарный дискурс» нами используется термин «тоталитарная» лингвистика. Под «тоталитарной» лингвистикой понимается следующее:

а) совокупность дискурсивных практик, характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики;

б) совокупность лингвистических концепций тоталитарного общества, воплощающих господствующую идеологию;

в) система доминант языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

Сопоставительный анализ лингвистики вышеуказанных тоталитарных стран позволил нам утверждать, что практические исследования в лингвистике тесно связаны с социологическим направлением, так как в фокусе внимания лингвистов тоталитарной эпохи стоят, прежде всего, взаимоотношения языка, индивида и коллектива. Интерпретация этих взаимоотношений находится в тесной связи с основными компонентами государственной идеологии и геополитическими условиями существования тоталитарного государства. В области теоретического языкознания и философии языка типичным является поиск новой лингвистической парадигмы, попытки приспособить политические установки к созданию новой лингвистики при отказе от концепций индоевропейского сравнительного языкознания, теории младограмматиков и других теорий и концепций.

Для лингвистики тоталитарных государств типичными дискурсивными практиками являются следующие:

– управляемость со стороны государственного руководства, включая личное участие лидеров тоталитарных государств в постановке и выполнении языковых задач;

- партийный контроль над научными исследованиями;
- монополизация научной языковедческой деятельности, её подчинение господствующей идеологии;
- создание системы запретов и манипулирование ею при осуществлении различных видов научной деятельности;
- создание специального законодательства по языковой политике;
- создание специальных органов, комитетов, комиссий и т. д. по внедрению лингвистических проектов;
- создание государственного аппарата и иных структур, контролирующих и управляющих деятельностью ученых-лингвистов;
- апеллирование к широкой общественности.

Обратимся к реализации вышеперечисленных практик в лингвистике КНР периода правления Мао Дзэдуна.

2. Характерные черты «тоталитарной» лингвистики Китая

С образованием КНР в 1949 г. начинается новый этап истории китайского языкознания, характеризующийся быстрым развитием всех его областей. Это позволило китайскому лингвисту Гун Цяньяню охарактеризовать его как «Расцвет языкознания в Китае» (1949–1966 гг.) [цит. по: Шатравка, 2002, с. 11].

Руководство КНР придавало большое значение развитию этой отрасли науки. Так, в 1950-х гг. языковыми проблемами занимались несколько государственных органов:

- 1) Комитет по изучению реформы китайского письма (создан в 1951 г.);
- 2) Институт языка Академии наук Китайской Народной Республики (создан в 1950 г.);
- 3) Центральная национальная академия;
- 4) Комитет по руководству изучением языков и письма национальных меньшинств [Ошанин, 1953, с. 111].

В стране издавалось несколько периодических журналов по лингвистике, среди которых:

- 1) «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») – объединённый ежемесячный орган Комитета по изучению реформы китайского письма и Института языка Академии наук;
- 2) «Юйвэнь сюеси» («Языковая учёба») – общественный ежемесячный журнал широкого профиля;
- 3) «Юйвэнь цзяосюе» («Преподавание языка») – ежемесячный журнал по вопросам методики и педагогики [Ошанин, 1953, с. 111].

Начиная с 1950-х гг. прошлого века, т. е. буквально через год после создания КНР, в китайском лингвистическом сообществе всё сильнее раздавались голоса против изучения и развития теорий индоевропеистики. В основном, речь шла о теории Гердера, Шлейхера, Есперсена, на основе которых в 20–40-х гг. XX в. было построено китайское языкознание и создан ряд учебников по грамматике китайского языка. Поводом такого не-

приятия послужили, с одной стороны, высказывания европейских учёных об «отсталости и примитивности китайского языка, о его застойном характере» [Ошанин, 1953, с. 113] а, с другой – необходимость обращения к истории китайского языка, изучению древнекитайского языка.

В этой связи характерно высказывание Мао Цзэдуна о том, что: «Нам нужно ещё учиться языку древних. Современный народный язык в большей части передан нам от древних. Сокровищница языка древних ещё может подвергаться разработке ...» [цит. по: Ошанин, 1952, с. 117] Кроме этого, отметим и обвинение китайских лингвистов в «преклонении перед Западом, в космополитизме, академизме и беспринципности» [Ошанин, 1953, с. 106].

С третьей стороны, явно ощущалось влияние СССР на практически все отрасли хозяйства, промышленности и науки. Как и в остальных государствах с социалистическим устройством общества, языкознание КНР до периода «культурной революции» находилось в тесной связи с языкознанием в СССР. С изменениями в языкознании СССР изменились и приоритеты языкознания КНР. Смена лингвистической парадигмы в КНР была продиктована сменой лингвистической парадигмы в СССР, развенчиванием теории Н. Я. Марра. Как отмечалось в китайской прессе, труды И. В. Сталина по вопросам языкознания с неизменным эпитетом «гениальные» стали основополагающими для развития теории языковедения в Китае. Основным посылом новой лингвистики становится благотворное влияние марксизма-ленинизма и выдвижение языкознания на позиции передовой науки.

Приоритетами нового этапа развития лингвистики стали, как и практически во всех тоталитарных государствах, вопросы национального языка, его взаимоотношения с территориальными диалектами, вопрос нормы, взаимоотношение старой нормы и новой нормы, связанные с этими вопросами орфографическая реформа и создание алфавита для языков национальных меньшинств [Ошанин, 1953, с. 114–115].

В программной статье о перспективах развития китайского языкознания, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», его предметом было определено изучение специфических противоречий языкознания. При этом китайские учёные исходили из высказывания И. В. Сталина о специфических особенностях языка, а также из положений Мао Цзэдуна о специфических противоречиях, представляющих собой предмет той или иной науки, в том числе языкознания.

В концепции лингвистов КНР основное противоречие языка заключается в том, что «путём абстрагирования реальности и её обобщения создаётся слово, причём и говорящий, и слушающий овладевают понятием, представленным звуком или звуками, образующими это слово, переходят от непонимания к взаимному пониманию, благодаря чему лучше познаётся реальность, развивается ум, создаётся наука» [Ло Чан Пэй, 1953, с. 80].

В своей статье Ло Чан Пэй [Ло Чан Пэй, 1953, с. 80–83] также определил задачи китайского языкознания на период 1950-х гг., к которым автор относил следующие:

- 1) изучение основного словарного фонда и словарного состава;
- 2) изучение грамматического строя;
- 3) изучение фонетики и фонологии;
- 4) изучение литературного языка;
- 5) изучение диалектов и национального языка;
- 6) изучение внутренних законов развития языка или история китайского языка;
- 7) изучение языков и письменности национальных меньшинств;
- 8) изучение методики преподавания языков;
- 9) изучение порядка работы по ликвидации неграмотности и по проведению реформы письма;
- 10) изучение методов перевода.

Особое внимание было уделено разработке теоретических вопросов национального языка; в связи с этим отметим лингвистическую дискуссию, суть которой заключалась в обсуждении вопросов взаимоотношения национального языка с территориальными диалектами.

Основными дискуссионными положениями стали вопросы о наличии китайского национального языка и о диалекте, на основе которого он складывается или уже сложился, механизмы формирования национального языка, гипотетическое развитие территориальных диалектов в отдельные языки, взаимоотношения старой и новой нормы китайского языка [Ошанин, 1952, с. 115].

По результатам проведённой дискуссии было принято положение о том, что национальный язык существует и имеет свою литературную норму. В центральном органе ЦК КПК «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета») в передовице можно было найти следующие высказывания: «Наш современный язык сохраняет все преимущества, свойственные ему издревле, а из чужих языков он воспринял необходимые новые элементы лексики и грамматики. Поэтому наш современный язык ещё совершеннее, чем язык древних эпох, ещё богаче по силе своей выразительности. Товарищ Мао Цзэ-дун и великий писатель Лу Синь дают образцы того, как нужно пользоваться этим гибким, богатым и прекрасным языком» [цит. по: Ошанин, 1952, с. 116].

В данной цитате довольно чётко прослеживаются следующие признаки «тоталитарной» лингвистики: апеллирование к авторитету высшего руководства страны, в нашем случае за идеальный язык принимается язык Мао Цзэдуна, а язык великого китайского писателя занимает лишь почётное второе место. Кроме того, авторы явно передают мысль Мао Цзэдуна о преемственности старого китайского языка с его последующей переработкой.

Во-вторых, отметим ещё одну любопытную деталь: вопрос о национальном языке Китая решался не только в Китае, но и в СССР. При этом российские синологи стояли на аналогичных позициях, в частности подчёркивали развитие языка в Китае именно как национального, в связи с тем, что в Китае в результате национально-освободительной борьбы была сформирована нация [Конрад, 1952, с. 50]. Они также подвергали критике

высказывания Е. Д. Поливанова, полагавшего, что существующие экономические формы не могли послужить основой для создания единого разговорного языка (или диалекта) и рассматривавшего современный китайский язык как сумму различных, хотя и родственных языков.

Вторым результатом дискуссии стало отрицание формирования единого языка путём скрещивания диалектов и единство по вопросу о том, что развитие национального языка идёт путём укрепления ведущей роли пекинского диалекта, путём растворения местных национальных диалектов [Ошанин, 1952, с. 116].

Обратимся к мнению советских специалистов в области китайского языка, соответственно которому китайские диалекты подверглись «перемалыванию» (глагол «перемалываться» в отношении диалектов был взят из высказывания И. В. Сталина): «Именно о таком процессе интенсивного перемалывания диалектов в едином языке и можно говорить в приложении к языковой действительности, наблюдаемой в Китае в последние десятилетия» [Конрад, 1952, с. 57].

Таким образом, в период становления КНР единый язык воспринимался как национальный язык, основанный на пекинском диалекте, в котором сливаются и скрещиваются все остальные диалекты.

В связи с необходимостью ликвидации безграмотности и повышения грамотности населения, наибольшее значение уделялось изучению и преподаванию грамматики в школе. Вопрос о наличии грамматики китайского языка был увязан с дискуссией о частях речи. Советские синологи признавали наличие частей речи в китайском языке и считали невозможным создание грамматики без наличия данных категорий [Конрад, 1952, с. 76]. В грамматике различались как морфология, так и синтаксис. Вслед за этими утверждениями, китайские лингвисты также призывали к изучению грамматического строя китайского языка, к улучшению литературы по грамматике и методике её преподавания в школе [Ошанин, 1952, с. 117]. В 1952 г. в журнале «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык») был опубликован систематический курс грамматики китайского языка, в разделы которого входили «Части речи», «Основные типы предложения», «Типы простого предложения» и другие.

Наличие идеологической составляющей в решении проблемы частей речи в китайском языке подтверждается тем фактом, что в 1953 г., уже после окончания дискуссии на эту тему в Советском Союзе, в статье журнала «Чжунго юйвэнь» филолог Гао Мин Кай вновь заявил об отсутствии частей речи в китайском языке, задаваясь при этом вопросом, а стоит ли «втискивать китайский язык в каноны западных грамматик» [Гао Мин Кай, 1955, с. 49]. После этого появился ряд работ, поддерживающих данное положение. Но после выхода статьи Конрада «О китайском языке» в СССР взгляды филологов резко поменялись, что соответствовало принятию точки зрения И. В. Сталина «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой "природной материи" не существует» [цит. по: Гао Мин Кай 1955, с. 50].

Лингвистический вопрос быстро превратился в вопрос политический. В центральной прессе, в частности в уже упомянутой газете «Жэньминьжибао» в 1951 г., в течение полугода публиковались лекции по грамматике и стилистике китайского языка известных китайских лингвистов Люй Шусяна и Чжу Дэси. Публикация данных материалов свидетельствовала о возрастающем значении роли языка в общественной жизни Китая, так как, по мнению китайских филологов, они представляли собой «тот теоретический минимум знаний науки о языке, которым должен «владеть каждый член партии, каждый рабкор, каждый автор политической статьи или художественного произведения» [Ошанин, 1952, с. 118].

Вопрос создания грамматики был связан с борьбой за чистоту языка, который приобрёл государственное значение. Руководство страны через газету «Жэньминьжибао» обратилось с призывами к партийным и общественным работникам, а также авторам и журналистам с призывом к изучению грамматики, а также к борьбе за чистоту языка. При этом последовала и другая цель, а именно – создание особого дискурса, языка, который в современной лингвистике называется «тоталитарным» языком. Подтверждением может служить следующая цитата из передовой статьи вышеуказанной газеты: «... необходимо, чтобы любой документ, доклад, газета или печатное издание выражали мысли правильным языком, чтобы массы правильно овладели идеей...» [Ошанин, 1952, с. 117].

Большая часть лингвистов Китая была занята изучением и описанием диалектов, разработкой фонетического алфавита.

Таким образом, языкознание КНР характеризуется практико-ориентированным и прикладным характером исследований, переносом основных положений советского языкознания на китайское языкознание, даже если в силу особого строения китайского языка привнесение некоторых грамматических категорий представляется излишним и даже ошибочным. Так, китайский филолог Ван Ли, рассматривая историю дискуссии о частях речи писал: «В прошлом при обсуждении вопроса о частях речи имели место две крайности. С одной стороны, утверждали, что китайский – это язык, в котором есть морфология; при этом полагали, что в китайском языке есть склонение существительного и т. п. Такая точка зрения, конечно, ошибочная. С другой стороны, некоторые лингвисты считали, что в китайском языке вообще нет частей речи. Верна ли подобная точка зрения? Это зависит от того, что мы понимаем под частями речи...» [Ван Ли, 1989, с. 37].

«Культурная революция» практически прекратила лингвистическую работу, не был также последовательно реализован процесс распространения путунхуа ввиду отсутствия занятий в школах.

3. Заключение

Суммируя вышеизложенные факты, мы приходим к выводу о том, что роль тоталитарного государства в «тоталитарной» лингвистике представляет собой симбиоз конструктивных и деструктивных влияний. Оче-

видно, что, с одной стороны, влияние тоталитарной идеологии в какой-то степени препятствует поступательному развитию лингвистики в соответствии с её имманентными закономерностями. С другой стороны, практическая ориентация лингвистических исследований вносит большой вклад в ряд теоретических аспектов общего языкознания.

Интересной представляется перспектива данного исследования в свете расширения связей китайских лингвистов с лингвистами Европы и Америки. Всё чаще в международных рецензируемых лингвистических журналах можно увидеть статьи китайских коллег, в которых изложены результаты исследований в лучших традициях мирового языкознания с соблюдением всех правил построения англоязычного научного лингвистического дискурса (см., напр., [НАО, 2012] и многие др. работы). Чтобы проследить этот путь от тоталитарной лингвистики к открытости обширному международному лингвистическому опыту, необходимо отдельное исследование.

Список литературы

1. Ван Ли. Части речи [Текст] / Ван Ли // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXII. – М.: Прогресс, 1989. – С. 37–53.
2. Гао, Мин Кай. Проблема частей речи в китайском языке [Текст] / Мин Кай Гао // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 48–57.
3. Конрад, Н. И. О китайском языке [Текст] / Н. И. Конрад // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 45–78.
4. Ло, Чан Пэй. Предмет и задачи языкознания [Текст] / Чан Пэй Ло // Вопросы языкознания. – 1953. – № 4. – С. 79–84.
5. Ошанин, И. М. Китайское Языкознание [Текст] / И. М. Ошанин // Вопросы языкознания. – 1953. – № 3. – С. 106–112.
6. Ошанин, И. М. Китайская Народная Республика [Текст] / И. М. Ошанин // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 113–119.
7. Шатравка, А. В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.22 / Шатравка Анна Владиславовна; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2002. – 209 с.
8. Hao, Y-C. Second language acquisition of Mandarin Chinese tones by tonal and non-tonal language speakers [Text] / Y-C. Hao // Journal of Phonetics. – 2012. – Vol. 40 (2). – P. 269–279.

References

1. Van, Li. (1989) Chasti rechi [Parts of speech]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New issues in foreign linguistics] (Vol. XXII, pp. 37–53). Moscow: Progress Press.
2. Gao, Min Kaj. (1955). Problema chastej rechi v kitajskom yazyke [The problem of parts of speech in Chinese]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 48–57.

3. Konrad, N. I. (1952). O kitajskom yazyke [Concerning the Chinese language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 45–78.
4. Lo, Chan Pehi. (1953). Predmet i zadachi yazykoznanija [The object and goals of language studies]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 4, 79–84.
5. Oshanin, I. M. (1953). Kitajskoe Yazykoznanie [Language studies in China]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 106–112.
6. Oshanin, I. M. (1952). Kitajskaya Narodnaya Respublika [The People's Republic of China]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 113–119.
7. Shatravka, A. V. (2002). *Spornye voprosy klassifikacii sluzhebnyh slov v sovremennom kitajskom yazyke* [Challenging issues of function words classification in modern Chinese]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg : St-Petersburg State University.
8. Hao, Y-C. (2012) Second language acquisition of Mandarin Chinese tones by tonal and non-tonal language speakers. *Journal of Phonetics*, 40 (2), 269–279.

УДК 811.512.211
UDC 811.512.211

Кузьмина Раиса Петровна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
г. Якутск, Российская Федерация
Raisa P. Kuzmina
Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИЛИЩ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ
(ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)
NAMES OF HOUSES IN THE EVEN LANGUAGE
(ETHNOLINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT)

Аннотация

В статье описываются наименования жилищ в эвенском языке в этнолингвокультурологическом аспекте. Даются семантика лексических единиц, номинирующих жилища, имеющих параллели в других тунгусо-маньчжурских языках. Данные лексемы классифицируются по трём группам. Исследование было проведено на материале говоров и диалектов эвенского языка, использовались также этнографические, двуязычные словари различного толка и экспедиционные материалы автора, собранные в местах компактного проживания эвенов. Согласно полученным результатам, зафиксированы 28 лексических единиц, номинирующих различные типы жилищ, отличных по назначению и конструкции и адаптированных к условиям ландшафта, в которых проживает та или иная группа эвенов. Это один из фактов, свидетельствующих о том, что несмотря на трансформацию и ассимиляцию культур миноритарных этносов, эвены всё ещё сохраняют традиционную материальную культуру.

Abstract

The article describes the names of dwellings in the Even language in the ethnolinguological and cultural aspects. There is the semantics of lexical units nominating dwellings that have parallels in other Tungus-Manchurian languages. These lexemes are classified into three groups. The research is conducted on the basis of the local accents and dialects of the Even language; ethnographic, bilingual dictionaries of various kinds and expeditionary materials of the author collected in the places of compact residence of the Even are also used. The study enabled to discover 28 lexical units nominating various housing depending on their functions, construction and adaptability to the landscape of places of residence of certain groups of Evens. This is one of the facts that demonstrates the Even traditional material culture preservation despite transformation and assimilation tendencies destructive for language minorities.

Ключевые слова: эвенский язык, говор, диалект, жилище, материальная культура.

Keywords: Even language, local accent, dialect, dwelling, material culture.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_68_76

1. Введение

Целью исследования является описание и анализ наименований жилищ в эвенском языке. Необходимость изучения данной темы определяется недостаточной исследованностью диалектной лексики, номинирующей жилища эвенков, обладающей культурологической ценностью, что является наиболее актуальным в современном мире, когда происходит трансформация и ассимиляция культур миноритарных этносов.

Эвенский народ сформировал уникальную циркумполярную цивилизацию в экстремальных климатических условиях на обширной территории северо-востока Азии. Для эвенков характерно анимистическое мировоззрение и, вследствие этого, для них окружающий мир и человек являются неразделимыми, могут жить в единстве и быть одним целым. О мировоззрении и духовной культуре эвенков В. А. Роббек писал: «Возможно, наиболее удивительными с европейской точки зрения являются представления эвенков и других народов севера об особой духовной связи, которая соединяет людей, животных и всё живое и неживое, их землю узлами невидимого взаимного отношения, уважения, которые определяют все аспекты материальной и духовной жизни, в т. ч. и язык» [Роббек, 2009].

Материалом и источником исследования послужили этнографические, фольклорные и лингвистические работы Я. И. Линденау, Г. М. Василевич, В. А. Тураева, А. Б. Спезаковского, И. А. Захаровой, А. А. Алексеева, О. А. Константиновой, А. А. Даниловой, Е. Н. Боковой [Линденау, 1983; Василевич, 1969; Тураева и др., 1997; Константинова, 1971; Данилова, 1991; Бокова, 2002]. В статье использовались также «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [Цинциус, 1975, 1977], «Эвенско-русский словарь» В. А. Роббека [Роббек, 2005] и полевые материалы автора [ПМА].

В данной статье рассматриваются лексические единицы, номинирующие жилища эвенков. Наименования жилищ в говорах и диалектах эвенского языка представлены весьма разнообразно. Некоторые отличия в названиях, строениях и распространении жилищ среди локальных групп эвенков, обусловлены ландшафтными условиями и влиянием соседних народов.

2. Обсуждение результатов

В эвенском языке обобщённое значение слов дом, жилище выражается лексемой *д`у*, имеющей параллели в других языках тунгусо-маньчжурской группы. *Д`у* в эвенском языке, кроме обобщённого значения 'дом,

жилище', участвует в номинации таких понятий, как 'юрта, чум, ураса; дом; нора, логовище, берлога, гнездо'.

В эвенском языке от слова *д`у* при помощи различных суффиксов (иными словами, формант) образуются следующие слова:

- 1) суффикс *-лга*: *д`улга* 'сожители' (две семьи, живущие в одной юрте);
- 2) суффикс *-кна*: *д`укн`а*, означающее 'хозяин дома, юрты';
- 3) формант *-кан*: *д`укан* 'юрта временного типа (летняя)';
- 4) формант *-кча*: *д`укча* 'остов юрты';
- 5) формант *-лат-тай*: *д`улаттай* 'иметь жилье';
- 6) суффикс *-лгак*: *д`улгак* 'сожитель' (человек или семья, живущие с кем-л. в одной юрте);
- 7) формант *-гат-тай*: *д`угаттай* 'жить вместе в одном чуме двум семьям';
- 8) суффикс *-лкан*: *д`улкан* 'имеющий кров, жилье';
- 9) формант *-лта-дай*: *д`ултадай* 'ставить, устанавливать юрту, чум; строить дом';
- 10) формант *-лта-д`ак*: *д`ултад`ак* 'установка чума, палатки, юрты';
- 11) суффиксы *-м~ма*: *д`ум~д`ума* 'юрта, чум конической формы';
- 12) формант *-маган*: *д`умаган* 'любитель ходить по соседям';
- 13) суффикс *-саг*: *д`усаг* 'стойбище, селение';
- 14) суффикс *-сач*: *д`усач* 'домовитый'.

С жильем связано и представление о посещении соседнего жилища в качестве гостя – слова с формантами *-ма-дай*, *-мад`*: *д`умадай* 'пойти к кому-л. в дом, пойти в гости (по соседству)', *д`умад* 'гость, гостья', *д`умидай* 'ходить, ездить по гостям по соседству'.

С помощью аугментативного суффикса *-нд`а* в некоторых говорах образуется наименование более современного жилья и также дома большего размера: *д`унд`а* 'большой дом, домище; зимовье, барак'. Название дома меньшего размера образуется при помощи деминутивных формантов *-чан*, *-якан* и *-кан*: *канд`учан*, *д`уякан* 'домишко, лачуга, хибарка'. В ламунхинском говоре в значении 'большой дом' используется аффикс *-майа* – *д`умайа*, а в значении 'маленький домик' употребляется деминутивный аффикс *-какан* – *д`укакан*.

Г. М. Василевич отмечает, что терминология, относящаяся к чуму и его частям, едина для всех тунгусо-маньчжуров [Василевич, 1969, с. 109].

Итак, в эвенском языке имеется немало наименований жилищ, условно классифицирующихся по следующим признакам.

I. Постоянные. Одним из видов постоянного жилища эвенов является *утэн*, встречающееся во многих говорах и диалектах – Ол., Алл., Арм., Б., М., Ох., П., Ск., Т. – 'землянка, зимовье, жилище (якутского типа)'.

В некоторых говорах эвенского языка – Ол., Ох., Арм. – встречается наименование жилища *балауан* 'жилище, дом (деревянный, бревенчатый)', возможно, появившегося в результате влияния соседних народов, в частности, якутов. Также у ламунхинских эвенов 'деревянный дом, изба' имеет наименование *гол д`у*: *Тикэрэп эбэһэл гол д`уду тэгэттэ*. – Теперешние (современные) эвены живут в деревянных домах [ПМА].

В ламунхинском говоре имеется наименование жилища *голомо* 'юрта из жердей, первый ряд которого сложен из некрупных бревен, второй ряд сложен из тонких жердей (для уменьшения щелей)'. 'Ритуальный шалаш для роженицы и новорожденного' в ламунхинском говоре также имеет название *голомо*.

По сведению информантов, на территории проживания ламунхинских эвенов до сих пор можно встретить остовы *голомо*. Данная лексема образована от слова *гол-голо* 'бревно; чурка; обрубок' при помощи суффикса *-мо*. Ламунхинцы говорят про это жилище так: *Өтэрэп өбөһөл д'утно* – 'Старинное жилище эвенов'. Распространение такого вида жилищ у ламунхинских эвенов зафиксировано и в фольклорных материалах: *Ирулду илумуду биврэчэ. Д'алтан бөкэччэнд'ур эгд'эн упэ-эниндук көкэчэ бичэл. Аһи тугэни орокон голомо д'уду төгөккэрэчэ.* – 'Летом она жила в илуму. Все родные её умерли от оспы. Когда наступала зима, женщина перебиралась в дом – голомо' [Кузьмина, 2010, с. 77].

Тип такого жилища встречается также в эвенкийском языке: *голомо* – 'жилище, зимовье (из плах, окопанных земель или снегом)'. Согласно Г. М. Василевич: «Вторым коническим жилищем, характерным для потомков «сидячих» эвенков, был корьевого чум – голомо (зап.), утэн (вост.), который устраивали на постоянном стойбище (*мэнэен*). В таком чуме прежде семья жила только зимой, поэтому у восточных эвенков он назывался также *тугэдек* – «зимник». Сооружали его из плах – расколотых пополам нетолстых стволов. Основу остова составляли, как и в чуме, из 4–5 плах (из них две – у входа и одна, срединная, – нерасколотый пополам ствол), их прислоняли друг к другу или связывали вверху, в промежутках между ними в землю втыкали невысокие жерди с развилками на верхних концах» [Василевич, 1969, с.112].

В некоторых говорах восточного наречия зафиксировано наименование жилища *қалту* 'чум' (одна его половина цилиндрическая, другая – коническая), имеющее параллель в эвенкийском языке. По сведению исследователей: «На рубеже XIX–XX вв. распространение получила малая или половинная юрта *калту*, состоящая из 6–8 комплектов *чора*. Покрывали юрту зимой оленьими шкурами мехом внутрь, летом – ровдугой или берестой, вываренной в воде с золой» [Спеваковский, 1997, с. 79]

Такой же тип жилища имелся и у эвенков, живущих на одном месте на реках Амур, Амгунь и других реках и также у гиляков [Линденау, 1983, с. 83].

У эвенов имелся ещё один из видов постоянного жилища *төрдэм* 'землянка', производное от слова *төр* 'земля'.

II. Переносные. Одним из распространённых переносных жилищ среди некоторых групп эвенов можно считать *илуму* 'конический чум общетунгусского типа, характерный для периода, когда охота была основным источником существования' [Спеваковский, 1997, с. 78]. *Илуму* – переносное традиционное жилище эвенов, до недавнего времени бытовавшее в качестве временного жилища в местах кочевий ламунхинских, оймьяконских, момских, охотских эвенов.

У эвенов имеется также другой вид переносного жилища *чора д`у* или второе название жилища, употребляющееся в некоторых говорах, – *чорамид`у*. *Чора дьуу* жилище конической формы с цилиндрическим основанием. Этот тип жилища состоит из двух частей: верхней – конической, которую образуют длинные жерди (*һуаран*) и нижней – цилиндрической, состоящей из коротких жердей (*чоора*) длиной в 1,6 или 1,7 м» [Данилова, 1991, с. 8]. В тюгясирском говоре употребляется *чора унэн*. *Чора* означает 'шест, жердь'. С аффиксом *-ми* уничижительно-пренебрежительного значения образуется вторичное существительное *чорами* 'посох, палка, трость', т. е. *шест чора*, уже не употребляющийся за негодностью по своему прямому назначению [Константинова, 1972, с. 228]. Данное жилище было наиболее распространённым среди всех групп эвенов. В настоящее время в местах проживания эвенов данный вид жилища используется крайне редко.

О. А. Константинова утверждает, что в фольклоре дальневосточных (аяно-майских, чумиканских и сахалинских) эвенков отдельно взятое слово *чорама* означает также восьмигранное жилище с выходом через дымовое отверстие. В эвенском языке в обычной речи слово *д`у* означает не только жилище вообще, но и жилище эвенского типа, чум с цилиндрическим основанием, тогда как для конического чума употребляется приводимое выше *д`ум* [Константинова, 1972, с. 227].

В Н-к, алл., ол. и тюг. говорах употребляется наименование жилища *унэн* 'жилище конической формы'. У эвенов Нижней Колымы такое жилище по типу конструкции, по устройству и по наличию полога, схожа с чукотской ярангой. Также у нижнеколымских и у аллаиховских эвенов в настоящее время используется другой вид жилища *эптиу* такой же конфигурации, как и *чорад`у*. Для покрытия жилища под названием *эптиу* используются выделанными шкурами оленей. Вот как рассказывают об этом информанты.

Оран нандад`ин тэргэһэч һаһангарар эптиуу. Өмэндүлэ эптиу гадлан иланмиар нанда элэкэн. – Эптиу шьют из выделанной шкуры оленя. На одну половину тридцать шкур нужно [ПМА].

На покрышку *эптиуа* используют *эптиу* (в значении 'покрышка юрты, палатки'). Для этого выделываются шкуры оленей. Вот как об этом говорят эвены: «*Ирилэп эптиу, тугэрэп эптиу биврэн. Ирилду һөнтэ эптиу, тугэниду н`ан һөнтэ эптиу*». – Бывают летние покрышки, бывают зимние покрышки. Летом другая покрышка, зимой тоже другие бывают [ПМА].

В языке верхнеколымских, оймяконских, момских и охотских эвенов зафиксировано название жилища *элбэм* 'юрта, покрытая ровдугой'.

У эвенов имелось жилище под названием *гадака д`у*, буквально означающее 'получум'. Нижняя часть этого жилища имела цилиндрическую форму, другая – коническую (*гәд* 'половина, один из парных предметов').

В ох. и ойм. говорах отмечено наименование юрты конической формы *д`уум*, ранее имевшей у них распространение.

У аллаиховских эвенов раньше имелось коническо-цилиндрическая юрта *һуарму* 'юрта или чум, состоящий из одних жердей (букв. жердевая), *һуар* означает жердь' [Данилова, 1991, с. 8]. Согласно исследованиям, это

эвенское жилище, которое, очевидно, является пережиточной формой летнего юкагирского чума [Алексеев, 2006, с. 50].

Для эвенов, живущих на морском побережье, распространённым жилищем была юрта, при постройке которой использовались покрышки из рыбьей кожи. Такая юрта называлась *гарми*.

У тундренных эвенов во время летних перекочёвок используется *бо-ойа* 'летнее временное жилище из двух вертикально поставленных жердей, на которые накладываются ровдужная покрышка' [Данилова, 1991, с. 9].

По сведению исследователей: «...у пеших тунгусов Охотского побережья в XVIII в. Я. Линденау видел летние постройки двух типов: продолговатые восьмиугольные *уран* и круглые *кольтан* высотой до 3 метров с двумя входами. Они покрывались берестой или рыбьей кожей» [Спеваковский, 1997, с. 78].

В говорах эвенов встречаются различные названия видов временных жилищ, лёгких по постройке и, использующихся в основном в летний период или во время охоты и рыбалки. Материалом для покрытия таких жилищ служили у горных эвенов – кора лиственницы, у приморских – рыба кожа, у тундренных – замша из оленьей шкуры.

В ламунхинском и тюгяси́рском говорах зафиксировано наименование *далда* – шалаш (временное укрытие из ветвей кедрового стланика или сена); в Ох. и Ойм. говорах имеется слово *отчэн* – шалаш или навес, предназначенный для хранения вещей от дождя; в Ойм, Ох, и Лам. говорах употребляется *элбукэ* – маленькая охотничья палатка; в Ойм. говоре присутствует *нимуэн* – шалаш из жердей, сверху присыпанный землёй; в Ох. есть *калтами* – двухскатный шалаш, шатёр, защищающий от дождя, а также *калту* – в значениях 'чум (одна половина которого цилиндрическая, другая – коническая)' и 'юрта (временная, летняя)'. В Ойм. и Ох. фигурирует *хэвэм* – шалаш из веток дерева. Для обозначения летней юрты и шалаша из коры лиственницы зафиксированы названия *урадан*, *уран* в Ох. и Бер. и *урот д`у* в Тюг., Мом. говорах.

В фольклорных материалах момских эвенов довольно часто можно встретить наименование такого жилища *утэн*, покрытого корой деревьев: *Тэнкы долан биси уртач опчав утэм энутчэ*. – 'Видит в глубине густого леса, стоящую юрту из коры лиственницы' [Бокова, 2002, с. 65].

В настоящее время в местах компактного проживания эвенов горно-таежной зоны в осенний, весенний и летний периоды в качестве жилищ в основном используются брезентовые палатки, являющиеся более лёгкими и удобными при транспортировке. В ненастные дни во время дождей накрывают брезентом или полиэтиленовой пленкой, которую называют *эптиу* 'покрышка палатки; юрты'. Зимой основным жилищем является *утэн* 'зимник'. У эвенов Нижней Колымы отмечена сохранность эвенских жилищ *эптиу* и *унэн*, которые в последнее время претерпели изменения и теперь больше схожи с чукотской ярангой. До недавнего времени в местах кочевий ламунхинских эвенов строились *чора д`у* и *илуму*, но в последнее время такие жилища не имеют распространения.

Внутреннее расположение эвенской юрты несколько отличается от эвенкийского чума: «Характерным отличием эвенской юрты от эвенкийского чума, кроме конструктивных особенностей, является расположение места для гостей-мужчин. В эвенкийском чуме оно находится сразу за очагом. У эвенов же здесь обычно хранится утварь. Гости они усаживают рядом со спальным местом хозяина, которое может располагаться либо слева, либо справа от входа» [Василевич, 1969, с. 81].

3. Заключение

Таким образом, в говорах и диалектах эвенского языка зафиксированы 28 лексических единиц, номинирующих различные типы жилищ, отличных по своей постройке, конструкции и адаптированных к условиям ландшафта, в которых проживает та или иная группа эвенов. Следует отметить, что данные лексемы имеют параллели в других тунгусо-маньчжурских языках. По нашим исследованиям в настоящее время в местах компактного проживания эвенов традиционные жилища используются в основном только в тундренной зоне. Эвены, проживающие в горно-таёжной зоне, перешли на более современные конструкции жилья и для постройки используют палаточные и брезентовые материалы для жилья. Но, несмотря на то, что в современном мире происходит трансформация и ассимиляция культуры миноритарных этносов, эвены, хоть и фрагментарно, сохраняют традиционную материальную культуру.

Список сокращений и условных обозначений

- Алл. – аллаиховский;
- Арм. – арманский;
- Б. – быстринский;
- Бер. – березовский;
- Вост. – восточный;
- Зап. – западный;
- Лам. – ламунхинский;
- Мом. – момский;
- Н-к – нижнеколымский;
- Ойм. – оймяконский;
- Ол. – ольский;
- Ох. – охотский;
- П. – пенжинский;
- Ск. – саккырырский;
- Т. – томпонский;
- Тюг. – тюгянский;
- Эвенк. – эвенкийский.

Список литературы

1. Алексеев, А. А. Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX – 80-е гг. XX в.) [Текст] / А. А. Алексеев. – Санкт-Петербург : ВВМ, 2006. – 248 с.
2. Бокова, Е. Н. Эвенский фольклор: учеб. пособие [Текст] / Е. Н. Бокова. – Якутск : Бичик, 2002. – 216 с.
3. Василевич, Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
4. Данилова, А. А. Бытовая лексика эвенского языка [Текст] / А. А. Данилова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – 116 с.
5. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки [Текст] / В. А. Туголуков, В. А. Тураев, Б. А. Спевиковский [и др.]; отв. ред. В. А. Тураев. – СПб : Наука, 1997. – 182 с.
6. Константинова, О. А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем [Текст] / О. А. Константинова // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1972. – С. 224–256.
7. Кузьмина, Р. П. Язык ламунхинских эвенов [Текст] / Р. П. Кузьмина. – Новосибирск : Наука, 2010. – 112 с.
8. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока [Текст] / Я. И. Линденау. – Магад : Книжное издательство, 1983. – 176 с.
9. Роббек, В. А. Экологические традиции эвенского народа [Электронный ресурс] / В. А. Роббек // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Материалы научного симпозиума. – 2009. – № 2 (6). – URL : <http://www.hcpncr.com/journ609/journ609varobbek2.html>.
10. Полевой материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в сс. Андрюшкино, Колымское Республики Саха (Якутия) : записано в декабре 2013 г., апреле 2015 г.
11. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. А–Н / под ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука, 1975. – 672 с.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : Материалы к этимологическому словарю. Т. 2. О–Э / под ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука, 1977. – 992 с.

References

1. Alekseyev, A. A. (2006). *Eveny Verkhoyanya: istoriya i kul'tura (konets XIX – 80-e gg. XX v.)* [The Evens of Verkhoyanye: History and culture (The end of the XIX – 80th of XX century)]. St-Petersburg : VVM Press.
2. Bokova, E. N. (2002). *Evenskiy folklor* [Even folklore: A course book]. Yakutsk : Bichik Press.
3. Vasilevich, G. M. (1969). *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks: Historical and ethnographic essays (XVIII – beginning of XX century)]. Leningrad : Nauka Press.
4. Danilova, A. A. (1991). *Bytovaya leksika evenskogo yazyka* [Household vocabulary of the Even language]. Yakutsk : YAC SB RAS Press.

5. Tugolukov, V. A., Turaev, V. A. (ed.), Spevakovskiy, B. A. [et al.]. (1997). *Istoriya i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Even: Historical and ethnographic essays]. St-Petersburg : Nauka Press.
6. Konstantinova, O. A. (1972). Tungus-Manchurian vocabulary related to housing. In V. I. Tsintsius, *Ocherki sravnitel'noi leksikologii altaiskikh yazykov* [Essays on comparative lexicology of Altai languages] (pp. 224–256). Leningrad : Nauka Press.
7. Kuzmina, R. P. (2010). *Yazyk lamunkhinskikh evenov* [The Language of the Lamunkhin Evens]. Novosibirsk : Nauka Press.
8. Lindenau, Ya. I. (1983). *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magad : The Book Publishers.
9. Robbek, V. A. (2009). Ekologicheskie traditsii evenskogo naroda [Ecological traditions of the Even people]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy* [Historical and cultural problems of northern countries and regions]. *Proc. of the scientific symposium*, 2 (6). Retrieved from <<http://www.hcpncr.com/journ609/journ609varobbek2.html>>.
10. Field material of the author Kuzminoy R. P. Interview in s. Andryushkino, Kolyma Republic of Sakha (Yakutia): recorded in December 2013, April 2015.
11. Tsintsius, V. I. (ed.) (1975). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials to the etymological dictionary]. Vol. 1. A–N. Leningrad : Nauka Press.
12. Tsintsius, V. I. (ed.) (1977). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials to the etymological dictionary]. Vol. 2. O–Eh. Leningrad : Nauka Press.

УДК 81'374, 81'322.2, 81'244
UDC 81'374, 81'322.2, 81'244

Лавошникова Элина Константиновна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
Elina K. Lavoshnikova
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
el.lavoshnikova@yandex.ru

**«ПЛЮРАЛИЗМ» В НАПИСАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ И MS WORD**
**“PLURALISM” OF ENGLISH BORROWINGS SPELLING
AND MS WORD**

Аннотация

Настоящая статья продолжает цикл наших работ о вариантности в орфографии старых и новых заимствований из английского языка в русскую письменную речь. Вариантность иллюстрируется на материале шести современных словарей многочисленными примерами разного написания одних и тех же слов, пришедших из американского варианта английского языка. Часть рекомендаций относительно правописания таких слов не совпадает с выбором пользователей текстовых редакторов, отдающих предпочтение иному написанию. Приведённые примеры демонстрируют, что программа Microsoft Word 2016 (версия 2018 года) не всегда следует правописанию, заданному словарями 21 века. При этом, в данном текстовом редакторе становятся «узаконенными» встречающиеся у пользователей Интернета альтернативные орфографические варианты указанных заимствований, поскольку программа не отображает ошибку, реагируя на них. В нашей работе приводятся аргументы тому, что следует с осторожностью относиться к таким результатам проверки орфографии, при этом особенно уязвимыми становятся слова, написанные через дефис.

Abstract

The current paper is a continuation of a series of our works concerning the issue of spelling variance of old and new borrowings from English into Russian written speech. This variance is illustrated by numerous examples from 6 modern dictionaries where we can observe different spelling of the same words borrowed from American English. A certain part of spelling recommended by those dictionaries is not what people use while word processing. The examples show that Microsoft Word® 2016™ (modification of 2018) does not always follow the spelling rules adopted by the dictionaries of the 21st century. Microsoft Word processor legalizes alternative spelling variants of those borrowings as far as it does not signal any error while processing them. In our paper, we argue that Microsoft Word users should not completely rely on results of such spelling checks and be particularly careful about hyphenated borrowings that turn out most vulnerable.

Ключевые слова: Microsoft Word, англицизмы, компьютерная проверка правописания, словари, русский язык.

Keywords: Microsoft Word, English borrowings, computer spell checker, dictionaries, Russian language.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_77_90

1. Введение

В последние десятилетия в русский язык пришло значительное количество заимствований-англицизмов, по большей части из американского варианта английского языка. Причинами этому послужили, во-первых, возросшая популярность этого национально-регионального варианта языка, а во-вторых, пополнение терминосистемы новыми единицами, прежде всего относящимися к сфере компьютерных технологий. Возникла настоятельная потребность в номинации новых объектов, явлений и процессов, а также замены длинных словосочетаний на более компактные лексические единицы. При этом, как отмечает О. И. Осетрова, «Традиционно заимствованные единицы сначала адаптируются к принимающему языку в рамках профессиональных сообществ, а затем практически в готовом виде приходят в общий лексикон носителей языка и в словари» [Осетрова, 2018, с. 162]. Приведём ещё одну цитату: «Нами были отмечены лексические единицы, которые именуют реалии, заимствованные из жизни англоязычного социума, например: *девелопер (developer)*, *дилер (dealer)*, *логист (logistian)*; синонимы словам, которые уже имеются в словарном фонде русского языка: *вложение – инвестиция (investment)*, *главная задача – приоритет (priority)*, *застой – стагнация (stagnation)*, *обновление – инновация (innovation)*, *оздоравливать – санировать (sanify)*, *поддельный – фальсифицированный (falsified)*, *предпочтение – преференция (preference)*, *просмотр – скрининг (screening)* и др.» [Степанова, 2017, с. 126]. Таким образом, мы видим, что не всегда новые заимствования бывают абсолютно необходимыми и оправданными.

В представленной статье сравнивается написание англоязычных заимствований в системном (внутреннем) словаре текстового редактора Microsoft Word 2016 (модификация 2018 года) и в шести словарях, изданных в XXI веке и обозначенных ниже как ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС и ТСМ.

В статьях [Лавошникова, 2016 б] и [Лавошникова, 2016 в] обсуждались проблемы орфографии англицизмов в распространённой на тот момент системе MS Word 2013. В следующих версиях текстового редактора был в очередной раз пополнен системный словарь, особенно новыми для русского языка словами и заимствованиями. Новая программа-подсказка под названием Корректор в результате обновлений 2017 года стала предлагать не более трёх вместо выдававшихся пяти вариантов исправления орфографии проверяемой словоформы, но при этом иногда добавляются пояснения: синонимы или слова соответствующей тематики.

В основу текстового редактора MS Word (WinWord) положен один из самых первых спеллеров, получивших широкое распространение под названием «Орфо» и базировавшийся на первом издании «Грамматического словаря русского языка» Андрея Анатольевича Зализняка (1977 г.). Заметим при этом, что его очередное дополненное издание [Зализняк, 2010], именуемое далее ГрС, и «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой и Л. К. Чельцовой [Букчина, 2008] (далее – БСЧ) входят в список рекомендованных в 2009 году Межведомственной комиссией по русскому языку четырёх словарей, грамматик и справочников, в которых отражены нормы русского литературного языка на современном этапе его развития.

Все примеры заимствованных из английского языка слов из представленного в настоящей статье Списка (см. ниже) сверялись также и со следующими словарями: «Русский орфографический словарь» под редакцией В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой [Русский орфографический..., 2015], сокращённо – РОС (с наиболее объёмным словником из шести цитируемых), «Современный словарь иностранных слов» [Крысин, 2014] (далее – СКр), «Большой иллюстрированный словарь иностранных слов» [Большой иллюстрированный..., 2002] (сокращённо – БИС) и «Толковый словарь наиболее употребительных иностранных слов» [Медведева, 2009], обозначаемый далее как ТСМ.

Для слов из представленного Списка приводятся «популярные» у пользователей Интернета другие варианты написания (если они нами зафиксированы), пропускаемые без замечаний спеллером, встроенным в текстовый редактор Microsoft Word 2016 (модификация 2018 года). Варианты написания заимствований, не содержащиеся в цитируемых нами шести бумажных словарях, в Списке и далее заключены в кавычки-ёлочки.

Спеллер Word'a при грамматической проверке текстов либо пропускает очередную лексическую единицу как «правильную» – без указания на ошибку (это означает, что данный вариант написания имеется или порождается в его системных словарях), либо указывает на возможную орфографическую ошибку или опечатку в проверяемой словоформе, подчёркивая её волнистой красной линией.

Синие линии в текстовых процессорах Word 2016 и Word 2013 (в более ранних версиях на основе системы «Орфо» – это зелёные линии) отмечают предположительные погрешности синтаксического характера – пунктуационные ошибки или несогласованность словоформ в словосочетаниях. Качество проверки синтаксиса и стилистики автокорректором MS Word, к сожалению, оставляет желать лучшего, что на многочисленных примерах показано в статье [Лавошникова, 2016 а, с. 206].

2. Анализ работы спеллера в условиях вариантного написания заимствований

Можно заметить, что система MS Word регулярно пополняется словами из Интернета, при этом иногда пропускаются без подчёркивания не

представленные в академических словарях варианты написания слова, если они достаточно «популярны».

В системный словарь Word'a в последнее время внесены многие слова (или варианты написания слов) из интернет-текстов, отсутствующие в цитируемых нами словарях БСЧ (содержит свыше 100 тыс. слов) и РОС (ок. 200 тыс. слов): «*биткойн*» и вариант «*биткойн*» (от *bitcoin*), «*комьюнити*» (*community*), «*краудфандинг*» (*crowdfunding*), «*лайк*» (*like*), «*паттерн*» (*pattern*), «*погуглить*» (от *Google*), «*прокрастинация*» (*procrastination*), «*селфи*» (*selfie*), «*сорри*» (*sorry*), «*фейк*» (*fake*), «*юзабилити*» (*usability*) и другие. Возможно, не все эти слова останутся надолго в узусе.

Если автокорректор подчеркнёт красной волнистой линией (как неопознанное) не так давно заимствованную лексическую единицу, то у пользователя могут быть основания думать, что она ещё не успела войти в Word'овский системный словарь. Такая ситуация может быть результатом ошибки или опечатки в проверяемой словоформе, но иногда подразумеваемое слово просто имеет в системе WinWord другой вариант написания.

Если слово в наших примерах подчёркивается Word'ом красной волнистой линией, т. е. отсутствует или не порождается в системных словарях текстового редактора, то ниже оно будет подчёркнуто одинарной сплошной линией.

Написание англоязычных заимствований в последних изданиях разного рода словарей нередко разнится. При этом довольно часто рекомендации словарей вступают в противоречие и с практикой наполнения Word'овского системного словаря новыми словами (не входившими в первые издания словаря Зализняка, таких как *о'кей* или *киднепинг*).

Если у варианта написания отсутствует аббревиатурная ссылка на какой-либо словарь из «Списка литературы», то это означает, что соответствующей словарной статьи в этом издании словаря нет.

СПИСОК ВАРИАНТОВ НАПИСАНИЯ НОВЫХ И СТАРЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

(1) *андерграунд* {РОС, БИС} и *андеграунд* {ГрС, РОС, СКр} – текстовый редактор MS Word эти два варианта написания не подчёркивает, т. е. в системных словарях указанного редактора оба варианта представлены (англ. *underground*);

(2) *бейдж* {РОС, СКр} и *бедж* {РОС} (*badge*), а также образованный добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса -ик русифицированный дериват *бейджик* {РОС};

(3) *бизнесвумен* {РОС} и дефисное *бизнес-вумен*, находящееся в словарной статье БИЗНЕСМЕН {СКр}: в варианте, написанном через дефис, Word лишь вторую часть подчёркивает красным, поскольку слово *бизнес* Word'ом уже внесено во внутренний системный словарь, поэтому и опознаётся как верное (*business woman*);

(4) *билборд* {РОС, СКр} (*billboard*) и *биллборд* {ТСМ}: первый вариант написания включён в системный словарь (поэтому не подчёркивается), а второй отсутствует в словарях Word'a (и поэтому подчёркивается);

(5) *браузер* {РОС, СКр, ТСМ} и *броузер* {СКр}: второй вариант WinWord подчёркивает красным как отсутствующий в его системных словарях (*browser*);

(6) *бренд* {РОС, СКр, БИС}: Word не выдаёт ошибку, поскольку такая форма имеется в системном словаре; кроме того, встречающееся в Интернете написание «*брэнд*» пропускается Word'ом без подчёркивания – хотя такое написание и не включено в исследуемые нами словари, оно явно входит во внутренний системный словарь текстового редактора (*brand*);

(7) *велфер* {РОС}, а также встречающиеся в Интернете варианты написания «*вэлффер*» и «*велфэр*» подчёркиваются спеллером как ненайденные (*welfare*);

(8) *девайс* {РОС} и *дивайс* {СКр} пропускаются без замечаний (*device*);

(9) *джекпот* {БСЧ, РОС, СКр, БИС} (дефисное *jack-pot* в СКр, в БИС – *jackpot*); написание «*джек-пот*» Word пропускает, однако отдельное слово *джек* (РОС: 'птица') подчёркивается красной волнистой линией – это означает, что вариант «*джек-пот*» найден в системном словаре в дефисном написании, а не составлен спеллером из двух разных слов;

(10) *диджей* {ГрС, РОС, СКр, БИС} с точки зрения процессора вполне легитимно, однако Word не выдаёт ошибку и для «*ди-джей*» с дефисным написанием, хотя отдельные «*ди*» и «*джей*» спеллером подчёркиваются; СКр: «*DJ* от *disk jockey*», но в БИС слово *диджей* считается образованным от дефисного *disc-jockey*;

(11) *дистрибьютор* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, ТСМ}, *дистрибутор* {БСЧ, РОС, ТСМ} (*distributor*) и *дистрибутер* {БИС} (*distributer*) – этот «плюрализм» возражений у спеллера не вызывает;

(12) *имейл* {РОС, СКр} (*e-mail*): MS Word при проверке выдаёт ошибку (красное подчёркивание), однако «*e-мейл*» и «*и-мейл*» при этом пропускаются как правильные; более того, если к слову *мейл* {РОС}, уже имеющемуся в системе, добавить перед дефисом любую одиночную букву, то такие искусственно созданные абсолютно неверные образования, как «*и-мейл*» или «*ь-мейл*», будут интерпретироваться как правильные (без красного подчёркивания);

(13) *кеб* {все 6 словарей} и более привычное для автора статьи написание *кэб* (в ТСМ даётся вторым вариантом) – в обоих вариантах это уже устоявшееся (старое) заимствование принимается редактором Word как правильное (*cab*);

(14) *кеш* {РОС} (*cache*), *кеш-память* {РОС} и *кэш-память* {ТСМ} – интересно, что *Кеш* с прописной буквы (напр., в начале фразы) текстовым редактором MS Word идентифицируется как родительный падеж множественное число от гипокористического имени *Кеша*;

(15) *киднепинг* {ГрС, БСЧ, БИС, ТСМ} подчёркивается, но пропускается написание *киднеппинг* {РОС, СКр} (*kidnapping*) – ср. *киднеппер* {БСЧ, РОС, СКр};

(16) *колледж* (от англ. *college*) {все 6 словарей} и *коллеж* (Франция и некоторые другие страны) – WinWord эти два заимствования пропускает и

не даёт пояснений при выдаче Корректором трёх вариантов в случае опечатки (напр., для «колеж» или «кллеж»);

(17) консюмеризм {РОС} и вариант в системном словаре Word'a «консьюмеризм» (*consumerism*);

(18) ланч {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} и другой вариант старого заимствования ленч {ГрС, БСЧ, БИС, ТСМ} (*lunch*) пропускаются как верные;

(19) лаптоп {РОС} ('компьютер') подчёркивается красным, а дефисное лап-топ {ТСМ} (*lap* 'колени' + *top* 'верхушка' = 'портативный компьютер') и слитное «лэптоп», имеющиеся в системном словаре Word'a – нет (искусственно нами созданные «лапами-топу» и «лапой-топе» тоже не подчёркиваются);

(20) легинсы {БСЧ, РОС, БИС} спеллер пропускает без подчёркивания, а отсутствующее в системе написание леггинсы {СКр} трактуется как ошибочное; оба варианта – с русским окончанием, добавленным к английскому «s» (*leggings*);

(21) массмедиа {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} не подчёркивается, но дефисное «масс-медиа» тоже пропускается как верное; вероятная причина в том, что первая часть определяется как форма родительного падежа множественного числа от слова *масса*, поскольку для специально сконструированных неверных «массой-медиа», «массу-медиа» и подобных красного подчёркивания нет (*mass media*);

(22) мейкап {РОС, СКр}: MS Word подчёркивает красным как ошибочное и это, и другие написания, такие как дефисные «мейк-ап» и «мэйк-ап», однако часть «ап» в последних двух не подчёркивается, ведь «ап», не представленное в используемых нами словарях, присутствует во внутренних словарях Word'a (*make-up*);

(23) менеджер {все 6 словарей} и ироничное «манатер», встречающееся в текстах пользователей и включённое в системный словарь (*manager*), определяются как верные;

(24) месседж {РОС} (*message*) и «мессидж», не вошедшее в исследуемые словари, WinWord считает правильными;

(25) ниггер {РОС}: «о человеке, уничижит.», но в системном словаре Word'a имеется также и вариант без удвоения согласной «нигер»¹ (*nigger*);

(26) нон-фикшен {РОС}: вторая составляющая интерпретируется Word'ом как неверная (красное подчёркивание), в то же время принимается как правильное дефисное написание «нон-фигишн» (*non-fiction*);

(27) о'кей {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС}, окей {РОС} и о-кей {ГрС, БИС}: все эти три варианта написания в системном словаре Word'a отсутствуют и, следовательно, подчёркиваются как ошибочные (*O.K.* от *all correct*);

(28) онлайн {РОС, СКр, ТСМ} и он-лайн {БИС} (*on-line*): первое пропускается Word'ом как правильное, а во втором подчёркивается крас-

¹ В некоторых предыдущих версиях Word'a были заблокированы «сомнительные» слова: *голубой*, *розовый*, многие слова сниженной лексики, а также слово *негр*. После многочисленных критических замечаний блокировка была снята.

ным вторая часть после дефиса; скорее всего первая часть – буквосочетание *он* – интерпретируется как личное местоимение;

(29) *офлайн* {РОС} и «*оффлайн*» (от *offline*) имеются в Word'овском словаре, а в дефисном образовании «*оф-лайн*» спеллер подчёркивает красным вторую часть, а первая часть «*оф*» – отдельное слово, отсутствующее в исследуемых нами словарях, но включённое во внутренний системный словарь текстового редактора;

(30) *офшор* {все 6 словарей} и *офшорный* {ГрС, БСЧ, РОС} (*off shore*) не подчёркиваются, при этом спеллер не имеет замечаний и к варианту написания «*оффшорный*», но подчёркивает красным слитное «*оффшор*» и пропускает дефисное «*офф-шор*» (оказывается, отдельное «*офф*» включено в системный словарь), в котором *шор* может восприниматься спеллером как форма родительного падежа множественного числа от *шоры*;

(31) *пазл* {РОС, СКр} – этого написания нет в WinWord'е, зато спеллер допускает с трудом вписывающийся в систему русского языка вариант со скоплением согласных «*пазл*» (*puzzle*);

(32) *перформанс* {РОС, СКр}, вариант «*перфоманс*» тоже без замечаний пропускается Word'ом (*performance*);

(33) *пиксел* {РОС, СКр, ТСМ} и *пиксель* {РОС, СКр} (*pixel*): Word пропускает без замечаний оба варианта (ср. Чарльз и Чарлз);

(34) *пилинг* {РОС, ТСМ} вошло в системный словарь, но альтернативное написание *пиллинг* {ТСМ} (*pillling*) в нём отсутствует;

(35) *плеер* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} (*player*) не вызывает возражений автокорректора, однако системные словари Word'a содержат также вариант «*плейер*» (ср. со старыми заимствованиями *конвейер* и *фейерверк*);

(36) *промоушен* {РОС} и *промоушн* {СКр, ТСМ} (*promotion*): первое с гласной -е- подчёркивается Word'ом, а второе – без указанной гласной – принимается как правильное;

(37) *ремейк* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} и *римейк* (в СКр как второй вариант): WinWord принимает как правильное только написание с традиционной в русском языке приставкой *re-* (*remake*);

(38) *рерайтер* {РОС} и *рирайтер* {СКр}: оба орфографических варианта отмечаются Word'ом как неверные, поскольку они не представлены в системных словарях (*rewriter*);

(39) *ретейл* {РОС} и *ретейлер* {РОС, СКр} не вызывают возражений программы; Word пропускает без замечаний также «*ритейл*» и «*ритейлер*» (*retail, retailer*);

(40) *роуминг* {РОС, СКр, БИС} и *роминг* {БИС} – этот вариант написания, первым приведённый в БИС, спеллер Word'a подчёркивает красной волнистой линией (*roaming*);

(41) *сабдж* {РОС} и *субдж* {РОС} (два равноправных варианта в этом словаре), однако в Word'е признаётся только написание «*сабж*» (*subj*, сокр. от *subject* в информатике);

(42) *сандвич* {все 6 словарей} и *сэндвич* {БСЧ, РОС, СКр, БИС} – Word признаёт оба варианта этого старого заимствования (*sandwich*);

(43) *секонд-хенд* {БСЧ, РОС, СКр}: этот вариант пропускается как правильный, хотя отдельные его компоненты – «*секонд*» и «*хенд*» – подчёркиваются (это сложное слово целиком определённо является частью внутреннего системного словаря); два других – *секонд-хэнд* {БИС} и *сэконд-хэнд* {ТСМ} – Word считает ошибочными (*second hand*);

(44) *секьюрити* {БСЧ, РОС, СКр, БИС} пропускается как правильный, однако WinWord допускает и другой вариант написания – «*секюрити*» (*security*);

(45) *сканер* {все 6 словарей} – верно для системы, однако она признаёт и написание «*сканнер*» (*scanner*), но удвоение согласной буквы в заимствованиях по русской традиции часто снимается;

(46) *спред* {РОС} не подчёркивается, однако WinWord допускает также и вариант «*спрэд*» (*spread*);

(47) *стартап* {РОС} и «*старт-ап*» пропускаются без замечаний, хотя второе, вероятно, составлено спеллером (неверное образование «*стартами-ап*», напр., тоже не подчёркивается), однако отдельного слова «*ап*», включённого в системный словарь, в РОС и остальных цитируемых здесь словарях нет (от англ. *startup company*);

(48) *тайм-аут* {все 6 словарей} и «*таймаут*»: WinWord признаёт оба написания, хотя второе отсутствует во всех шести словарях (*time out*);

(49) *тег* {РОС} и допускаемый Word'ом вариант написания «*тэг*» (*tag*);

(50) *тинейджер* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} и *тинэйджер* {ТСМ} сосуществуют в Word'овском системном словаре (*teenager*);

(51) *топлесс* {БСЧ} и *топлес* {РОС, СКр} (*topless*): первое интерпретируется как ошибочное, но при написании через дефис – «*топ-лесс*» или «*топ-лес*» – ошибка не выдаётся, поскольку все три компонента (*топ*, *лес* и *лэсс* («желтозём»)) имеются в системных словарях; кроме того, при добавлении падежных окончаний (неверные «*топом-лэссов*», «*топлессами*») красного подчёркивания не возникает;

(52) *трафик* {РОС, СКр, БИС} и «*траффик*» (не представлен в указанных словарях, но имеется в текстах интернет-пользователей) принимаются Word'ом как верные (*traffic*);

(53) *уик-энд* {БСЧ, РОС, СКр, ТСМ} и *уикенд* {ГрС, БИС} (от дефисного *week-end*) Word считает правильными, при этом «*уикэнд*» и дефисное «*уик-энд*» подчёркиваются;

(54) *фастфуд* {РОС} и дефисное «*фаст-фуд*», отсутствующее в цитируемых словарях, пропускаются Word'ом, при этом отдельные «*фаст*» и «*фуд*» подчёркиваются (*fast* ‘быстрый’ и *food* ‘пища’);

(55) *фитнес-клуб* {РОС, СКр} и *фитнесс-клуб* {БИС} – WinWord признаёт оба варианта (*fitness-club*), слитное написание WinWord не рекомендует;

(56) *флешмоб* {РОС} Word считает верным, но отдельное «*флэши моб*» и дефисное «*флэши-моб*» тоже не подчёркиваются: отдельные компоненты «*моб*» и «*флэши*» уже входят в системные словари Word'а, поэтому «*флэши-моб*» как результат их механического соединения не выдаёт ошибку; добавив

словоизменительные элементы (падежные окончания, к которым мы уже не раз обращались) можно получить неверные, но приемлемые для spellera «*флэшу-мобом*» или «*флэшем-мобу*» и им подобные (*flash mob*);

(57) *хайвей* {все 6 словарей} (*highway*) и дефисное «*хай-вей*» пропускаются Word'ом, хотя последнее предположительно отсутствует во внутреннем системном словаре и воспринимается системой как «склеенное» из словоформ *хай* и *вей* (от *веять*); при этом пропускаются без замечаний созданные для примера дефисные искусственные механические образования «*хаем-вей*», «*хай-веют*», «*хаю-вея*» и тому подобные;

(58) *хай-тек* {РОС} (*high + technology*) и *хай-тек-компания* {РОС} через два дефиса, при этом в ТСМ имеется словарная статья *хайтек-компания* – все три образования, а также «*хайтек*» пропускаются spellером без красного подчёркивания;

(59) *хедлайнер* {РОС} пропускается без замечаний – в отличие от подчёркиваемого варианта *хэдлайнер* {ТСМ}, дефисные варианты тоже определяются автокорректором как ошибочные (*headliner*);

(60) *Хеллоуин* {РОС}: Word считает неверным такое написание, однако не выдаёт ошибку для варианта «*Хэллоуин*» – но только если оно начинается именно с прописной буквы (*Halloween*);

(61) *хепенинг* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} и «*хепенинг*» (*happening*): очевидно, WinWord содержит в своих системных словарях как вариант с удвоением, так и с одинарной -п-, поскольку оба написания автокорректором пропускаются как верные;

(62) *хеппи-энд* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} и *хэппи-энд* {ТСМ} – обе орфографические версии Word принимает как правильные (*happy end*);

(63) *хеиш* {РОС} (*hash*) spellером Word'a подчёркивается, но реакция на написание в системе слов «*хэиш*», «*хеиштег*», «*тэг*», а также дериватов *хеширование* {РОС} и подчёркиваемое «*хэширование*» не очень поддаётся логическому объяснению;

(64) *шопинг* {РОС, СКр, БИС, ТСМ}, *шоппинг* {ГрС, ТСМ} и *шоппинг-тур* {БСЧ} MS Word пропускает без замечаний, однако первую часть дефисного образования *шоп-тур* {БСЧ, РОС, СКр, БИС} spellер подчёркивает красной волнистой линией (*shopping*);

(65) *экзитпол* {РОС, СКр} (*exit-poll*: *exit* 'выход' и *poll* 'опрос, подсчёт голосов') WinWord подчёркивает как неверное; в дефисном образовании «*экзит-пол*» красным подчёркивается только первая составляющая, поскольку слово *пол* в системных словарях имеется;

(66) *экиен* {РОС} (*action*) успешно проходит автокорректор, однако и распространённый в Интернете (но не входящий в исследуемые словари) вариант «*экиин*»² тоже не подчёркивается, как и пропускаемые spellером дефисное «*нон-фикшин*» и *промоушн* (см. примеры № 26 и 36).

² Даже в последних изданиях «Грамматического словаря» А. А. Зализняка (с инверсионным алфавитным порядком) слабо русифицированные слова, оканчивающиеся на «-шен» или «-шн» (а также на «-жен» или «-жн», напр. РОС: *фьюжен*), отсутствуют.

Как можно заметить, в наших примерах мы редко приводим «обрусевшие» слова, образованные от англоязычных заимствований, такие как *айтишник*, *отсканировать*, *пиариться*, *топовый* (слова из РОС) и тому подобные³.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет обсудить ряд спорных вопросов и сделать основные выводы. Во-первых, спешим уберечь читателя от преждевременного вывода о том, что текстовый редактор MS Word чаще, чем шесть исследуемых словарей, отдаёт предпочтение написанию сложных слов через дефис. Такое впечатление может сложиться при беглом взгляде на приведённый список примеров-англицизмов с вариантным написанием. Вместе с тем, следует помнить о принципе работы spellера Word: как было неоднократно продемонстрировано, в тех случаях, когда spellер не находит проверяемого слова с дефисным написанием во внутренних системных словарях в цельном виде, он переходит к проверке наличия отдельных компонентов данного слова (до и после дефиса) и, при положительном ответе, может механически соединять дефисом даже принципиально не соединяемые с точки зрения русской орфографии вещи.

В этом плане вызывает интерес дефисное образование *рок-н-ролл* {все 6 словарей}, пропускаемое WinWord'ом без замечаний. Однако если посмотреть на другие возможные варианты его написания – *«рок-ин-ролл»*, *«рок-эн-ролл»* и *рок-энд-ролл*, то мы увидим, что они успешно проходят автокорректор, поскольку слова *рок*, *ролл*, *энд*, *ин* (частица) и *эн* {ГрС, РОС} как название буквы имеются во внутренних системных словарях Word'а. Любой его пользователь может легко убедиться в том, что многие дефисные соединения разных словоформ опознаются в текстовом редакторе как верные. Если образовать от вполне легитимного слова *рок-н-ролл* прилагательное, сохранив удвоение -лл- – *рок-н-рольный* {БСЧ, РОС}, то spellер подчеркнёт последнюю часть, несмотря на то что слово имеется в двух исследуемых словарях. Однако слова *«рок-н-рольный»*, *«рок-ин-рольный»*, *«рок-эн-рольный»* и *«рок-энд-рольный»* пропускаются без каких-либо замечаний, поскольку слово *рольный* {ГрС, РОС} имеется в системном словаре WinWord'а.

Не менее сложным можно назвать тот выбор, который вынужден совершать носитель языка при орфографическом оформлении составных наименований с неизменяемым атрибутивным компонентом. «Вопрос о раздельном, дефисном и слитном написании этих номинаций (*веб камера*, *веб-камера*, *вебкамера*) смущает даже людей с лингвистическим образованием. Любопытно, что это сомнение зачастую разрешается сомнительным путем проверки «через Интернет», а не при помощи словаря» [Осетрова, 2018, с. 161].

Многие сложные слова пишутся то через дефис, то слитно не только пользователями Интернета: в различных изданных в XXI веке словарях суще-

³ А также в Интернете встречаются нарочитые шуточные англо-русские образования вроде *«улучшайзинг»* или *«перетумачить»*.

ствуют расхождения по поводу выбора их дефисного или слитного написания (см. также [Лавошникова, 2015, с. 50]). Но с гораздо большей осторожностью, как мы демонстрировали выше на искусственно созданных нами примерах, нужно относиться к фактам пропуска без каких-либо замечаний от текстового редактора MS Word в проверяемых текстах именно дефисных образований.

Во-вторых, некоторые из приведённых выше примеров свидетельствуют о том, что при заимствовании слова возникают колебания выбора между «э» и «е». Автокорректор MS Word действует непоследовательно и «идёт на поводу» у пользователей сети Интернет, постулируя написание некоторых слов только через «э» – «бэби», «кэши», хотя наряду с вариантом «кэширование» пропускает и имеющееся в РОС *кеширование*. При этом, к примеру, «*Кеш-менеджмент*» с прописной буквы, в отличие от образования *кеш-менеджмент* {РОС}, не подчёркивается. Наберём в качестве эксперимента «*Кешей-менеджменту*» или «*Кешу-менеджментом*» – WinWord подобные (даже рассогласованные по падежам) дефисные образования часто пропускает без каких-либо подчёркиваний.

В статье Н. А. Еськовой находим следующие строки: «В перепечатках и новых публикациях встречаются не соответствующие современным орфографическим нормам написания с э» [Еськова, 2009, с. 316]. Нельзя не заметить, что наиболее полный из шести представленных академический словарь РОС [Русский орфографический..., 2015] реже рекомендует написание с буквой «э», чем MS Word или словарь, обозначаемый в настоящей статье как ТСМ [Медведева, 2009]. Приведём в пример слово *риэлтор* {ГрС, БСЧ, РОС, СКр, БИС} с одним из самых переменных написаний. В сети Интернет оно нередко встречается в трёх других вариантах написания: *риэлтер* {ТСМ}, «*риэлтор*», а также иногда – по нашему наблюдению – «*риелтер*».

По предположению И. В. Нечаевой, «Возможно, орфографическим словарям даже придется отступить от предложенного ими написания, которое не поддержано узусом» [Нечаева, 2012, с. 333]. Это касается популярного написания «бэби» (*baby*), которое в пяти цитируемых словарях фигурирует как *беби* {ГрС, РОС, СКр, БИС, ТСМ} и только в одном как *бэби* {ТСМ}. Автокорректор MS Word выдаёт ошибку для существительного *беби* и пропускает как правильное существительное *бебе* {ГрС, РОС}. Именно его программа-подсказка Корректор выдаёт первым в списке трёх вариантов, предполагаемых для исправления слова *беби*. Текстовый процессор MS Word (версия 2018 года) подчёркивает *бэбиситтер* {РОС} (в этом словаре – несклоняемое существительное женского рода) и даже «*бэбиситтер*». Вариантов исправления не выдаётся в обоих случаях.

Короткие заимствования типа *сэр, мэр, нэр, рэн* или не представленное в системе WinWord *мэм* {РОС} проблематично было бы писать с буквой «е», ведь это спровоцирует нежелательную омонимию (напр., с часто используемым в Интернете существительным *мем*, которое, однако, в цитируемых нами словарях не находится).

В-третьих, из приведённого выше списка примеров можно увидеть проблему, касающуюся воспроизведения при заимствовании удвоения со-

гласных или оставления одиночной согласной буквы. Указанная проблема в каждом отдельном случае решается по-разному (*шопинг* / *шоппинг*, *киднепинг* / *киднеппинг*, *легинсы* / *леггинсы*, *пилинг* / *пиллинг* и др.).

Наконец, наблюдается вариантность передачи ряда латинских букв, связанная с выбором между двумя способами – транслитерацией и транскрипцией. Первая группа примеров касается буквы «и»: *дистрибутор* и *дистрибьютор* (*distributor*); *консюмеризм* и пропускаемое Word'ом написание «*консьюмеризм*» (*consumerism*); *ланч* и *ленч* (*lunch*); *секьюрити* и второй Word'овский вариант «*секюрити*» (*security*).

В следующих примерах из приведённого выше списка мы видим аналогичную проблему⁴:

– *андерграунд* / *андеграунд* (*underground*), а также *перформанс* и вариант «*перфоманс*», пропускаемый Word'ом (*performance*);

– *девайс* / *дивайс* (*device*), *ремейк* / *римейк* (*remake*), *рерайтер* / *рирайтер* (*rewriter*), *ретейлер* и «*ритейлер*» в словаре Word'a (*retailer*);

– *пиксел* / *пиксель* (*pixel*); в РОС имеются – тоже в одной словарной статье – отсутствующие в словарях WinWord'a *воксел* и *воксель* (*voxel*) (термины компьютерной графики).

Не секрет, что владение английским языком (в той или иной степени) вольно или невольно провоцирует более частое использование англицизмов вообще и американизмов – в частности. В результате, такие заимствования не всегда органично вписываются в русскую письменную (и устную) речь. Знание языка-донора проявляется либо в стремлении к транслитерации, либо к транскрибированию при передаче облика новых заимствованных слов. Зачастую выбор оказывается обусловленным индивидуальными предпочтениями.

Завершая обсуждение, приведём ещё одну цитату: «Практика показывает, что выбрать единственный нормативный вариант часто бывает невозможно, поскольку правила неполны, орфографические аналогии противоречивы, тенденции неясны, узус вариативен» [Нечаева, 2012, с. 327]. Возможно, в некоторых случаях лингвистам придётся пойти навстречу пользователям Интернета и предусмотреть бóльшую вариантность в орфографии заимствований.

Список литературы

1. Еськова, Н. А. Об орфографии впервые публикуемых и перепечатаваемых текстов (в порядке постановки вопроса) [Текст] / Н. А. Еськова // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2. – С. 316–317.
2. Лавошникова, Э. К. Компьютерная коррекция орфографии и разночтения в словарях: возможны варианты? [Текст] / Э. К. Лавошникова // ФилоLogos. – 2015. – Т. 24. – № 1. – С. 49–54.

⁴ В подтверждение этого цитата: «Иногда трудно установить различия между транскрипцией и транслитерацией, если написание слова совпадает с его произношением, как, например, в случае со словом *девелопер*» [Степанова, 2017, с. 127].

3. Лавошникова, Э. К. Microsoft Word 2016 и синтаксический контроль [Текст] / Э. К. Лавошникова // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2016 а. – Т. 12. – № 2. – С. 205–210.
4. Лавошникова, Э. К. MS Word и словари: вариативность англоязычных заимствований [Текст] / Э. К. Лавошникова // Science Time. – 2016 б. – Т. 31. – № 7. – С. 126–134.
5. Лавошникова, Э. К. Текстовый редактор MS Word и англоязычные заимствования [Текст] / Э. К. Лавошникова // Проблемы современной науки. – Вып. 21. – Ставрополь : Центр научного знания «Логос», 2016 в. – С. 27–36.
6. Нечаева, И. В. Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов) [Текст] / И. В. Нечаева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2012. – Т. VIII. – № 3. – С. 325–336.
7. Осетрова, О. И. Заимствования интернет-коммуникации: проблема орфографической вариативности и ее отражение в словарях [Текст] / О. И. Осетрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Т. 81. – № 3. – Ч. 1. – С. 160–163.
8. Степанова, Н. А. Американизмы в деловом дискурсе русскоязычных СМИ (на современном этапе развития русского языка) [Текст] / Н. А. Степанова, А. В. Юнг // Культура и текст. – 2017. – Т. 29. – № 2. – С. 122–133.

Лексикографические источники

- БИС – Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. [Текст]. – М. : «Изд-во АСТ», «Астрель», «Русские словари», 2002. – 960 с.
- БСЧ – Букчина, Б. З. Орфографический словарь русского языка. [Текст] / Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 1296 с.
- ГрС – Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 800 с.
- РОС – Русский орфографический словарь: ок. 200 000 слов [Текст] / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 896 с.
- СКр – Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов [Текст] / Л. П. Крысин – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 416 с.
- ТСМ – Толковый словарь наиболее употребительных иностранных слов [Текст] / сост. А. А. Медведева. – М. : Центрполиграф, 2009. – 525 с.

References

1. Es'kova, N. A. (2009). Ob orfografii v pervye publikuemyh i perepechatyvaemyh tekstov (v porjadke postanovki voprosa) [About spelling for the first time published and reprinted texts (Bringing forth the issue)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2, 316–317.
2. Lavoshnikova, E. K. (2015). Komp'yuternaya korrektsiya orfografii i raznochteniya v slovaryakh: vozmozhny varianty? [Computer correction of spelling and differences in dictionaries: Possible options?]. *FiloLogos* [PhiloLogos], 24 (1), 49–54.

3. Lavoshnikova, E. K. (2016a). Microsoft Word 2016 i sintaksicheskiy kontrol' [Microsoft Word 2016 and syntax verification]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie* [Modern Information Technologies and IT-Education], 12 (2), 205–210.
4. Lavoshnikova, E. K. (2016b). MS Word i slovari: variativnost' angloyazychnykh zaimstvovaniy [MS Word and dictionaries: Differences of English borrowings]. *Science Time*, 31 (7), 126–134.
5. Lavoshnikova, E. K. (2016c). Tekstovyy redaktor MS Word i angloyazychnye zaimstvovaniya [Text editor MS Word and English borrowings]. *Problemy sovremennoy nauki* [Problems of modern science] (Vol. 21, pp. 27–36). Stavropol : Tsentr nauchnogo znaniya «Logos» Press.
6. Nechayeva, I. V. (2012). Yazykovye izmeneniya i printsipy orfograficheskogo normirovaniya (na materiale inoyazychnykh neologizmov) [Language Changes Orthographic Standardization Principles (based on loaned neologisms)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies], Vol. VIII, 3, 325–336.
7. Osetrova, O. I. (2018). Zaimstvovaniya internet-kommunikatsii: problema orfograficheskoy variativnosti i ee otrazhenie v slovaryakh [Loan words of internet communication: The problem of spelling variability and its representation in dictionaries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 81 (3), Part 1, 160–163.
8. Stepanova, N. A., Yung, A. V. (2017). Amerikanizmy v delovom diskurse russkoyazychnykh SMI (na sovremennom etape razvitiya russkogo yazyka) [Americanisms in the Russian business media discourse (The modern period of the Russian Language Development)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 29 (2), 122–133.

Dictionaries

- BIS (2002) – Bol'shoy illjustrirovannyi slovar' inostrannykh slov [Big Illustrated Dictionary of Foreign Words]. Moscow : AST, Astrel', Russkie slovari Press.
- BSCh (2008) – Bukchina, B. Z., Sazonova, I. K., and Chel'cova, L. K. *Orfograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Orthographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow : AST-PRESS KNIGA Press.
- GrS (2010) – Zaliznyak, A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka* [Grammatical Dictionary of Russian]. Moscow : AST-PRESS KNIGA Press.
- ROS (2015) – Lopatin, V. V. and Ivanova, O. E. (eds.). *Russkiy orfograficheskiy slovar'* [Orthographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow : AST-PRESS KNIGA Press.
- SKr (2014) – Krysin, L. P. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow : AST-PRESS KNIGA Press.
- TSM (2009) – Medvedeva, A. A. (ed.). *Tolkovyy slovar' naibolee upotrebitel'nykh inostrannykh slov* [Explanatory Dictionary of the Most Common Foreign Words]. Moscow : Centrpoligraf Press.

УДК 81'25, 811.133.1'276
UDC 81'25, 811.133.1'276

Плюснина Екатерина Михайловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina M. Plusnina
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
djally666_88@mail.ru

Шалгина Екатерина Анатольевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina A. Shalgina
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
chantal2003@list.ru

**ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И УНИФИКАЦИИ
НА РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЛЕКСЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА «AIMER»)
THE INFLUENCE OF DIFFERENTIATION AND UNIFICATION
TRENDS ON THE SEMANTIC POTENTIAL EXPANSION OF LEXEMA
(BASED ON THE EXAMPLE OF FRENCH VERB "AIMER")**

Аннотация

В XXI веке миграционные процессы приобретают особую важность. Изменения в политике и экономике, природные и экологические проблемы приводят к масштабным перемещениям и переселениям людей, в особенности с Востока на Запад, что, в свою очередь, вызывает значительные изменения в языках и культурах. В данной статье рассматривается процесс расширения семантического потенциала французского глагола *aimer* «любить», обусловленный тенденциями дифференциации и унификации. Расширение происходит в связи с проникновением во французскую культуру заимствований из английского и арабского языков.

Abstract

In the 21st century, migration processes become particularly important. Changes in politics and economy, natural resource and environmental problems determine widespread movements and migrations of people, more often from East to West, which in its turn causes significant changes in languages and cultures. This article considers the process of semantic potential expansion of the French verb *aimer* as a result of differentiation and unification tendencies. The expansion is connected with borrowings from English and Arabic into the French culture.

Ключевые слова: семантический потенциал, дифференциация, унификация, миграционная лингвистика, неологизмы, заимствования.

Keywords: semantic potential, differentiation, unification, migration linguistics, neologisms, borrowings.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_91_100

1. Введение

Перемещение народов, миграционные потоки и связанные с этим экономические процессы, в XX веке в социологии и политологии получили название «глобализации», а в лингвистике – «межкультурной коммуникации» [Бухаров, 2014]. Сегодня миграционная лингвистика как важная составляющая межкультурной коммуникации выделяется в отдельное научное направление. Являясь отраслью научного знания, миграционная лингвистика направляет свои усилия на исследование изменений, происходящих в лексическом составе языка; при этом анализируется взаимное влияние контактирующих языков и культур, рассматриваются проблемы изучения и усвоения языков мигрантами. В фокусе внимания учёных находятся новые языковые явления (в том числе заимствования и неологизмы и их роль и значение для принимающего языка и культуры).

2. Влияние тенденций дифференциации и унификации на расширение семантического потенциала лексемы

В данном исследовании представлен анализ французского глагола *aimer* «любить» на материале толковых французских словарей и появление его новых значений, зафиксированных французскими СМИ, киноиндустрией и поп-культурой. Расширение семантического потенциала глагола *aimer* обусловлено тенденцией глобализации и развитием такого научного направления, как миграционная лингвистика.

Результатом дефиниционного анализа лексемы *aimer* в толковых словарях стали следующие значения:

– *chérir* – **нежно любить**, дорожить, испытывать привязанность, дружбу, нежность, симпатию к кому-либо любить как брата, всем сердцем. Приведём следующие примеры.

(1) *Tu aimeras ton prochain comme toi-même* (Bible). – Ты полюбишь своего ближнего как самого себя (Библия) (перевод Е. Ш.).

(2) *J'aimais un fils plus que ma vie* (La Fontaine). – Я любила сына больше жизни (Ла Фонтен) (перевод Е. Ш.).

(3) *Un vieil ami que j'aime beaucoup*. – Давний друг, которого я очень люблю. (перевод Е. Ш.).

– *adorer, idolâtrer* – **обожать, идолизировать**, испытывать любовь, страсть к кому-либо. Продемонстрируем на следующих примерах.

(1) *Un homme passionné voit toutes les perfections dans ce qu'il aime* (Stendhal). – Страстно влюблённый человек видит все совершенства, в том, кого он любит (Стендаль) (перевод Е. Ш.).

(2) *Et vivre sans aimer n'est pas proprement vivre* (Molière). – Жить не любя, это не жить» (Мольер) (перевод Е. Ш.).

(3) *Plus on juge, moins on aime* (Balzac). – Чем больше судишь, тем меньше любишь (Бальзак) (перевод Е. Ш.).

– affectionner, apprécier – любить, предпочитать, оценивать что-либо.

(1) *J'aimais sortir avec mon père* (Gide). – Мне нравилось гулять с отцом (Жид) (перевод Е. Ш.).

(2) *J'aime à croire que vous viendrez.* – Мне нравится (предпочитаю) верить, что вы придёте (перевод Е. Ш.).

– goûter, trouver bon au goût – **пробовать, находить приятным на вкус, лакомиться.**

(1) *Il aime beaucoup les fruits de mer.* – Морепродукты ему кажутся очень приятными на вкус (перевод Е. П.).

– s'aimer – **быть влюблённым в самого себя, нравится себе, находить себя привлекательным.**

(1) *Narcisse s'aima* (Cocteau). – Нарцисс любил себя (Кокто).

(2) *Je ne m'aime pas dans cette robe.* – Я не нравлюсь себе в этом платье. (перевод Е. Ш.).

– s'aimer – **иметь взаимную привязанность, взаимное чувство любви, любить плотской любовью.**

(1) *On s'aime à mesure qu'on se connaît mieux* (Michelet). – Чувство любви приходит, когда лучше узнаёшь друг друга (Мишле) (перевод Е. Ш.).

(2) *Elle éteignit la lampe et ils s'aimèrent.* – Она погасила свет и они любили друг друга» (перевод Е. Ш.).

– aimer mieux, préférer – **предпочитать** (эмоциональная, аффективная, а не рациональная оценка).

(1) *J'aimerais mieux la mort, j'aimerais mieux mourir!* – Я предпочёл бы смерть, лучше бы я умер! (перевод Е. Ш.).

(2) *Il aime mieux rester chez lui le dimanche que de respirer l'essence sur les routes.* – Он предпочтет провести воскресенье дома, вместо того, чтобы отправиться в путь, вдыхая пары бензина (перевод Е. П., Е. Ш.).

– raffoler de – **страстно любить вещь, находить её приятной, в том числе на вкус.**

(1) *Il aime une tasse de café dans l'après-midi.* – Он не обходится без чашки кофе после обеда (перевод Е. Ш.).

– s'intéresser à – **охотно что-то делать** (любить чтение, спорт, музыку, Моцарта, какое-либо место, проявлять интерес к чему-либо).

(1) *Il y a des lieux où l'on aimerait à vivre* (La Bruyère). – Есть места, где мне хотелось бы жить (Ля Брюйер) (перевод Е. Ш.).

– désirer, souhaiter – **хотеть, желать**, в случае сопровождения глагола aimer сослагательным наклонением.

(1) *J'aime bien que les choses soient à leur place* (Zola). – Я хочу, чтобы вещи были на своём месте (Золя) (перевод Е. Ш.).

Значение глагола *aimer* как «чувство любви и привязанности к животным» выносится отдельной словарной строкой: *Il aime son chat, qui se tient toujours sur son bureau.* – Он любит своего кота, который всегда сидит на его столе (перевод Е. Ш.).

Работа с национальным корпусом французского языка показала, что глагол *aimer* реализуется ещё через два значения: «помогать» (*aider*) и «прощать» (*pardonner*). Данные значения не зафиксированы словарями.

(1) *Etre fraternel et solidaire, c'est aider, aimer et non exclure ou abandonner.* – Братство и объединение это значит помогать и любить друг друга, а не устраняться или оставлять на произвол судьбы (перевод Е. Ш.).

(2) *Il est tellement difficile de voir autour de soi des signes de Résurrection quand l'injustice ou le mensonge domine la vie sociale, quand nos difficultés à aimer, à pardonner, nous enferment en nous-même.* – Так трудно видеть вокруг себя знаки Воскрешения, когда несправедливость или ложь управляют жизнью общества, когда наше неумение любить и прощать, замыкают нас в самих себе (перевод Е. П.).

(3) *Les gens doivent réapprendre à aimer et surtout à pardonner.* – Люди должны заново научиться любить, и в особенности, прощать (перевод Е. П.).

Являясь сложной динамической системой, язык находится в постоянном развитии и подвергается изменениям. Научный и технический прогресс, межкультурные, торговые связи и общественно-политические преобразования отражаются на словарном составе языка. Одни слова устаревают и выходят из употребления, становясь архаизмами, другие входят в состав языка как неологизмы.

Одной из характерных особенностей современного французского словообразования является столкновение дифференцирующей и унифицирующей тенденций. Отметим, что тенденция к дифференциации свойственна каждому языку, поскольку без неё язык потерял бы свою самобытность и прекратил своё существование.

Франция относится к числу стран, находящихся на страже защиты интересов своего языка, о чём свидетельствует закон Франции N 94-665 от 04.08.1994 об употреблении французского языка (закон Тубона).

Данный законопроект регламентирует политику Франции в отношении французского языка и ограждает от чрезмерного употребления иностранных слов. Французская Академия рассматривает и утверждает нормативные слова, входящие в язык.

Согласно наблюдениям Н. Н. Балабас, в среднем, словарный состав французского языка ежегодно пополняется на 10–15 слов [Балабас, 2015, с. 2125]. Преподавание французского языка в стране ведётся по нормам, разработанным Французской Академией. Успешный опыт Франции в отношении языковой политики нашёл отражение в Международной хартии ЮНЕСКО о защите культурного многообразия.

Возвращаясь к истории тенденции унификации, напомним о её связи с социологическим направлением в языкознании, которое получило своё развитие ещё в начале XX века, и подчёркивало общественную природу языка. Основателями этого направления принято считать Ф. Де Соссюра и

А. Мейе, которые стремились найти социологическое объяснение многим явлениям языка. Согласно А. Мейе, «язык существует лишь постольку, поскольку есть общество», которое, в свою очередь, не могло бы существовать без языка [Мейе, 1938, с. 52]. Таким образом, А. Мейе рассматривает язык как социальную категорию, полагая, что движущими силами языковых изменений являются социальные условия жизни языка и одним из важных факторов называет заимствования.

Если до XIX века наибольшую долю заимствований во французском составляли слова итальянского происхождения, то с XIX века и по настоящее время основным источником заимствования становится английский язык.

Благодаря стремительному развитию социальных сетей, сегодня одним из синонимов глагола *aimer* стало использование английского глагола *to like*, преобразовавшегося во французской языковой культуре в глагол первой группы *liker* с традиционным окончанием.

В английском языке глагол *to like* имеет значение «любить (что-л.), хорошо или одобрительно относиться к чему-л. или кому-л., предпочитать, выбирать, хотеть, желать».

(1) *I like fruit.* – Я люблю фрукты.

(2) *Well! I like that!* – Это мне нравится!

(3) *How do you like it?* – Как вам это нравится?

(4) *Do as you like, but don't come and say that I was right.* – Поступайте, как вам угодно, но не приходите и не говорите, что я был прав.

(5) *I don't like you to be so impolite with your mother.* – Мне не нравится, что ты так невежлив со своей мамой.

(6) *How do you like my house?* – Как вам нравится мой дом?

(7) *Shall I help you? – Yes, If you like* – Вам помочь? – Да, если хотите.

(8) *Call me any time you like.* – Звоните в любое время.

Во французском языке данный глагол чаще всего используется в СМИ, с целью показать свою положительную оценку чего-либо.

(1) *Il adore liker les commentaires de Julie qui ne sont pourtant pas très intéressants.* – Он обожает ставить лайк комментарием Жюли, которые, впрочем, не сильно интересны (Перевод Е.П).

(2) *D'abord, savez-vous faire la différence entre mentions «J'aime», «communauté», «adeptes», «personnes qui suivent une page» et «abonnés»? Si non, la réponse est bien simple, ils sont tous des synonymes: ce sont les personnes qui aiment votre page.* – Прежде всего, умеете ли Вы проводить разницу между понятиями «Мне нравится», «сообщество», «сторонники», «люди, просматривающие страницу» и «подписчики»? Если нет, то ответ довольно прост: все это синонимы: это люди, которым нравится ваша страница (перевод Е. Ш.).

Данные примеры являются яркой иллюстрацией современной тенденции унификации. Её исследование невозможно без учёта культурологической составляющей. «Изучение лексики в рамках некоего культурологического пространства открыло новое измерение изучению языка в целом» [Олефир, 2012, с. 64]. Таким образом, мы обозначили прагматический контекст использования во французском языке глагола *liker* ан-

глийского происхождения. Оно вызвано развитием и формированием интернет-культуры, становлением единых понятий для общения в соцсетях, которые стали новой культурологической составляющей жизни современного общества.

Одним из важнейших общественно-политических событий XXI века является возникновение Евросоюза с единым экономическим пространством, свободным перемещением и единой денежной системой. Все эти условия благоприятствуют сближению народов, что сказывается на обогащении словарного состава языков.

Глобализация, а также сильный поток иммиграции также следует отнести к факторам, влияющим на изменения словарного состава в большинстве языков мира, подтверждая тенденцию унификации. Под этим процессом нами понимается политическая, экономическая и культурная интеграция, характеризующаяся тесным переплетением рыночных экономик, политическим, экономическим и культурным взаимодействием стран. Следствием этого является динамическое пополнение неологизмами современной картины мира, «где источниками продуктивности являются экстралингвистические аспекты жизни современного <...> общества» [Кубашичева, Читао, 2016, с. 54].

В связи с этим обстоятельством, появляется новая, ещё малоизученная область для исследования – неологизмы языков иммиграции в общепольском варианте языка. Эти единицы преобладают в разговорной, фамильярной речи, то есть в живом, не закреплённом нормами языке, и отражают также изменения в культуре населения страны, принимающей на своей территории иноязычное и инокультурное население. В отношении Франции в XXI веке можно отметить большое количество заимствований из арабского языка.

Одним из слов арабского происхождения с семантикой предпочтения, обожания кого-либо и / или чего-либо стал глагол *kiffer*. Во французском издании *Dictionnaire du Français argotique et populaire* (словарь Аргот и просторечной лексики) дается следующее толкование: *aimer, prendre plaisir, bicher* «любить, тащиться, ловить кайф, балдеть» с пометой: просторечия (*populaire*), жаргон (*argot*).

Сравнение толкования со значениями глагола *aimer* «любить» в словарях «Larousse» и «Le Petit Robert» показывают, что это заимствование отражает варианты «любить, обожать, предпочитать, нравиться». Приведём несколько примеров с указанием значения данного глагола.

(1) *Roméo kiffe Juliette et Juliette kiffe Roméo.* – Ромео любит Джульетту, а Джульетта любит Ромео.

(2) *Ils se cherissent.* – Они нежно любят друг друга.

(3) *Elle kiffe cette robe décolletée.* – Она обожает это платье (тащится от этого платья) с глубоким вырезом.

(4) *Je kiffe ta cravate à la mode.* – Мне очень нравится твой новомодный галстук.

(5) *Il est temps de kiffer la vie.* – Пришло время наслаждаться жизнью.

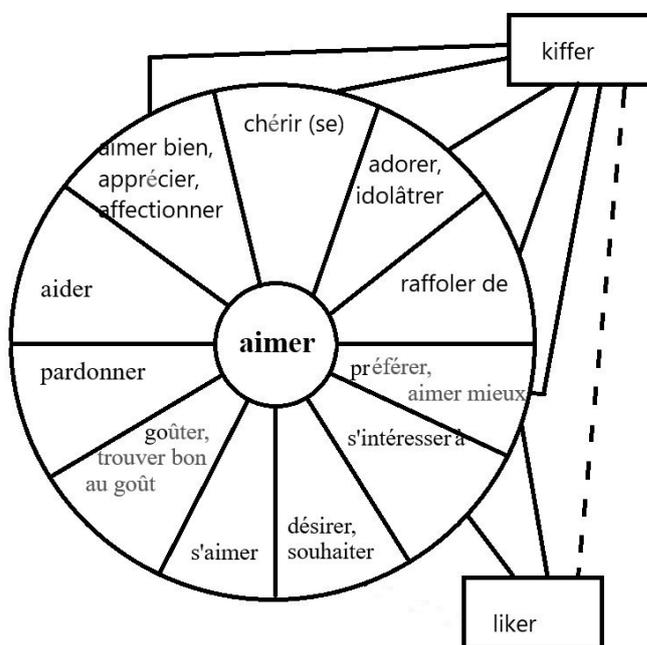
(6) *Nous kiffons cette chanson. (Cette chanson elle nous plaît / Nous adorons cette chanson).* – Мы тащимся от этой песни (эта песня нам нравится).

(7) *Si tu kiffes pas, t'écoute pas; c'est tout.* – Если тебя не прет, не слушай, делов-то.

О протекании процесса интеграции можно наблюдать, анализируя пометы толковых словарей, более точно – сдвиги помет в словах разных стилистических уровней. *Kifer* или *kiffer* появляется в словарях с 1990 года (NPR). Это слово арабского происхождения, *kif* – «состояние блаженства», с пометой обиходный, разговорный язык, соответственно глагол переводится как *prendre du plaisir* «получать удовольствие»: *C'est le seul truc à l'école qui m'a fait kifer.* – Это единственный предмет в школе, от которого я получаю удовольствие (перевод Е. Ш.). Наряду с этим, словарь фиксирует значения: *adorer, apprécier, aimer bien* – «обожать, ценить, нравиться» [Dictionnaire français, 2018].

В 2008 году, глагол *kiffer* был отмечен Википедией с пометой СЛЕНГ, а сейчас он уже зафиксирован различными французскими толковыми словарями как просторечие и жаргон. Таким образом, согласно А. Э. Левицкому «дополнительная информация может включать разнообразные нюансы речевого поведения: выражение эмоций, распределение акцентов, придание высказыванию особой экспрессивности» [Левицкий, 2009, с. 352].

Схема значений анализируемого глагола представлена на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Семантический потенциал глагола *aimer*

Семантический потенциал глагола *aimer* представлен во французских толковых словарях девятью значениями: *affectionner, apprécier, – це-*

нить; *chérir* – дорожить; *adorer, idolâtrer* – обожать; *raffoler de* – страстно любить (вещь); *préférer, aimer mieux* – предпочитать; *s'intéresser à* – охотно что-то делать; *désirer, souhaiter* – желать; *s'aimer* – нравится себе, любить друг друга; *goûter* – пробовать. Исследование национального корпуса французского языка, анализ СМИ показывают расширение значения лексемы *aimer* ещё двумя компонентами: *pardonner* – прощать, *aider* – помогать. Данные примеры встречаются преимущественно в материалах духовно-религиозного содержания.

Дальнейшее расширение семантического потенциала лексемы *aimer* происходит в связи с проникновением во французскую культуру заимствований из арабского и английского языков. Неологизм *kiffer* передаёт пять базовых значений глагола *aimer*. Глагол *liker* активно используется интернет сообществами. Оба неологизма *kiffer* и *liker* объединены семантикой предпочтения (*préférer, aimer mieux*).

3. Заключение

Язык – это сложная динамическая система, которая постоянно развивается вместе с развитием общества и отражает все перемены, затрагивающие любую сферу жизнедеятельности людей. Особую важность приобретают вопросы «выстраивания позитивного взаимодействия носителей разных культур, межкультурной коммуникации иностранцев и местных жителей» с целью сохранения чистоты и самобытности языка принимающей культуры [Ступина, 2017, с. 3].

Проведённый анализ языковых изменений современного французского языка на примере глагола *aimer* «любить» свидетельствует о расширении семантического потенциала глагола благодаря двум тенденциям: дифференциации и унификации с преобладанием последней. Образование неологизмов является активным процессом пополнения лексического запаса французского языка, отражая взаимосвязь с другими языками и культурами.

Список литературы

1. Абабий, В. Н. Реалии-неологизмы во французском политическом дискурсе [Текст] / В. Н. Абабий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3. – С. 79–83.
2. Балабас, Н. Н. Тенденции развития словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) [Текст] / Н. Н. Балабас // Siberian Journal of Life Science and Agriculture. В мире научных открытий. – 2015. – № 7.5. – С. 2125–2136.
3. Бухаров, В. М. Миграция и взаимодействие коммуникативных кодовых систем [Текст] / В. М. Бухаров // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 94–101.
4. Кубашичева, С. К. Неологизмы как форма репрезентации современной языковой картины [Текст] / С. К. Кубашичева, Л. Р. Читаю // Вестник Адыгейского

- государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 3 (182). – С. 53–56.
5. Левицкий, А. Э. Горизонты развития неологии XXI века [Текст] / А. Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : Сб. тр. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 350–364.
 6. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. – Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 510 с.
 7. Олефир, Я. А. Актуальные проблемы современной неологии [Текст] / Я. А. Олефир // Вестник университета Российской академии образования. – 2012. – № 3. – С. 63–67.
 8. Ступина, Т. В. Современные миграционные процессы в культурологическом дискурсе (на материалах Красноярского края) [Текст] : автореф... дис. кан. филол. наук 24.00.01 / Ступина Татьяна Владимировна; Восточно-Сибирский государственный институт культуры. – Улан-Удэ, 2017. – 23 с.

References

1. Ababiy, V. N. (2017). Realii-neologizmy vo frantsuzskom politicheskom diskurse [Culture-specific neologisms (realia) in the French political discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, 79–83.
2. Balabas, N. N. (2015). Tendentsii razvitiya slovnogo sostava frantsuzskogo yazyka (na materiale sovremennoy frantsuzskoy pressy) [Trends in the development of the vocabulary of French language (On the material of modern French press)]. *Siberian Journal of Life Science and Agriculture*, 7.5, 2125–2136.
3. Buharov, V. M. (2014). Migratsiya i vzaimodeystvie kommunikativnykh kodovykh sistem [Migration and interaction of communicative code systems]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University for Humanities], 5, 94–101.
4. Kubashicheva, S. K., Chitao, L. R. (2016). Neologizmy kak forma reprezentatsii sovremennoy yazykovoy kartiny [Neologisms as form of representation of a modern language picture]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series «Philology and the Arts»], 3 (182), 53–56.
5. Levitskiy, A. E. (2009). Gorizonty razvitiya neologii 21 veka [Horizons of neologisms studies development in the 21st century]. *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Traditsii i novatorstvo: Sb. v chest' E. S. Kubryakovoy* [Horizons of modern linguistics: Traditions and new ideas: A collection of works in commemoration of E. S. Kubryakova] (pp. 350–364). Moscow : Jazyki slavyanskikh kul'tur Press.
6. Meye, A. (1938). *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeyskikh yazykov* [Introduction to comparative studies of Indo-European languages]. Leningrad : Gos. soc.- ekon. Press.
7. Olefir, Ja. A. (2012). Aktual'nye problemy sovremennoj neologii [Current issues of neologisms studies]. *Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], 3, 63–67.

8. Stupina, T. V. (2017). *Sovremennye migracionnye processy v kul'turologicheskom diskurse (na materialah krasnoyarskogo kraya)* [Modern migration processes in cultural discourse (Based on Krasnoyarsk Region speech)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; East-Siberian State Institute of Culture. Ulan-Ude.

Лексикографические источники

1. Dictionnaire du Français contemporain, Librairie Larousse [Text] / J. Dubois et al. – Paris, 1966. – 1224 p.
2. Le nouveau PETIT ROBERT, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition du PETIT ROBERT de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 1996. – 2551 p.
3. LE ROBERT – Paris, 2004. – URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Kiffer> (дата обращения: 29.04.2018).
4. Dictionnaire du Français argotique et populaire [Electronic Resource]. – François Caradec, 2009. – URL : <http://argotique.fracademic.com/3236> (дата обращения: 20.04.2018).
5. Dictionnaire français [Electronic Resource] – URL : <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/> (дата обращения: 20.04.2018).

Dictionaries

1. Dictionnaire du Français contemporain, Librairie Larousse. Paris, 1966. 1224 p.
2. Le nouveau PETIT ROBERT, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition du PETIT ROBERT de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris : Dictionnaires Le Robert, 1996. 2551 p.
3. LE ROBERT – Paris, 2004. Retrieved April 29, 2018 from <<https://fr.wikipedia.org/wiki/Kiffer>>.
4. Dictionnaire du Français argotique et populaire. François Caradec. (2009). Retrieved April 20, 2018 from <<http://argotique.fracademic.com/3236>>.
5. Dictionnaire français (2018). Lintern@ute. Retrieved April 20, 2018 from <<https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/>>.

Источники иллюстративного материала

1. Leipzig Corpora Collection [Electronic Resource]. – 1998–2018. – URL : <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (даты обращения: 05.04.2018, 10.05, 15. 05. 2018).

Illustration material resources

1. Leipzig Corpora Collection (1998–2018). Retrieved April 5, 2018, May 10, 15, 2018 from <<http://wortschatz.uni-leipzig.de/en>>.

УДК 81'33, 811.512
UDC 81'33, 811.512

Кравченко Ирина Николаевна
Хабаровский краевой институт развития образования
г. Хабаровск, Российская Федерация
Irina N. Kravchenko
Khabarovsk Territory Institute for Educational Development
Khabarovsk, Russian Federation
kravchenkoin@ippk.ru

Попова Ольга Александровна
Муниципальная средняя общеобразовательная школа
с. Нижние Халбы, Хабаровский край, Российская Федерация
Olga A. Popova
Municipal Public Secondary School
Nizhnie Khalby, Khabarovskiy Territory, Russian Federation
poahalb@mail.ru

**РАСШИРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ПОСРЕДСТВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ:
СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
EXPANSION OF LANGUAGE ENVIRONMENT FOR INDIGENOUS
LANGUAGE MINORITIES OF THE FAR EAST BY PEDAGOGICAL
DESIGN: CREATING A SINGLE INFORMATION AND COGNITIVE
SPACE IN AN EDUCATIONAL INSTITUTION**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы сохранения педагогами Хабаровского края языка и традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока через расширение языковой среды этноса в рамках проекта по организации единого информационно-познавательного пространства. Созданный в соответствии с задачами проекта интернет-ресурс «Хай-ну эрдэнгэ» содержит разнообразные лингвистические и экстралингвистические средства и материалы и является эффективным средством для достижения поставленной цели.

Реализация проекта позволила усилить интерес и повысить мотивацию к изучению этнического нанайского языка: увеличение соответствующих параметров, включающих владение языком как родным, уважение к языку и осознание необходимости его изучения, составило 4–8%. Популяризация нанайских традиций и обычаев среди молодого поколения и гармонизация меж- и внутривозрастных отношений позволили несколько снизить этническую индифферентность и этноэгоизм, что также следует отнести к положительным результатам проекта.

Abstract

The article considers the issues of preserving language and traditional culture of the indigenous peoples of the Far East by the teachers of the Khabarovsk Territory through the expansion of the language environment of the ethnos within the project of creating a single information and cognitive space. The targeted internet resource «Khay-nu erdenge» that contains various linguistic and extralinguistic tools and materials is an effective means for achieving the goal.

The project launching enabled to increase the interest and motivation to study the ethnic Nanai language: the growth of the corresponding parameters including native speaker language skills, respect to the language, and the awareness of the necessity of its learning was 4–8%. Popularizing Nanai customs and traditions among the young generation and harmonizing inter- and inner-generation relations enabled to decrease ethnic indifference and ethnoegoism that can also be considered as a positive result of the project.

Ключевые слова: педагогическое проектирование, языковая среда, информационно-познавательное пространство, традиционная культура, этнокультурная компетентность, исследовательская деятельность, коренные малочисленные народы.

Keywords: pedagogical design, language environment, information-cognitive space, traditional culture, ethno-cultural competence, research, indigenous language minorities.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_101_113

1. Введение

Вопросы сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладения духовными ценностями и традиционной культурой стоят особенно остро как в России в целом, так и на Дальнем Востоке. В Хабаровском крае проживают представители 133 национальностей, 8 из которых – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: эвены, эвенки, нивхи, нанайцы, негидальцы, ульчи, удэгейцы, орочи.

Родной язык для каждого народа – «неистощимая сокровищница всего духовного бытия человеческого»: следование идеалам, ценностям, традициям, принятым от предшествующих поколений обычаям, ритуалам, способам деятельности, обучения и воспитания – всё то, что окружает с детства, то что питает, помогая жить и развиваться [Буслаев, 1844, с. III]. Иными словами, это среда – понятие, имеющее необычайно широкое употребление, но в самом общем смысле понимаемое именно как окружение. А. М. Новиков в словаре педагогических понятий даёт определение среды как совокупности «всех объектов / субъектов, не входящих в систему, изменение свойств и / или поведение которых влияет на изучаемую систему, а также тех объектов / субъектов, чьи свойства и / или поведение которых меняются в зависимости от поведения системы» [Новиков, 2013, с. 213]. В целом современные исследователи рассматривают данную дефиницию

как окружение, совокупность природных условий; окружающие социально-бытовые условия; совокупность людей, связанных общностью условий; общественную группу, к которой принадлежит человек и которая составляет круг его ближайшего общения; социальные, культурные экономические факторы и природные условия жизни людей; совокупность условий, окружающих человека и взаимодействующих с ним как с организмом и личностью, как источник социокультурного опыта.

Передавая культурные ценности и традиции от поколения к поколению, народы формируют языковую среду – исторически сложившееся на основе общего языка и культуры объединение людей, проживающих на определённой территории [Азимов, 2009, с. 364]. Принимая определение понятия «языковая среда» отечественного лингвиста Т. В. Жеребило и мнения других исследователей, под расширением языковой среды мы понимаем направленное на решение социальных проблем педагогическими средствами увеличение коммуникативного пространства, в котором происходит изучение языка, выраженное в усвоении его элементов, речевых норм и стереотипов, реализуется общение, обучение, воспитание, приобщение к социокультурному опыту народа [Жеребило, 2010, с. 479; Колесникова, 2008].

Применительно к языковой среде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока мы говорим об изучении языков тунгусо-маньчжурской группы, в частности нанайского языка, расширение которой возможно через создание единого информационно-познавательного пространства образовательной организации.

В современной педагогической науке термины «пространство», «виртуальное пространство», «образовательное пространство», «информационное образовательное пространство», «информационно-познавательное пространство» «информационно-образовательная среда» стали достаточно популярны (см. труды А. Д. Гарцова, Н. Н. Гладченковой, В. А. Новиковой [Гарцов, 2009; Гладченкова, 2001; Новикова, 2009;] и др.). Это близкие, но далеко не синонимичные понятия. Так, пространство является прежде всего набором определённых условий, оказывающих влияние на человека; оно способно существовать независимо от участия людей, а образовательное пространство – это совокупность всех субъектов и объектов, прямо или косвенно участвующих в образовательных процессах, либо заинтересованных в них, либо влияющих на них [Новиков, 2013, с. 137–138]. Исследователь Н. Н. Гладченкова рассматривает основные аспекты организации информационно-познавательного пространства образовательной организации (вуза), особо выделяя открытость системы и её способность к развитию, интеграции технологий информационных и коммуникационных в учебно-воспитательный процесс, взаимодействию таких компонентов как ценностно-целевой, ресурсно-технологический, содержательный, психолого-педагогический, административно-организационный, а также компонента, характеризующего участников информационного взаимодействия. Автор подчёркивает значимость организации информационного образова-

тельного пространства в личностно значимой парадигме при соблюдении критериев открытости, динамичности, целостности, информативности, эргономичности, иерархичности уровней наполнения содержания, аксиологического критерия [Гладченкова, 2001].

2. Опыт расширения языковой среды в МБОУ СОШ Нижнехалбинского сельского поселения Комсомольского муниципального района Хабаровского края

Приняв во внимание исследования отечественных и зарубежных авторов, педагоги родных языков, чья деятельность непосредственно направлена на сохранение языковой среды и культурного наследия народов Дальнего Востока в рамках образовательной, проектной, исследовательской деятельности с обучающимися и педагогического проектирования инновационной работы, объединились в краевой инновационный комплекс (далее – КИК). При поддержке Хабаровского краевого института развития образования и министерства образования и науки края, удалось приступить к реализации данного проекта по теме «Формирование языковой среды коренных малочисленных народов Хабаровского края, способствующей становлению этнической и социальной идентичности личности в условиях введения федеральных государственных образовательных стандартов». В состав КИКа вошли педагоги Нанайского, Ульчского, Охотского и Амурского районов края, Николаевский промышленно-гуманитарный техникум, 3 школы Комсомольского муниципального района Хабаровского края, в том числе муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа Нижнехалбинского сельского поселения Комсомольского муниципального района Хабаровского края.

Педагогическое проектирование как способ инновационных преобразований действительности приобретает особое значение в деятельности образовательных организаций, расположенных в отдалённых уголках, в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Хабаровского края. Это обусловлено направленностью на решение социальных проблем педагогическими средствами (расширение языковой среды), преобразование личности и межличностных отношений, участие в деятельности и общение в рамках образовательных и социальных процессов (становление этнической и социальной идентичности личности), проектирование качества образования (ФГОС). Таковым является и проект КИКа. Поэтому в данной статье под дефиницией «педагогическое проектирование» будем понимать понятие «собирательное», включающее все представленные в современной науке виды деятельности (см. подробнее [Колесникова, 2008 ; Кравченко, 2016]).

Педагоги МБОУ СОШ сельского поселения Нижние Халбы, которое стоит на месте старинного нанайского стойбища, разработали педагогический проект «Модель единого информационно-познавательного пространства, направленного на расширение языковой среды и сохранение нематериального культурного наследия нанайского народа» и реализовали его в рамках КИКа.

Деятельность по сохранению родного языка и культуры ведётся на протяжении многих лет учителями, детьми, родителями, заинтересованными жителями села, население которого и сегодня на 75% – нанайцы. Изменения в ФГОС ООО 2015 года коснулись предметной области «Филология». Стандартом обозначены не только «Русский язык и литература», но и предметная область «Родной язык и литература». Выступая одной из составляющих содержания образования при реализации основных образовательных программ основного общего образования, начального общего и дошкольного образования школ, расположенных в местах компактного проживания как нанайцев, так и других малочисленных народов Хабаровского края, предметы «Родной язык» и «Литература» способствуют не только обогащению активного и потенциального словарного запаса обучающихся, но и воспитанию ценностного отношения к родному нанайскому языку.

С изменениями в обществе менялся подход к преподаванию родного языка, проблема его сохранения стала главной в определении образовательных и воспитательных задач. Языковая среда является системообразующим фактором воспитательного пространства образовательной организации, которая создаёт условия для развития и самореализации всех её субъектов. Эффективность влияния языковой среды школы на позитивную социализацию учащихся в значительной мере определяется формированием и гармоничным влиянием всей гаммы внешних (открытость культуре мира, включённость в единое образовательное пространство, взаимодействие с социокультурной средой региона, сотрудничество с семьёй) и внутренних (организационно-педагогических, социально-педагогических, процессуально-педагогических) условий, в которых протекает целостный педагогический процесс. Понимая значимость формирования и развития языковой среды, в образовательной организации с 2002 года коллектив активно осуществляет деятельность в социальной и образовательной сфере. Так родился социокультурный комплекс «ВОЗ-Рождение», деятельность которого подробно описана в пособии «Организация деятельности сельского социокультурного комплекса» [Попова, 2008], изданном в Хабаровском краевом институте образования в 2008 году. С опытом педагогов школы можно ознакомиться в сборниках краевых и международных форумов [Попова, 2011, 2012].

С 2016 года разработана Программа развития на 2016–2020 годы «Модернизация образовательного процесса как условие реализации творческого потенциала учащихся, духовного становления личности через реализацию социально-значимых проектов», направленных на сохранение и развитие родного языка и национальной культуры.

Стремительное развитие информационных технологий заставило современное поколение детей и подростков столкнуться с принципиально новыми вызовами. Взросление, обучение и социализация детей проходят в условиях гиперинформационного общества. Сеть Интернет становится важнейшим институтом социализации образования и просвещения нового поколения, которая при разумном и эффективном сотрудничестве всех

участников образовательного процесса становится ключевым элементом, способствующим расширению языковой среды и сохранению нематериального культурного наследия любого народа. Развитие информационных и коммуникационных ресурсов, возрастающая доступность медиасредств открывают практически безграничные возможности для доступа к любой информации, в том числе разработке и внедрению специальных образовательных и просветительских программ для развития этнокультурной, социокультурной компетентности участников образовательного процесса.

Модель единого информационно-познавательного пространства школы села Нижние Халбы включает в себя два основных компонента: образовательный и информационно-организационный (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Модель единого образовательного пространства школы села Нижние Халбы

Стандарт определяет образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, поэтому образовательный компонент рассматривается в двух аспектах: содержательном и познавательно-воспитательном, которые реализуются в рамках урочной и внеурочной деятельности.

В процессе освоения содержания предметных областей «Родной язык и родная литература», «Русский язык и литература», «Общественно-научные предметы», «Искусство» обучающиеся, работая с информацией, создают электронные ресурсы в процессе исследовательской и проектной деятельности, которую планирует и сопровождает учитель. Компетенция педагогического проектирования исследовательской деятельности обучаю-

шихся для педагога родного языка сегодня является профессиональной нормой. Взаимодействие филологов в выстраивании межпредметных связей, диалога языков и культур, в формировании умений, навыков и способов действий в процессе анализа языковых явлений, авторских произведений и фольклора, способствует расширению среды нанайского языка. Предметы общественно-научного цикла способствуют расширению знаний об истории происхождения нанайских родов, их расселения на территории края и района, о создании и развитии села, земляках, защищавших страну в годы Великой Отечественной войны. Эти знания обучающиеся приобретают, работая над исследовательскими проектами, рефератами, оформлением генеалогических деревьев семьи и рода, погружаясь в этнографию и знакомясь с археологией и топонимикой Хабаровского края. Наполнение предметной области «Искусство» обновленным содержанием регионального компонента осуществляется не только через изучение традиционного музыкального и декоративно-прикладного искусства коренных народов, но и произведений современных нанайских мастеров, художников, композиторов. Детское сообщество юных исследователей не могло не объединиться – так начали работу научные общества «Родник» и «Дуэнтэ». Единое информационно-познавательное пространство дополняет школьный музей, играющий немалую роль в процессе воспитания обучающихся, формирования у них этнической и гражданской идентичности, и способствующий сохранению культуры и традиций нанайского народа. Музейные уроки, уроки предков, историко-этнографические походы, экскурсии, в том числе и виртуальные, лишь малая часть форм, которые применяют педагоги, создавая условия для активного познания мира и национальной культуры. Педагогическое проектирование исследовательской деятельности обучающихся способствует пополнению не только музея, но Интернет-ресурса «Хай-ну эрдэнгэ».

Информационно-организационный компонент включает медицентр и интернет-ресурс «Хай-ну эрдэнгэ». Основными целями медицентра являются: удовлетворение потребностей педагогического коллектива школы, учащихся, их родителей (законных представителей), заинтересованных организаций в свободном доступе к историко-культурному наследию народа нанай; создание каталогов учебных информационных материалов, электронных образовательных ресурсов и баз данных нормативно-правовых документов по родному языку и национальной культуре; использование цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) по нанайскому языку и национальной культуре в учебной и воспитательной деятельности.

Медицентр школы решает следующие задачи: создание эффективных условий для расширения языковой среды через единое информационно-познавательное пространство образовательного учреждения; создание интерактивной информации по родному языку и национальной культуре для развития этнокультурной, социокультурной компетентности участников образовательного процесса. Центр осуществляет техническое сопровождение интернет-ресурса «Хай-ну эрдэнгэ», где размещаются электронные материалы [Хай-ну эрдэнгэ, 2018].

На странице «Хай-ну эрдэнгэ» созданы разделы «Сказки», «Берегите природу», «Мы читаем», «Кроссворды», «Нанайские писатели», «Халбинские мастера», «Раритетная литература». Методические материалы в помощь учителям родного языка размещены на странице «Работы учителей»: книжки-раскраски, примерная программа по предметной образовательной области «Родной (нанайский) язык и родная литература» для 5–9 классов, дидактические материалы, разработки уроков. На странице «Ниңман» размещены диафильмы, созданные учащимися школы по мотивам национальных сказок на нанайском, русском, английском языках. «Боава кэрэлэусу» – листовки по защите природы, правилам безопасного поведения. Это учебные проекты в рамках изучения темы «Глаголы повелительного наклонения» по нанайскому языку и во время проведения экологического месячника. Поэтическая страничка «Буэ холайпу» посвящена творчеству нанайских поэтов. Кроссворды на нанайском языке на различные темы, выполненные учащимися 7–11 классов, размещены в разделе «Кроссвордасал». В «Алосимдисалпу аңгохачи» находятся книжки-раскраски, разработанные учителями русского, нанайского и английского языков. Нанайский орнамент – изображение животного или птицы – сопровождается литературным рядом на трёх языках. Также имеется ссылка на страницу учителя родного языка, где представлены учебно-методические материалы по преподаванию нанайского языка, разработанные учителем: «Примерная программа по предметной образовательной области «Родной (нанайский) язык и родная литература» для 5–9 классов», дидактические материалы, разработки уроков. В разделе «Нанай писательсалчи» содержится информация на родном языке о нанайских писателях. Страница «Халбоңкан паксисални» посвящена халбинским мастерам декоративно-прикладного искусства. В помощь учителю создана страница «Балапчи даңсасал», на которой находится литература, переведённая на нанайский язык, изданная в 1940–50 годы издательством «Учпедгиз» г. Ленинграда.

На данный момент ресурс наполняется материалами, созданными участниками образовательных отношений. В 2019 году планируется создание методических рекомендаций по использованию интернет-ресурса.

В результате реализации инновационного проекта произошли следующие изменения. Во-первых, достигнуто повышение интереса к изучению языка. Проведено исследование мнений по вопросам сохранения родного языка в мае 2016, 2017 годов среди учащихся 5–10 классов школы. По результатам анкетирования, с мая 2016 года по май 2017 года произошли следующие изменения:

- на 4% увеличилось число респондентов, считающих нанайский язык родным;
- на 6% возросло количество человек, которые осознают, что знают язык недостаточно хорошо;
- увеличилось на 8% количество тех, кто относится к родному языку с уважением;
- на 6% возросло количество осознающих необходимость изучения нанайского языка в школе;

- увеличилось на 7% количество респондентов, считающих знание родного языка современными нанайцами необходимым.

Во-вторых, произошла популяризация традиций, обычаев нанайцев среди молодого поколения. В исследовании мнений представителей нанайского народа по вопросам сохранения родного языка в мае 2017 года приняло участие 11 жителей села. В результате оказалось, что понимают, но не говорят на нанайском языке 7 человек (64%), не понимают и не говорят на нём 4 человека (36%); допускают возможность общения на родном языке в быту, на работе, в общественных местах 8 человек (67%) и столько же считают необходимым обучение населения родному языку.

Клубом молодых мам в 2015–2016 учебном году было проведено 2 мероприятия по национальной культуре, в 2016–2017 учебном году – 3 мероприятия, снят учебный фильм «Сборка нанайского халата».

В-третьих, отмечена гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений. В 2015–2016 учебном году с привлечением Совета старейшин села было проведено 3 мероприятия по национальной культуре, а в 2016–2017 учебном году – 4.

Наконец, усилено развитие этнокультурной и социокультурной компетентности всех участников образовательного процесса. В мае 2016 и 2017 годов проведена диагностика типов этнической идентичности (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) для учащихся 9–10 классов, родителей, педагогов школы. Полученные данные приведены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Результаты диагностики типов этнической идентичности

Год	2016	2017
Количество респондентов	14	17
Этнонигилизм	0/0%	0/0%
Этническая индифферентность	3/21%	3/18%
Норма	9/64%	12/71%
Этноэгоизм	2/14%	2/12%
Этноизоляционизм	0/0%	0/0%
Этнофанатизм	0/0%	0/0%

Результаты диагностики свидетельствуют, что у респондентов отсутствуют такие типы этнической идентичности, как этнонигилизм (одна из форм гипоиентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию), этноизоляционизм (убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия), этнофанатизм (готовность идти на любые действия во имя

так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа).

Стабильно низкие показатели таких типов этнической идентичности, как этническая индифферентность (размывание этнической идентичности, выраженное в неопределённости этнической принадлежности, неактуальности этничности) и этноэгоизм (напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счёт).

Норма (позитивная этническая идентичность) – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам – количество респондентов с таким типом этнической идентичности увеличилось с 64 до 71%.

Данные диагностики подтверждают выводы, сделанные по результатам анкетирования: увеличение интереса к нанайскому языку (см. соответствующие параметры) составило 4–8%, а позитивное отношение к собственному и другим народам выросло на 7%.

Считаем, что в процессе реализации педагогического проекта «Модель единого информационно-познавательного пространства, направленного на расширение языковой среды и сохранение нематериального культурного наследия нанайского народа» произошла актуализация знаний о родной культуре, традициях, обычаях и языке нанайцев среди молодого поколения, повысился уровень позитивной этнической идентичности, продолжилось развитие межкультурных отношений, этнокультурной и социокультурной компетентности всех участников образовательного процесса.

3. Заключение

Таким образом, в школе поселения Нижние Халбы построена и успешно прошла апробацию модель единого информационно-познавательного пространства, направленного на расширение языковой среды и сохранение нематериального культурного наследия нанайского народа. Созданный в рамках проекта интернет-ресурс «Хай-ну эрдэнгэ», содержащий лингвистические и экстралингвистические средства и материалы (образцы литературного творчества, фильмы, технологии и образцы декоративно-прикладного искусства), является эффективным средством для достижения поставленной цели.

Реализация проекта позволила усилить интерес и повысить мотивацию к изучению этнического нанайского языка: увеличение соответствующих параметров (владение языком как родным, уважение к языку и осознание необходимости его изучения) составило 4–8%. Популяризация нанайских традиций и обычаев среди молодого поколения и гармонизация меж- и внутр поколенческих отношений позволили несколько снизить этническую индифферентность и этноэгоизм, что также следует отнести к

положительным результатам проекта. Проект необходимо продолжать и развивать для достижения более динамичного роста показателей владения нанайским языком и этнической идентичности нанайцев.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Изд-во ИКАР. 2009. – 448 с.
2. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф. И. Буслаев Ч. 1–2. – М., 1844. – 731 с.
3. Гарцов, А. Д. Электронная лингводидактика в системе инновационного языкового образования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук 13.00.02 / Гарцов Александр Дмитриевич; Российский ун-т дружбы народов. – М., 2009. – 42 с.
4. Гладченкова, Н. Н. Культурно-информационное пространство образовательного учреждения как среда становления нравственного опыта личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Гладченкова Наталья Николаевна; Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2001. – 24 с.
5. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и дополн. – Назрань: Изд-во Пилигрим, 2010. – 486 с.
6. Колесникова, И. А. Педагогическое проектирование: учеб. пособие / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
7. Кравченко, И. Н. Педагогическое проектирование этнокультурной и исследовательской деятельности обучающихся, направленное на развитие этнической и социальной идентичности личности (на примере работы МБОУ ООШ с. Омми Амурского муниципального района Хабаровского края [Текст] / И. Н. Кравченко, Е. С. Гаер // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Междунар. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой», Хабаровск, 16–17 ноября 2016 г. / [отв. ред. Е. В. Кулеш]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – С. 411–416.
8. Новиков, А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий [Текст] / А. М. Новиков. – М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с.
9. Новикова, В. А. Информационное образовательное пространство вуза как фактор формирования информационной профессиональной культуры будущего специалиста [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Новикова Вера Александровна; Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2009. – 24 с.
10. Попова, О. А. Обучение родному языку как основе культуры народа в социокультурном комплексе «ВОЗ-Рождение» [Текст] / О. А. Попова // Языковое и культурное наследие коренных малочисленных народов: реалии и перспективы: сб. докладов Междунар. форума 9–10 октября 2012 г. – Хабаровск, 2012. – С. 74–76.
11. Попова, О. А. Организация деятельности сельского социокультурного комплекса [Текст] / О. А. Попова – Хабаровск: ХК ИППК, 2008. – 27 с.

12. Попова, О. А. Современные образовательные технологии обучения нанайскому языку в общеобразовательной школе [Текст] / О. А. Попова // Родные языки коренных народов Севера в сохранении исторического и культурного наследия этноса : сб. статей краевого форума 11–13 мая 2011 г. – Хабаровск, 2011. – С. 95–103.
13. Хай-ну эрдэнгэ [Электронный ресурс]. – URL : <http://halbschool.ru/hay-nu-erdenge/> (дата обращения: 30.06.2018).

References

1. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of teaching methods terms and definitions (Theory and practice of language teaching)]. Moscow, IKAR Press.
2. Buslaev, F. I. (1844). *O prepodavanii otechestvennogo yazyka* [Teaching Mother language]. Parts 1–2. Moscow.
3. Gartsov, A. D. (2009). *Elektronnaya lingvodidaktika v sisteme innovatsionnogo yazykovogo obrazovania* [Electronic linguodidactics in the system of innovative language education]. Author's abstract of Doctoral in Pedagogical sci. diss. Moscow, RUDN University.
4. Gladchenkova, N. N. (2001). *Kul'turno-informatsionnoe prostranstvo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya kak sreda stanovleniya npravstvennogo opyta lichnosti* [Cultural and informational space of an educational institution as an environment for gaining moral experience of a personality]. Author's abstract of PhD in Pedagogical sci. diss. Rostov-on-Don, Rostov State Pedagogical University.
5. Zhrebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edition with corrections and additions. Nazrazn : Pilgrim Press.
6. Kolesnikova, I. A., Gorchakova-Sibirskaya, M. P. (2008). *Pedagogicheskoe proektirovanie* [Pedagogical projecting]: A coursebook. 3d edition. Moscow : «Akademiya» Press.
7. Kravchenko, I., Gaer, E. (2016). Pedagogicheskoe proektirovanie etnokul'turnoi i issledovatel'skoi deyatel'nosti obuchayushchikhsya, napravlennoe na razvitiye etnicheskoi i sotsial'noi identichnosti lichnosti (na primere raboty MBOU OOSH s. Ommi Amurskogo munitsipal'nogo rayona Khabarovskogo kraya [Pedagogical projecting cultural activities of students (On the example of MBOU OOSH p. Ommi of the Amur municipal area of Khabarovsk territory)]. In E. V. Kulesh, *Rossiya v mirovom soobshchestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kul'tur* [Russia in the world community: Semantic space of dialogue among cultures]. Materials of International Forum «Eastern vector of migration processes: Dialogue with the Russian culture» (pp. 411–416). Khabarovsk.
8. Novikov, A. M. (2013). *Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Pedagogy: Dictionary of basic definitions system]. Moscow : IET Press.
9. Novikova, V. A. (2009). *Informatsionnoe obrazovatel'noe prostranstvo vuza kak faktor formirovaniya informatsionnoy professional'noy kul'tury budushchego spetsialista* [Informational educational environment of a higher education institution as a factor to form informational professional culture of a future

- spetialist]. Author's abstract of PhD in Pedagogical sci. diss.; Ryazan State University named for S. Yesenin. Ryazan.
10. Popova, O. A. (2012). Obuchenie rodnomu yazyku kak osnove kul'tury naroda v sotsiokul'turnom komplekse «VOZ-Rozhdenie» [Teaching Mother language as a basis for people's culture at the social and cultural institution «VOZ-Rozhdenie»]. *Proc. of the International Forum, October 9–10, 2012 «Yazykovoie i kul'turnoe nasledie korennykh malochislennykh narodov: realii i perspektivy»* [«Language and cultural heritage of of indigenous language minorities: Reality and outlook»] (pp. 74–76). Khabarovsk.
 11. Popova, O. A. (2008). *Organizatsiya deyatel'nosti sel'skogo sotsiokul'turnogo kompleksa* [Organizing activities of a rural Social and Cultural Center]. Khabarovsk : KhK IPPK Press.
 12. Popova, O. A. (2011). *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii obucheniya nanayskomu yazyku v obshcheobrazovatel'noy shkole* [Modern educational technologies in teaching the Nanai language in a comprehensive school]. *Proc. of the Regional Forum, May 11–13 «Rodnye yazyki korennykh narodov Severa v sokhranении istoricheskogo i kul'turnogo naslediya etnosa»* [«Native languages of indigenous peoples of the North and preserving historic and cultural heritage of the ethnos»] (pp. 95–103). Khabarovsk.
 13. Khay-nu erdenge. Retrieved June 30, 2018 from <<http://halbschool.ru/hay-nu-erdenge/>>.

УДК 811.512.211

UDC 811.512.211

Шарина Сардана Ивановна**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера****Сибирского Отделения Российской Академии Наук****г. Якутск, Российская Федерация****Sardana I. Sharina****The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North****Russian Academy of Sciences Siberian Branch****Yakutsk, Russian Federation**

sarshar@mail.ru

О ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ С СУФФИКСОМ -ҤА / -ҤЭ**В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ****THE VERBAL STEM WITH THE SUFFIX****-ҤА / -ҤЭ IN THE EVEN LANGUAGE****Аннотация**

В статье рассматривается аналитическая конструкция с предикатным актантом, выраженная глагольной основой с суффиксом *-ҥа / -ҥэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательных вспомогательных глаголов со значением «не мочь, быть не в состоянии». Краткий обзор грамматических работ и диалектных описаний эвенского языка показывает, что статус данной формы чётко не определён, несмотря на её присутствие во всех описанных говорах и диалектах. На основании грамматических признаков, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление, невозможность изменения по числам, опровергается положение об отнесении глагольной основы с суффиксом *-ҥа / -ҥэ* к причастиям. По семантическому наполнению, морфологическим критериям и синтаксическим признакам форма на *-ҥа / -ҥэ* определяется как деепричастие невозможности / нежелания совершать действие.

Abstract

The article deals with an analytical construction with a predicate actant, expressed by the verbal stem with the suffix *-ҥа / -ҥэ*, to which the finite form of the negative auxiliary verb with the meaning «can not be, can not» is added. Brief review of literature describing the Even grammar of various dialects shows contradictory status of this stem, although it is present in all Even dialects and local accents explored. Grammatical features that exclude the presence of the categories of time, case including possessive form, and the impossibility of changing number are used to reject the traditional statement of referring the verbal stem with the suffix *-ҥа / -ҥэ* to attributive participles. Judging by its semantics, morphological and syntactic features, words with *-ҥа / -ҥэ*, should be rather classified as adverbial participles that denote impossibility / reluctance to perform an action.

Ключевые слова: эвенский язык, причастия, деепричастия, грамматические признаки.

Keywords: the Even language, attributive participles, adverbial participles, grammatical features.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_3_114_122

1. Введение

Исследование глагола и различных его форм является одним из наиболее сложных аспектов в тунгусо-маньчжурском языкознании, что определяет интерес к нему многих исследователей на протяжении всего периода научного анализа данной группы языков. Эвенский глагол, представляющий процессный признак, может быть охарактеризован с разных точек зрения. Но, прежде всего, в силу агглютинативного характера эвенского языка, он интересен большим разнообразием и обилием морфологических форм. Например, А. А. Бурыкин выделил 27 разрядов категории вида и способов глагольного действия с большим количеством разнообразных суффиксов [Бурыкин, 2003]. В эвенском языке различение и отнесение инвентаря имеющихся глагольных суффиксальных морфем по различным грамматическим классам, обладающим определёнными грамматическими категориями и семантикой, не вызывает особых трудностей. Все исследователи эвенского языка отчётливо различают формы вида, залога, склонения, причастные и деепричастные формы.

Однако, насколько можно судить по материалам недостаточно изученных и не имеющих систематического описания говоров и диалектов, следует также подчеркнуть и наличие некоторых нерешённых вопросов и спорных точек зрения, связанных с составом и грамматическим статусом причастных и деепричастных форм эвенского языка [Шарина, 2016, 2017]. Здесь важно отметить, что мы придерживаемся точки зрения, согласно которой причастия и деепричастия являются особыми формами глагола [Роббек, 2007, с. 537].

В данной связи наше внимание привлекает аналитическая конструкция с предикатным актантом, выраженная глагольной основой с суффиксом *-на/-нэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола, относящаяся к особой группе модальных слов со значением «не мочь, быть не в состоянии». Аналитическая конструкция обозначает невозможность или нежелание совершать действие, например: *дёмкатаңа туркурэм* «(я) не могу вспомнить», *нуннан дукна* «(он) не умеет писать», *өсэрэм гиркаңа* «(я) не в состоянии ходить», *олбаллан хөрүэ* «(он) не в состоянии ехать», *гургэвчиңэ бәнни* «(ты) ленишься работать».

Конструкции, образуемые отрицательно-модальными глаголами (или особой группой модальных глаголов) и тематическим глаголом, оформленным показателем *-на/-нэ*, в рамках описания эвенских говоров и диалектов отмечались почти всеми исследователями.

В. И. Цинциус относил форму на *-на/-нэ* к причастиям с некоторым сомнением: «Глаголы, которые в таких сочетаниях выражают основное значение, принимают или форму специального причастия (?) с суффиксом

-нга/-нгэ...» [Цинциус, 1947, с. 205]. Далее автор классифицирует её как отрицательно-неопределённое причастие: «Причастие отрицательно-неопределённое с суффиксом -нга/-нгэ употребляется с отрицательными модальными глаголами...» [Цинциус, 1947, с. 210].

При описании ольского говора К. А. Новикова отмечала: «Аффиксальный элемент -*на/-нэ* – это, во-видимому, причастный формант <...>, употребляющийся в аналитических конструкциях с отрицательными вспомогательными глаголами», этимологически соотнося -*на/-нэ* с суффиксом одновременного деепричастия давнопрошедшего времени -*нси*, показателем причастия прошедшего времени -*дан/-дэн* и причастия будущего времени -*ди^на/-ди^нэ* [Новикова, 1980, с. 103]. Однако далее, при описании причастий ольского говора, данный формант автором не классифицируется в числе причастных показателей.

Вслед за указанными авторами, В. Д. Лебедев также отмечает наличие данной формы в говорах эвенов Якутии: «...причастия с суфф. -*на/-нэ*, которые употребляются с отрицательными модальными глаголами типа *олбалдэйи*, *туркудэйи* «не мочь», *баадайи* «лениться» [Лебедев, 1978, с. 91]. При описании охотского диалекта он называет данную форму отрицательно-неопределённым причастием [Лебедев, 1982, с. 116].

В последующих исследованиях, посвящённых эвенскому языку и его диалектам, эта форма не классифицируется как причастие, хотя формант обнаруживается во всех описанных восточных и западных говорах. Так, Х. И. Дуткин при описании аллаиховского говора приводит следующее: «... в говоре встречаются отрицательно-модальные глаголы, обозначающие невозможность совершения действия <...>, сочетающиеся с неизменяемой формой тематического глагола (показатель -*на*)» [Дуткин, 1995, с. 48].

Как видно из приведённого краткого обзора, в грамматических работах и диалектных описаниях по эвенскому языку статус данной формы чётко не определён, хотя она встречается во всех описанных говорах и диалектах.

2. Грамматический статус глаголов с формантом -*на* / -*нэ*

При анализе конструкции, образуемой отрицательно-модальными глаголами и тематическим глаголом, оформленным показателем -*на/-нэ*, наряду с данными языковых идиом, имеющих систематическое описание, мы далее будем приводить диалектный материал неизученных и слабо изученных эвенских говоров.

По нашим данным, в западных говорах глагольная основа с суффиксом -*на/-нэ* употребляется в основном с финитной формой отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии». Структура аналитической конструкции в западном наречии преимущественно следующая: в предложении сначала стоит глагольная основа с суффиксом -*на/-нэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии», *албадай* «не мочь, не быть в состоянии», *олбадай* «опаздывать, не успевать что-либо делать», или *бāндай* «лениться», *хоттай* «не мочь, не уметь, быть не в состоянии».

Приведём примеры употребления аналитической конструкции с глагольной основой на *-на/-нэ* в западных говорах.

(1) *Он-да мөндэнэ туркуттин* – «Никак не смог найти (он)» (Л).

(2) *Көйөчөлдэ аймакан орол таңнаутно, өмөм дэ урөчөлү бакна туркудис* – «Посмотрите хорошенько на оленье рога, ни одного похожего не сможете найти» (Л).

(3) *Киаба дэбэдүнэ туркун, билган энһэкэн* – «Дед не может есть из-за болезни горла» (Н-К).

(4) *Аһаткан уһив тәна туркун* – «Девочка не может тянуть верёвку» (Н-К).

Нижеследующие примеры показывают, что в восточных говорах строгого порядка следования составных частей аналитической конструкции не прослеживается.

(1) *Өинде һутарими ноһартакитан көйэтнэ туркурин* – «Из-за сверкания Оинде не мог смотреть на них» (Бер).

(2) *Тиэк һу эрэлбу уйамкарбу һөчилрэ, төр мудандулан истала туркудис бакна* – «Догоняйте этих снежных баранов, но даже у края земли вы их не догоните» (Бер).

(3) *Гиркавачисчирин тарйакли, туркун хөрнэ Өинде, тала арисагал һөя* – «Встал, попытался пойти, но не смог сделать шаг Оинде, там было много арисагов» (Бер).

В эвенском языке обнаруживается весьма частотное оформление глагольной основы с суффиксом *-на/-нэ* показателями вида и залога. Примеры:

(1) *га-ван-на* *хэ-рэ-м*
 брать-RAR-CV.UNRL.MOD не мочь-PRS-1Sg

«боюсь (даже) изредка брать»

(2) *нулгэ-ден-нэ* *ба-р*
 кочевать-CON-CV.UNRL.MOD лениться-3Pl

«ленятся (даже) медленно кочевать»

(3) *һәмалка-б-но* *һот-никан*
 узнать-RFL- CV.UNRL.MOD не.мочь-CV.SIM1

«никак не запоминаясь, не опознаваясь»

(4) *амта-вка-сси-на* *һот-май*
 пробовать.на.вкус-CAUS-DIM1-CV.UNRL.MOD не.мочь-INF
 «не иметь желания попытаться давать даже попробовать на вкус»

Наличие формы залога (3, 4) и вида (1, 2, 4) характерно и для причастий, и для деепричастий.

Вторая составляющая аналитической конструкции – финитный глагол, относящийся к особой группе модальных слов – в конструкции иногда может принимать аспектуальную форму, например:

тивнэ-нэ *турку-чи-л-лөт-тэ-н*
 остановиться – CV.UNRL.MOD не мочь – DUR-INCH-HAB1-

PRS-3Sg

«(он) обычно никак не мог остановиться».

В восточных и западных говорах возможно использование отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* «не мочь, быть не в состоянии» в форме деепричастий, как в следующих трёх примерах.

(1) *Ноҕон, аканни мэнди тэлэҥнивэн алатҕа туркуриди, улгимидни* – «Он спросил, так и не дождавшись, что брат сам расскажет» (разновременное деепричастие единственного числа) (Л).

(2) *Өкэтэл һонҕачал, маҥчиҕа туркуридуҕур, үэнэди өкэллөттэ* – «Особо любящие молоко оленята, не выдержав, приходят и сосут важек» (разновременное деепричастие множественного числа) (Л).

(3) *Би элэ хиакитала туркуми ойчивкаҕа тарбат-та бөдөлүтэн мукриди-мэк аран-аран мэҥнүми элэ хиакитала маҕриди ойчивканив* – «Я не смог затащить их на дерево и отрезал им ноги и только тогда смог их втащить сюда» (условное деепричастие) (Бер).

Итак, правомерно ли отнесение рассматриваемой формы к причастиям? Причастию как самостоятельному грамматическому классу присуща собственная семантика – действенный признак и определённые морфологические категории. Сомнения и неуверенность исследователей эвенского языка при отнесении форманта *-һа/-һэ* к причастным формам, видимо, объясняются неопределённостью грамматического статуса и несоответствием грамматических особенностей формы на *-һа/-һэ* причастиям, обозначающим признак предмета по действию или само действие, соотносясь по семантике с прилагательными.

Действительно, приверженность *-һа/-һэ* к причастным формам не прослеживается по всем его основным характеристикам. Во-первых, важнейшим грамматическим признаком тунгусо-маньчжурских причастий считается категория времени, глагольная же форма на *-һа/-һэ* не обладает этой категорией непосредственно, вне финитного отрицательного вспомогательного глагола в составе аналитической конструкции. Скорее, она тяготеет к модальному содержанию невозможности или нежелания выполнения действия, нежели к временному.

Во-вторых, глагольные слова, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, не обозначают признак, возникший в результате действия и присущий причастиям.

В-третьих, данная форма не склоняется, не принимает именной суффикс множественного числа и не имеет притяжательной формы, тогда как всем разрядам причастий свойственны указанные изменения и согласования.

Так, основываясь на грамматических признаках, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление, невозможность изменения по числам, мы склонны считать, что элемент *-һа/-һэ* не относится к причастным формам.

Рассмотрим некоторые параллели в использовании рассматриваемых форм в эвенской речи. По своей специфической семантике глаголы, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, употребляются только с финитными формами отрицательных вспомогательных глаголов со значением «не мочь, быть не в состоянии» в составе аналитической конструкции. В эвенском языке насчитывается несколько таких глаголов: *туркудэй* «не мочь что-либо сде-

лать», *өсэдэй* «не уметь что-либо делать», *нундай* «не быть в состоянии сделать что-либо», *албадай* «не мочь, не быть в состоянии», *олбадай* «опаздывать, не успевать что-либо делать», *хэдэй* «не мочь, быть не в состоянии что-либо сделать», *бадай* «лениться».

Приведённые глаголы в составе аналитической конструкции могут ещё использоваться с условными деепричастиями на *-ми* и с деепричастиями цели на *-да/-дэ-та/-тэ*. Например: предикатный актант *гөүэ туркурэм* «не могу сказать» соотносим с аналитическими конструкциями *гөндэй туркурэм* «не могу сказать», *гөсчими туркурэм* «пытаюсь сказать, не могу»; предикатному актанту *гиркаңа туркутни* «не может ходить» соответствует *гиркасчими туркутни* «пытаюсь ходить, не может»; конструкция *хөрнэ банни* «ленишься идти» параллельна *хөрдэй банни* «ленишься идти» и так далее.

Рассматриваемая форма сопоставляется с другими деепричастиями и в одинаковом управлении винительным падежом, например:

1) *нёуцаку туркурэм пэктэрэнүэ* «не могу стрелять в волка» – *нёуцаку пэктэрэникэн* «стреляя в волка» (одновременное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэми* «если стрелять в волка» (условно-временное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэмнин* «как только выстрелил в волка» (последовательное деепричастие), *нёуцаку пэктэрэриди* «выстрелив в волка» (разновременное деепричастие);

2) *учаки гэлэтуэ туркун* «не может найти верхового оленя» – *учаки гэлэтникэн* «разыскивая верхового оленя» (одновременное деепричастие), *учаки гэлэтми* «если искать верхового оленя» (условно-временное деепричастие), *учаки гэлэтниди* «поискав верхового оленя» (разновременное деепричастие) и так далее.

Исходя из приведённых соотнесений и параллелей с деепричастиями, можно предположить общность рассматриваемой формы с эвенскими деепричастиями.

В тунгусо-маньчжуроведении деепричастие определяется следующим образом: «...Деепричастиями мы называем те специальные разряды глагольных слов, которые образуются от глагольных основ посредством особых деепричастных окончаний, выражающих видо-временные и модальные значения, а также зависимость или подчинённость данного деепричастия какому-либо другому глагольному слову – причастию, именной форме глагола, собственно глаголу или деепричастию» [Суник, 1962, с. 264].

В соответствии с данным определением, рассматриваемые аналитические конструкции с предикатными актантами, характеризующие наличием глагольных слов, оформленных суффиксом *-на/-нэ*:

1) имеют признаки глагола – семантику, выражающую действие с модальным значением невозможности или нежелательности выполнения;

2) сочетаются отрицательно-модальными финитными глаголами и зависят от них;

3) способны управлять винительным падежом;

4) неспособны изменяться и согласовываться.

Все эти черты присущи эвенским деепричастиям, и в этом состоит их сходство с наречиями. В эвенском языке к неизменяемым ни по числам, ни по лицам деепричастиям относятся: условные (с суффиксом *-ми*), деепричастия предела (*-кан/-кэн*) и последовательные (*-мнин*).

Важно и существенно, что в известных ныне эвенских диалектах формам на *-на/-нэ* соответствуют весьма разнообразные формы. Только в эвенских диалектах Хабаровского края в таких конструкциях, кроме формы деепричастия на *-ми* (как в эвенкийском языке), используются разные формы, причём не только неизменяемые [Бурыкин 1988, с. 264]. Оформление конструкций с предикатными актантами в эвенских диалектах требует дальнейших исследований с привлечением новых полевых данных.

3. Заключение

Обзор грамматических работ и диалектных описаний эвенского языка показывает, что статус глагольной формы с суффиксом *-на/-нэ* чётко не определён, несмотря на её присутствие во всех описанных в лингвистической литературе говорах и диалектах. На основании грамматических признаков, таких, как отсутствие категории времени, падежного и притяжательного оформления, невозможность изменения по числам, следует отвергнуть традиционное положение об отнесении глагольной основы с указанным суффиксом к причастиям. По семантическому наполнению, морфологическим критериям и синтаксическим признакам форма на *-на / -нэ* должно определяться как деепричастие.

Эта отдельная деепричастная форма эвенского языка имеет распространение во всех известных диалектах и говорах – восточных и западных. Предварительно слова с указанным суффиксом можно назвать деепричастиями невозможности / нежелания совершать действие (CV.unreal.modality), имеющими ограниченную дистрибуцию. Их особенность в том, что они употребляются только в составе аналитической конструкции с финитной формой отрицательных модальных глаголов.

Список сокращений и условных обозначений

- 1 – первое лицо;
- 3 – третье лицо;
- CAUS –каузатив;
- CON –континуатив;
- CV.UNRL.MOD (CV.unreal.modality) – деепричастие невозможности / нежелания совершать действие;
- DIM1 –диминутив 1;
- DUR – дуратив;
- HAB1 – хабитуалис 1;
- INCH – инхоатив;
- INF –инфинитив;
- Pl – множественное число;

PRS – настоящее время;
 RAR – форма редко совершаемого действия (rarely);
 RFL – рефлексив;
 Sg – единственное число;
 Бер – берёзовский говор;
 Л – ламунхинский говор;
 Н-К – нижнеколымский говор.

Список литературы

1. Бурькин, А. А. Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края [Текст] / А. А. Бурькин // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней. – М., 1988. – С. 46–53.
2. Бурькин, А. А. О составе способов глагольного действия в эвенском языке и порядковых позициях показателей категориальных форм глагола в эвенской глагольной словоформе (опыт обобщения) [Текст] / А. А. Бурькин // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие : м-лы международной науч. конф. Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г. – СПб., 2003. – С. 26–29.
3. Дуткин, Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии [Текст] / Х. И. Дуткин. – СПб : Наука, 1995. – 144 с.
4. Лебедев, В. Д. Язык эвенов Якутии [Текст] / В. Д. Лебедев. – Л. : Наука, 1978. – 208 с.
5. Лебедев, В. Д. Охотский диалект эвенского языка [Текст] / В. Д. Лебедев. – Л. : Наука, 1982. – 243 с.
6. Новикова, К. А. Очерки диалектов эвенского языка [Текст] / К. А. Новикова. – Л. : Наука, 1980. – 243 с.
7. Роббек, В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте [Текст] / В. А. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2007. – 725 с.
8. Суник, О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках [Текст] / О. П. Суник. – М., Л., 1962. – 363 с.
9. Цинциус, В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка [Текст] / В. И. Цинциус. – Л., 1947. – 270 с.
10. Шарина, С. И. Деепричастие в нижнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 106–111.
11. Шарина, С. И. Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка [Текст] / С. И. Шарина // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 264–270.

References

1. Burykin, A. A. (1988). Leksicheskie osobennosti dialektov i govorov ehvenov Okhotskogo rajjona Khabarovskogo kraja [Lexical peculiarities of the Even dialects of the Okhotsk region of Khabarovsk Territory]. *Lingvisticheskie issledovaniya 1988. Problematika vzaimodeystviya jazykovyh urovney* [Linguistic studies 1988. Challenging issues of language levels interaction] (pp. 46–53). Moscow.

2. Burykin, A. A. (2003). O sostave sposobov glagol'nogo deystviya v evenskom yazyke i poryadkovykh pozitsiyakh pokazateley kategorial'nykh form glagola v evenskoj glagol'noy slovoforme (opyt obobshcheniya) [The system of mode of action verbs in the Even language and position order indicators of categorial verb forms in the Even verb forms (An experience of generalization)]. *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeystvie* [Grammatical categories: Hierarchies, connections, relations]: Proc. of the International Scientific Conference, St-Petersburg, September 22–24, 2003 (pp. 26–29). St-Petersburg.
3. Dutkin, Kh. I. (1995). *Allaikhovskiy govor evenov Yakutii* [Allahovsky dialect of Evens of Yakutia]. St-Petersburg : Nauka Press.
4. Lebedev, V. D. (1978). *Yazyk evenov Yakutii* [Language of Evens of Yakutia]. Leningrad : Nauka Press.
5. Lebedev, V. D. (1982). *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsk dialect of the Even language]. Leningrad : Nauka Press.
6. Novikova, K. A. (1980). *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Even language]. Leningrad : Nauka Press.
7. Robbek, V. A. (2007). *Grammaticheskiye kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk : Nauka Press.
8. Sunik, O. P. (1962). *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh* [A verb in the Tungus-Manchu languages]. Moscow, Leningrad.
9. Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even language (Lamut)]. Leningrad.
10. Sharina, S. I. (2016). Deyeprichastiye v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [Adverbial-participial in Nizhnekolymskiy dialect of the Even language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities], 4 (17), 106–111.
11. Sharina, S. I. (2017). Prichastiye v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [The participle in Nizhnekolymskiy dialect of Even language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], 4, 264–270.

Наши авторы

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: albury@mail.ru

Лавошникова Элина Константиновна, литературный редактор журнала «Вычислительные методы и программирование: Новые вычислительные технологии», ведущий программист, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, email: el.lavoshnikova@yandex.ru

Журавлева Евгения Радиевна, магистрант факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: adkaksin@yandex.ru

Карачева Ольга Борисовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: okaracheva@gambler.ru

Костева Виктория Михайловна, советник по внешним связям государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация, email: vmkosteva@gmail.com

Кравченко Ирина Николаевна, старший методист Краевого государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Хабаровский краевой институт развития образования», г. Хабаровск, Российская Федерация, email: kravchenko@iprk.ru

Кузьмина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, raisakuzmina2013@yandex.ru

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Насилов Дмитрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (01.09.2013 – 01.06.2017), г. Москва, Российская Федерация

Плюснина Екатерина Михайловна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, email: djally666_88@mail.ru

Попова Ольга Александровна, учитель, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа Нижнехалбинского сельского поселения Комсомольского муниципального района Хабаровского края, с. Нижние Халбы, Российская Федерация, email: poahalb@mail.ru

Шалгина Екатерина Анатольевна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, email: chantal2003@list.ru

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, заведующий сектором эвенской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: sarshar@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: info@psu.ru

Our authors

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, email: albury@mail.ru

Elina K. Lavoshnikova, Literary Editor of the journal «Numerical Methods and Programming», senior programmer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, email: el.lavoshnikova@yandex.ru

Evgeniya R. Zhuravleva, Master student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literature, Perm State University, Perm, Russian Federation

Andrey D. Kaksin, Doctor of Philology, Senior researcher, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: adkaksin@yandex.ru

Olga B. Karacheva, senior teacher, the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: okaracheva@rambler.ru

Viktoria M. Kosteva, PhD in Philology, Associate Professor, International Relations Advisor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation, email: vmkosteva@gmail.com

Irina N. Kravchenko, senior specialist, Regional State Budget Educational Institution of Additional Professional Education «Khabarovsk Territory Institute for Educational Development», Khabarovsk, Russian Federation, email: kravchenkoin@ippk.ru

Raisa P. Kuzmina, PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Northern Philology, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, raisakuzmina2013@yandex.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Dmitriy M. Nasilov, Doctor of Philology, Professor, Head of Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (01.09.2013 – 01.06.2017), Moscow, Russian Federation

Ekaterina M. Pliusnina, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, email: djally666_88@mail.ru

Olga A. Popova, Municipal Public Secondary School of Nizhnekhalbinsk settlement of Komsomolsky municipal district, Nizhnie Khalby, Khabarovskiy Territory, Russian Federation, email: poahalb@mail.ru

Ekaterina A. Shalgina, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, chantal2003@list.ru

Sardana I. Sharina, PhD in Philology, Head of the Department of the Even Philology, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: sarshar@mail.ru

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: info@psu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бурькин А. А., Насилов Д. М.</i>	Б. А. Серебрянников как тюрколог-компаративист и проблемы алтаистики	5
<i>Журавлева Е. Р., Шустова С. В.</i>	Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в немецком языке	18
<i>Каксин А. Д.</i>	О средствах характеристики и оценки человека: эпитеты и сравнения в хантыйском языке (в сопоставлении с русским языком)	32
<i>Карачева О. Б., Морозова О. Н.</i>	Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках	39
<i>Костева В. М.</i>	Языкознание Китая в аспекте «тоталитарной» лингвистики	59
<i>Кузьмина Р. П.</i>	Наименования жилищ в эвенском языке (этнолингвокультурологический аспект)	68
<i>Лавошникова Э. К.</i>	«Плюрализм» в написании англоязычных заимствований и MS WORD	77
<i>Плюснина Е. М., Шалгина Е. А.</i>	Влияние тенденций дифференциации и унификации на расширение семантического потенциала лексемы (на примере французского глагола «aimer»)	91
<i>Кравченко И. Н., Попова О. А.</i>	Расширение языковой среды коренных малочисленных народов Дальнего Востока посредством педагогического проектирования: создание единого информационно-познавательного пространства образовательной организации	101
<i>Шарина С. И.</i>	О глагольной основе с суффиксом -жа / -нэ в эвенском языке	114
<i>Информация об авторах</i>		123

CONTENTS

Original Papers

<i>Burykin A. A., Nasilov D. M.</i>	B. A. Serebrennikov as turkologist-comparativist and problems of Altaic studies	5
<i>Zhuravleva E. R., Shustova S. V.</i>	Functional potential of discourse markers in German	18
<i>Kaksin A. D.</i>	The means to characterize and assess a person: Epithets and comparisons in the Khanty language (Compared to Russian)	32
<i>Karacheva O. B., Morozova O. N.</i>	Intonation of statements in Russian and Evenki	39
<i>Kosteva V. M.</i>	Linguistics of China in the aspect of the "totalitarian" linguistics	59
<i>Kuzmina R. P.</i>	Names of houses in the Even language (Ethnolinguo-culturological aspect)	68
<i>Lavoshnikova E. K.</i>	“Pluralism” of English borrowings spelling and MS WORD	77
<i>Plusnina E. M., Shalgina E. A.</i>	The influence of differentiation and unification trends on the semantic potential expansion of lexema (Based on the example of French verb "aimer")	91
<i>Kravchenko I. N., Popova O. A.</i>	Expansion of language environment for indigenous language minorities of the Far East by pedagogical design: creating a single information and cognitive space in an educational institution	101
<i>Sharina S. I.</i>	The verbal stem with the suffix -ҥа / -ҥэ in the Even language	114
<i>Our authors</i>		123

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 4, No 3, 2018.

Сдано в набор 18.09.2018. Подписано к печати 28.09.18. Дата выхода в свет 15.10.2018.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 1000. Заказ 90. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.